

собрание сочинений

ВЛАДИМИР ШИГИН

исторический роман

ДАРДАНЕЛЫ

Морская слава России

Владимир Шигин

Дарданеллы (Собрание сочинений)

«ИП Каланов»

2010

Шигин В. В.

Дарданеллы (Собрание сочинений) / В. В. Шигин — «ИП Каланов», 2010 — (Морская слава России)

В 1805 году после объявления генералом Бонапартом императором Франции началась новая череда европейских войн, в который самое активное участие приняла и Россия в составе антифранцузской коалиции. Для противодействия французам в Средиземном море туда была направлена эскадра вице-адмирала Д.Н. Сенявина. Базируясь на остров Корфу, она развернула боевые действия в Адриатическом море и на побережье Далмации, при активной поддержке населения православной Черногории. В результате ряда блестящих побед на море и на суше была освобождена большая часть территории славянской Далмации. Однако неудачи боевых действий российской армии на европейском театре военных действий, поражение при Аустерлице во многом перечеркнули успехи наших моряков. Лишь благодаря выдающимся дипломатическим способностям Сенявина удалось отстоять от передачи французам наш форпост в Далмации – порт Бокко-ди-Катторо. Неудачи нашей армии в войне с Францией подтолкнули к началу войны с Россией и Турцию, желавшую вернуть свое влияние в северном Причерноморье. Теперь эскадре Сенявина предстояло сражаться на два фронта и против французов, и против турок. Об этом рассказывалось в первой книге исторической дилогии известного российского писателя-мариниста Владимира Шигина «Дарданеллы» – романе «Ветры Адриатики». Второй роман дилогии «Дарданеллы» посвящен последующим событиям русско-турецкой войны 1806–1812 года, выдающимся победам вице-адмирала Сенявина при Дарданеллах и Афоне, тяжелейшему противостоянию наших моряков английскому и французскому флоту на Средиземном море, их драматическому возвращению на Родину. Среди героев книги император Александр Первый и император Наполеон, вице-адмирал Сенявин и контр-адмирал Грейг, командиры кораблей, офицеры и матросы российского флота. О забытых подвигах наших моряков на Средиземном море в 1806–1807 годах и рассказывается в новом романе капитана 1 ранга Владимира Шигина «Дарданеллы».

© Шигин В. В., 2010

© ИП Каланов, 2010

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	22
Глава третья	46
Глава четвертая	62
Глава пятая	71
Глава шестая	82
Глава седьмая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Владимир Шигин

Дарданеллы

*Редеют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.*

М.Ю. Лермонтов

Вот уже более двадцати лет я с неослабевающим интересом слежу за творчеством Владимира Шигина. Помню его первые книги, которыми он уже в начале 90-х годов серьезно заявил о себе, как о талантливом и думающем писателе-моряке, настоящим патриоте российского флота. Ныне Владимир Виленович вырос в большого писателя, при этом оставшись верным главной теме своего творчества – истории родного флота.

Диапазон книг В. Шигина удивительно велик – от парусных сражений до исследования «белых пятен» нашей недавней военно-морской истории. Но одно в его книгах неизменно – они позволяют по-новому взглянуть на многие исторические события, а сам процесс чтения всегда интересен и увлекателен. Думается, что особое место в творчестве В. Шигина занимает и нынешняя серия его новых военно-исторических романов «Морская слава России», в которую входит и роман «Дарданеллы».

Новый военно-исторический роман известного флотского писателя капитана 1 ранга Владимира Шигина посвящен победам российского флота при Афоне и Дарданеллах в 1807 году. До сегодняшнего дня эти блестящие победы, одержанных нашими моряками под командованием вице-адмирала Д.Н. Сенявина, являются классическим образцом ведения маневренного боя парусным флотом в открытом море. Опираясь на высокую профессиональную подготовку своих подчиненных, используя новые тактические приемы вице-адмирал Сенявин смог нанести сокрушительные поражения турецкому флоту у самого входа в Дарданеллы, тем самым внеся весомый вклад в окончательную победу над Турцией в той войне.

Много места в романе «Дарданеллы» уделено и последующим драматическим событиям. После подписания унижительного Тильзитского мира император Александр Первый был вынужден заключить союз со своим вчерашним врагом Францией против своего вчерашнего союзника – Англии. Заложником этой ситуации, несмотря на одержанные победы, и стала наша Средиземноморская эскадра. Проявив еще раз незаурядный талант флотоводца, вице-адмирал Сенявину удалось довести ядро эскадры до Лиссабона, где она была блокирована превосходящими английскими силами. После долгих переговоров наши корабли были переданы англичанам на почетное хранение до окончания войны, а команды возвращены на родину. Не менее драматичной оказалась судьба экипажей, оставшихся в портах Средиземного моря, возвращавшихся на Родину в течение нескольких лет. Последней в Россию вернулась команда шлюпа «Шпицберген», произошло это только в 1814 году. Впервые рассказывает Владимир Шигин и о подвиге нашего «средиземноморского «Варяга» фрегата «Венус». Блокированный английской эскадрой на Сицилии, «Венус» был готов в одиночку дать сражение противнику. Только в самый последний момент нашему послу удалось решить дело миром.

Не просто складывались судьбы наших моряков и после возвращения на Родину. Император Александр Первый к флоту относился весьма прохладно, а моряков не жаловал. Именно поэтому опальный флотоводец Сенявин совершает еще один подвиг, на этот раз гражданский. Все свое состояние, дом и имущество он распродает во имя обеспечения средствами раненных и больных сослуживцев, семей погибших...

Уверен, что начавший читать роман Владимира Шигина «Дарданеллы» уже не выпустит его из рук, не перевернув последней страницы.

**Главнокомандующий Военно-Морским флотом Российской Федерации в 1992–1997 годах, бывший командир крейсера «Адмирал Сенявин» адмирал флота Ф. Гро-
мов**

Часть первая Теснины Геллеспонта

Глава первая Россия принимает вызов

18 декабря 1806 года турецкий султан Селим Третий издал фирман о войне с Россией. Последняя обвинялась в захвате исконно турецкого Крыма и Гюрджистана (так турки именовали Грузию), вмешательстве во внутренние дела Порты, то есть в управление Ионическими островами и Дунайскими княжествами. Селим призвал всех правоверных к «джихаду» против москалей. Так началась одна из самых продолжительных войн между Россией и Турцией.

А на польских просторах тем временем все жарче и жарче разгорался костер новой русско-французской войны. Непролазная грязь лишила Наполеона его главного козыря – стремительного маневра, а потому борьба шла между врагами на равных. С отъездом из действующей армии престарелого фельдмаршала Каменского ее возглавил старший из корпусных начальников генерал от кавалерии Леонтий Беннигсен, один из участников убийства императора Павла Первого.

Первое серьезное столкновение между противниками произошло при местечке Пултуске. Там Беннигсен сразился с лучшим из наполеоновских маршалов Жаном Ланном, имея, правда, при этом двукратное превосходство в силах.

Торопясь занять до подхода русской армии переправы через Вислу, Наполеон ошибся в расчетах и двинул свои главные силы на Голымин, тогда как наши расположились юго-восточнее. На главные силы Беннигсена нарвался, сам того не подозревая, корпус маршала Ланна. Французы атаковали с хода в центре и на правом фланге. Справа им сопутствовал успех, и дивизия храброго Гюделя выбила из деревни Мошино отряд Барклая-де-Толли. Однако затем Беннигсен подкрепил Барклая артиллерией и бросил в контратаку, всю оставшуюся у него в резерве пехоту. Полки шли, увязая в непролазной грязи сквозь падающий густой и мокрый снег, но с распушенными знаменами и под рокот барабанов.

Не приняв штыкового боя, французы откатились. И тогда в прорыв пошла уже русская кавалерия. Два десятка эскадронов: гусары и уланы, драгуны и кирасиры. Взметая копытами комья сырой глины, они на галопе прорвали неприятельские порядки. Над головами кирасир зловеще отливали сталью тяжеленные палаши-эспадроны. В непролазной грязи тонули раненные и лошади.

Потеряв шесть тысяч человек, Ланн был отброшен. Попытка Наполеона выйти в тыл нашей армии и отрезать ее от переправ через Нарев провалилась. Беннигсен, потеряв три тысячи, тоже покинул поле боя и продолжил свой отход, таща из последних сил по раскисшим дорогам пушки и обозы. Он отходил на Кеннигсберг. Пултуский бой по существу завершился вничью. Наши остались, впрочем, довольны. Синдром прошлого поражения при Аустерлице отныне был ими преодолен.

Две недели спустя Беннигсену пришлось уже при Прейсиш-Эйлау встречаться с самим Наполеоном, причем на этот раз, уступая ему численно.

Русская армия выстроилась дивизионными линиями в батальонных колоннах. Конница расположилась сзади. Стоял страшный холод и мела метель.

Наполеон вызвал Нея и Даву на городское кладбище, где разбил свою ставку.

– Сир! Почему вы в столь мрачном месте! – удивились маршалы, прыгивая с заиндеветых коней.

– Надгробия, по крайней мере, хорошо прикрывают от зимнего ветра! – ответил им, поживаясь, император.

– Вам двоим! – сказал он маршалам. – Предстоит обойти русских с флангов, я же буду пока перемалывать их фронтальными атаками!

На рассвете корпус Сульта нанес удар по нашему правому флангу. Гренадеры Тучкова этот удар выдержали с честью. Затем на наш центр обрушился корпус Ожеро. Подпустив французов почти вплотную, открыла огонь артиллерия. В сплошной пурге почти ничего не было видно, и пушки били на звук барабанов. Картечь щедро выкашивала плотные ряды неприятельских солдат. Французы несколько раз откатывались, затем атаковали, потом снова откатывались. Наконец, они были отброшены окончательно. От поголовного истребления солдат Ожеро спасла лишь отвлекающая атака кавалерии Мюрата, да огневая поддержка старой гвардии.

– Моего корпуса больше нет! – зарыдал Ожеро, прискакав к Наполеону.

– Сейчас не до тебя! – оборвал его тот грубо. – Почему опаздывает Даву! Он давно должен быть здесь!

Даву, опоздавший на несколько часов, все же обрушился всей массой своих войск и выбил отряд Багговута из деревни Зерпаллен. Левый фланг русской армии стал сжиматься и откатываться. В этот критический момент положение спасла находчивость артиллерийского полковника Кутайсова. По своей инициативе он перебросил на левый фланг три конноартиллерийские роты. Тридцать шесть русских пушек начали палить прямо с передков. Появление их оказалось столь неожиданным, а огонь столь точным, что французы опешили, а затем побежали. Положение было восстановлено.

Затем последовала мощная контратака подошедшего резерва, и Даву отступил по всем пунктам. Конница генерала Дохтурова, прорываясь сквозь сугробы, добралась до городского кладбища.

– Чьи это полки? – возмутился Наполеон, разглядывая едва видимые в метели тени. – Почему отходят?

– Они не отходят, ваше величество, они атакуют! И это русские! – пригляделся к несущейся конной массе Бертье. – Сейчас нас кажется славно паникуют!

Императора спасла контратака его шурина Мюрата. Но и Мюрат далеко не продвинулся. Его конники застряли в глубоком снегу и повернули обратно.

– А это кто наступает так вразброд! – показал раздраженно Наполеон Бертье куда-то влево, где едва виднелась бесформенная толпа устало бредущей пехоты. – Неужели опять русские! Надо их достойно встретить!

Бертье пригляделся в зрительную трубу.

– Встречать их не надо! Они не наступают, а отступают!

– Но кто это?

– Это ваша старая гвардия, сир!

– Не может быть! Моя гвардия никогда не отступает! Передайте мне трубу!

В окуляры увеличительных стекол Наполеон отчетливо увидел, как бегут его усачи в высоких медвежьих шапках.

– Победы сегодня уже не будет! – сказал император мрачно. – Теперь остается только рассчитывать на ничью!

Поздно вечером сражение прекратилось само собой. Потери сторон оказались примерно равными.

Наполеон был мрачен от доложенных справок по погибшим. Почти тридцать тысяч для одного дня это уж слишком!

– Захвачены ли знамена! – спросил он, чтобы хоть немного поднять себе настроение.

– Нет, сир!

– А пушки?

– Тоже нет, сир?

– Ну, а пленные?

– Ни одного!

– Что же я буду сочинять для бюллетеня в Париж! – раздосадовано топнул ногой император. – Ради чего я морю голодом и морожу здесь своих ворчунов!

В ставке Беннигсена тоже совещались. За продолжение боя на следующий день были храбрые Багратион и Ермолов. Осторожный Петр Толстой предлагал дать армии передышку. Беннигсен решил отходить.

Сражение при Эйлау было еще одной почетной ничьей! Впрочем, современники справедливо оценили Прейсиш-Эйлау, как важный стратегический успех русской армии. Да и Беннигсен доносил об обоих столкновениях в Санкт-Петербург как о своих несомненных победах. Благодарность радостного Александра не знала предела. После Пултуска Беннигсен сразу же стал главнокомандующим, а после Прейсиш-Эйлау получил звезду и ленту Андрея Первозванного с двенадцатью тысячами рублей пожизненной пенсии. «На вашу долю выпала слава победить того, кто еще никогда не был побежден» – восторженно писал российский монарх убийце собственного отца...

В боевых действиях наметился перерыв. Противники отогревались по теплым избам, дожидаясь весны, чтобы продолжить спор сызнова.

Российское общество, прознав об Эйлау, ликовало.

– Это припарка францушкам за Аустерлиц! – смеялись все, радуясь известию. – То ли еще будет впереди, намнем бока якобинцам!

Как всегда, в подобных случаях, разразился одой Державин. На этот раз она звалась иносказательно «Персей и Андромеда». Наполеон в ней был представлен серпокопистым и двурогим саламандром. На смерть ж его поражал отважный русский витязь... Беннигсен.

Ступай и победи никем непобедимых,
Обратно не ходи без звезд на персях зримых...

В Париже исход Эйлауского сражения тоже отмечали как свою несомненную победу. В Нотердам Де Пари был даже отслужен благодарственный молебен «Te Deum»

В частных письмах все свои неудачи французы сваливали на... грязь и морозы. Сам же Наполеон, тем временем, переживал бурный роман с полькой Марией Велевской.

Пока один император предавался любовной неги, второй из всех сил торопился на войну. После Эйлау Александр Первый сразу засобирався к своей армии. В Митаве он посетил жившего там короля-эмигранта Людовика Восемнадцатого.

Александр I Павлович

– День, когда я водворю вас на престол, будет счастливейшим моим днем! – сказал российский император экс-королю при встрече.

– Как вас здесь содержат? Не обижают ли? – поинтересовался затем он у толстогободого обжоры «бурбона», известного всей Европе своим иезуитским талантом плести тончайшие интриги.

– Все хорошо, мой дорогой брат, – вздохнул Людовик, колыхая бездонным чревом. – Но мало хороших вин!

– Это вполне исправимо! – успокоил приживалу Александр. – Поговорим о политике. Я хотел бы, пользуясь случаем, получить от вас гарантии будущей дружбы наших государств!

– Не рановато ли? – удивился обжора-интриган.

– Уже нет! Наполеон будет скоро мною уничтожен и низвержен в ад! А потому я хочу знать, что вы думаете в отношении нашего будущего альянса? Что касается меня, то я хотел бы видеть вас своим союзником в достижении своей главной политической цели!

– Какой же?

– В занятии Дарданелл!

– !!?

– Вы еще раздумываете? – поднял недоуменно бровь Александр.

– О, нет, нет! – торопливо ударил себя по жирным ляжкам Людовик.

– С моим восшествием я тут же выступлю против Турции и сделаю все для обеспечения вашего владычества над проливами!

– Я нисколько не сомневаюсь в искренности ваших слов! – дружески улыбнулся августейшему беженцу Александр. – Вино же вам сегодня доставит лично мой обер-гофмаршал!

В предместьях заштатного городка Юрбурга Александр провел смотр гвардии, которую привел из Петербурга брат Константин. Преображенцы, семеновцы и измайловцы кричали «ура», рвась в бой.

Туда же к Юрбургу притащился и униженный Фридрих-Вильгельм Второй, совсем недавно потерявший свою армию при Ваграме. Прусский король клял Наполеона и плакал о своей участи. Тронутый горем прусского короля, Российский император сердечно обнял его. Оба залились слезами, Фридрих-Вильгельм, вспомнив об утерянной армии, Александр, жалея Фридриха-Вильгельма. Обнимая старого друга, Александр воскликнул:

– Не правда ли, ни один из нас двоих не падет один? Или оба вместе, или ни тот, ни другой! Вконец разрывающийся от жалости к самому себе, Фридрих-Вильгельм упал головой на плечо верного союзника:

– Вместе... Рядом... До конца...

Фридрих Вильгельм III

Мимо окон с песнями шли один за другим пехотные батальоны:

*Ах, ты, сукин сын, камаринский мужик!
Ты за что, про что калачницу убил?
Я за то, про то калачницу убил,
Что не с солью мне калачики пекла,
Не по-о-од-жаристы-я!*

Друзья-императоры долго стояли, обнявшись... Увы, как показывает история, клятвы монархов зачастую стоят не слишком дорого. Пройдет не так уж много времени и тот же Фридрих-Вильгельм отправит свой корпус в составе наполеоновских войск в Россию, предварительно извинившись за это перед другом Александром...

После душещипательного общения с королем Пруссии, Александр встретился и с Бенигсеном. Помня об Аустерлице, император поспешил сразу же заявить генералу:

– Я здесь гость, и никуда вмешиваться не намерен! Все повеления исходят лишь от вас! Я же буду лишь наблюдать и... вдохновлять!

– Какая великая честь для меня! – склонил голову хитрый Беннигсен. Вечером император читал бумаги о ситуации вокруг Турции. Бумаги были безрадостные.

– Надо, если уж не предотвратить войну с турками, то хотя бы оттянуть ее сколь возможно! – велел передать свой взгляд на южную проблему Александр. – Нынешняя истерия султана результат французских происков! Нас хотят взять в сплошное кольцо! А потому здесь нам сейчас нужна только решительная победа!

Вокруг Юрбурга поднимались дымы бивуачных костров. Русская армия готовилась к новым сражениям с Наполеоном.

* * *

С началом войны с Турцией во главе нашей Дунайской армии был поставлен известный храбрец генерал от кавалерии Михельсон. В былые годы генерал прославился в Кагульской битве и в боях со шведами в прошлой русско-шведской войне. Но по-настоящему имя Михельсона стало известно при подавлении Пугачевского бунта. Именно Михельсон нанес мятежникам последние сокрушительные поражения. Теперь же генерала предупредили сразу, чтоб рассчитывал лишь на свои собственные силы – никаких подкреплений ему не будет!

– Нам не привыкать! – нисколько не опечалился бравый Михельсон. Под началом у генерала было всего лишь тридцать пять тысяч штыков. По-существу, и не армия вовсе, а так – корпус средней руки! Но зато это были сплошь ветераны, взлелеянные еще самим Суворовым. Рекрутов не было вовсе. Именно здесь на юге вдалеке от столицы русские полки сумели сохранить старый еще потемкинский дух, здесь никогда не маршировали на вахтпарадах, зато палили из ружей и кололись штыком без промаха. Приехав к войскам, Михельсон собрал генералитет:

– Будем воевать лишь тем, что имеем!

– Значит ли это, что наш план оборонительный? – поинтересовался у командующего осторожный генерал Мейендорф.

– Напротив! – рассмеялся Михельсон. – Он будет только наступательным! Готовьтесь к выступлению! Не будем терять ни дня!

Командующий армией рассчитывал стремительным броском занять дунайские княжества и выйти к самой реке. Именно на берегах полноводного Дуная хотел Михельсон решить исход турецкой войны. К октябрю он подтянул свои войска из Подолии к Могилеву и Ямполью. От Могилева шла дорога на юг к столице Валахии Бухаресту и Дунаю. Именно по ней и пред-

полагал двинуться Михельсон. Генерал торопился захватить инициативу и успеть к Дунаю раньше, чем к нему доберутся турки.

Иван Иванович Михельсон

Потянулись томительные дни ожидания рескрипта о начале войны. Нетерпеливый Михельсон не находил себе места. Наконец, примчался курьер с высочайшим повелением перейти границу и занять дунайские княжества. Русская армия решительно двинулась в турецкие пределы пятью колоннами, не дожидаясь обозов.

Вспомогательный корпус Эссена, тем временем, окружил Хотин. Некогда неприступная твердыня, северный форпост Высокой Порты, капитулировал в несколько дней. Да иного туркам и не оставалось! Из-за стремительного рывка Михельсона, крепость почти сразу же оказалась в нашем глубоком тылу, и судьба ее была предreshена.

Главные силы Дунайской армии, тем временем, стремительно катились к югу. Впереди всех авангард храброго Милорадовича. В Бухаресте турки попытались было задержать бег русских полков, но были выбиты и разогнаны нашим Милорадовичем. Еще под Ясами Михельсон выделил отряд князя Долгорукого для захвата стоящего на Дунае города Галац. Князь с поручением справился блестяще. Галац пал, так и не успев понять, что же произошло.

Тем временем, торопившаяся к Силлистрии колонна графа Каменского, повернула к Слободзее и взяла под контроль все течение Дуная от Тутуркая до Галаца. 4-я колонна Мейендорфа тем временем переправилась через Днестр у Дубоссар. Согласно плану Михельсона, она должна была прикрывать главные силы и взять Бендеры. 23 ноября наши были уже перед Бендерами. Когда-то генерал Панин потерял под ее стенами многие тысячи, теперь было совсем по-иному. Бендеры пали, едва завидя казачьи разъезды, выторговав себе лишь свободный уход в Измаил.

– Пусть идут! – решил Мейендорф. – И до Измаила доберемся!

Следуя прямо по пятам бежавшего бендерского гарнизона, Мейендорф 16 декабря был уже под стенами знаменитой Орду-колеси. Не успели русские батальоны замкнуть кольцо вокруг Измаила, как осажденные произвели внезапную вылазку, но встреченные густой картечью, быстро убрались восвояси. Начало третьей по счету измаильской осады было обнадеживающим. Увы, на этом удачи под Измаилом и закончились. Мейендорф был опытный генерал, но он не был Суворовым, да и войск, по правде говоря, у него было для штурма маловато. Все это, да еще недостаток припасов с рано наступившей стужей, заставили генерала снять осаду и отойти на север к Пруту. Здесь к Мейендорфу незадолго до нового года присоединилась и приморская колонна герцога де Решелье. Последний, к тому времени, уже овладел двумя сильными турецкими крепостями: Аккерманом и Килией.

Осенняя кампания Михельсона, несмотря на частные неудачи, была в целом блестящей. опередив противника и поэтому, почти нигде не встречая сопротивления, он занял Бессарабию, Валахию и Молдавию, выйдя на дунайский рубеж.

Для находившейся в это время в Средиземном море эскадры Сенявина столь стремительное изменение международной обстановки и внезапное начало войны с Турцией означало лишь одно: с этого момента ей надо было сражаться на два фронта, причем центр борьбы переносился отныне из Адриатики в Эгейские воды. Морской министр Чичагов докладывал в те дни императору Александру:

– Сенявину придется нынче туго, а потому следует немедленно слать помощь!

Александр близоруко лорнировал своего министра:

– Но там же полно англичан? Они наши союзники и хорошие моряки! Пусть они и помогут Сенявину. Вместе они вполне справятся! Зачем нам попусту гнать корабли через полсвета!

Умный Чичагов лишь разводил в ответ руками:

– Осмелюсь вас огорчить, ваше величество, но думается мне, что Сент-Джеймский кабинет озабочен не тем, чтобы помочь нам, а тем, как скорее прибрать к рукам бесхозный Египет! Иное британцев, по моему их знанию, нынче не интересует. А потому быть Сенявину в одиночестве гордом!

– Из чего же следуют столь мрачные заключения? – недовольно поинтересовался император.

Чичагов пожал плечами:

– Сие вытекает из правил политики британской!

– Что же то за правила? – еще больше нахмурился Александр.

– Правила сии просты и, увы, постоянны! Первое – никого не щадить во имя себя. Второе – ослеплять врагов и союзников деньгами. Третье – идти напролом к источникам обогащающим.

– Что ж, – помолчав, – вздохнул император, – Правила эти всем известны, но ныне они приобретают и вправду особый смысл. Будем же настороже! Сколь большая помощь требуется Сенявину? Чичагов мельком глянул в бумажку:

– Надобно семь кораблей линейных! Тогда, имея шестнадцать кораблей да восемь фрегатов, он вполне справится с турками и без английской помощи!

– Готовьте эскадру к плаванию! – закончил аудиенцию Александр.

* * *

Албанский берег у скал Дураццо издавна славился разбойничьим людом. Бурное море часто приносило тамошним жителям добычу, разбивая о камни суда. Горе было попавшим на прибрежные скалы – не многие оставались в живых. Но и добравшихся до берега ждала не менее страшная участь, чем погибших. Албанцы смотрели на них, как на вполне законную добычу. Спасшихся тут же убивали или же продавали в рабство, затем же грабили останки судна.

Именно здесь у скал Дураццо потерпел в шторм крушение российский бриг «Флора». Судно спасти не удалось и его разбило волнами. Команда, хоть и не без потери, но спаслась и высадилась на неприветливый турецкий берег. Потеря судна – это всегда трагедия, но никто из команды не ведал, что их ожидают впереди еще большие трагедии. Ни командир «Флоры» капитан-лейтенант Кологривов, ни его офицеры, не знали, что пока они находились в море, началась война с Турцией, и все они, таким образом, оказались на неприятельской территории.

Пока же, придя в себя от пережитого, капитан-лейтенант Кологривов первым делом провел перекличку и занялся выяснением места, куда попала команда корвета.

Окружающая местность была достаточно неприветливая. Вокруг громоздились мрачные скалы. Далее шли покрытые лесом горы и, наконец, вдалеке, виднелась какая-то деревушка. Пока матросы и офицеры оглядывались и приводили одежду в порядок, послышался конский топот. К берегу прискакали три албанца. Больше жестами, чем словами, они выразили свое сочувствие случившимся и попросили показать старшего. Кологривов вышел вперед. Всадники объяснили, что они посланы пригласить капитана в деревню к местному аге. Тот, якобы, пригласил Кологривова разместиться с людьми у него, покуда не будет решен вопрос об отправлении потерпевших крушение на Корфу. Кологривов от приглашения поначалу отнекивался, больно уж не хотелось отделяться от команды, но албанцы были настойчивы и командиру «Флоры» пришлось согласиться.

– Попробую договориться насчет какой-нибудь требаки, чтобы подкинули нас до Корфу! – сказал он старшему офицеру. – Вы за меня!

С собой Кологривов взял двух мичманов Сафонова и Клемента, да лоцмана-черногорца, который мог немного говорить по-албански. Особой тревоги у капитан-лейтенанта не было. С Турцией мир, а потому потерпевшие крушение могли рассчитывать на уважительное отношение и помощь.

До деревни добирались долго, часа три. У околицы навстречу к русским морякам внезапно бросились несколько десятков албанцев. Они с какой-то хищной радостью размахивали у лиц офицеров своими кривыми саблями.

– Учужали добычу, шакалы! – переглянулись мичмана. – Кажется, будет нам весело!

– Ведите нас к своему аге! – не потерял присутствия духа Кологривов.

Албанцы, было, заупрямились, но решительность капитан-лейтенанта возымела действие и офицеров повели к дому на центральной площади деревни.

Ага появился на крыльце, приветливо поздоровался с Кологривовым, пригласил офицеров к себе, но собравшаяся к этому времени поодаль толпа, думая, что начальник хочет при-

своить их добычу, ворвалась в дом и схватив моряков, потащила их в какой-то сарай, где и закрыла. У дверей для стражи несколько подростков с саблями.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день! – сокрушенно произнес Кологривов, когда за спинами пленников опустили тяжелый засов.

– Не Юрьев, Всеволод Семеныч, а дьявольский! – подал голос мичман Миша Сафронов. – Вот уж попали так попали!

В завязавшейся драке в доме деревенского аги ему сильно разбили лицо и теперь, присев на корточки, мичман обтирал кровь рукавом рубахи. Из темноты сарая нутужно блеяли козлы.

– Вот и соседи нам для компании! – нервно засмеялся Клемент. – Почти светское общество!

Заточение длилось четыре долгих нескончаемых дня. Кормить, пленников почти не кормили, зато то и дело просовывали в окна чьи-то отрубленные головы, крича:

– У, рус! У-у рус!

– Уж не наши ли ребята? – волновался при этом всегда Кологривов, вглядываясь в мертвые белки глаз. – Нет, кажется все же это не из наших...

Тем временем возглавивший команду корвета старший офицер лейтенант Гогард, видя, что командира слишком долго нет, решил действовать сам. К действию наших моряков побуждал и голод, ведь спасти с погибшей «Флоры» не удалось практически ничего. Через трое суток напрасных ожиданий, команда корвета, вооружившись дубьем и камнями, выступила в поход на деревню.

– Нападем на албанцев, овладеем их оружием и освободим командира! – так поставил задачу матросам Гогард.

Те были согласны. Однако едва моряки отошли на милю от берега, навстречу им показался конный отряд.

– Матерь божья! Сколь их на нас прет-то! – сжимали матросы в руках свои сучковатые дубины. – Драка, видать, предстоит сурьзная!

Всадники, а их было никак не меньше пяти сотен, стремительно приближались.

– Помирать так с музыкой! – объявил Гогард. – Камни наизготовку! Однако, не доезжая метров пятьдесят до русских моряков, конница внезапно остановилась. Вперед выехал на коне лоцман-черногорец.

– Господина капитана! – закричал он, размахивая руками. – Ту су свои!

– Чего, чего? – не понял Гогард.

– Ту су свои! Ту су свои! – не переставая, кричал лоцман.

– Говорит, кажись, что это свои! – подсказал лейтенанту кто-то из стоящих рядом матросов.

Лоцман, подъехав к стоявшим с дубинами наперевес морякам, объяснил, что Кологривов с мичманами уже три дня сидит в деревне под замком, и местный ага, боясь, как бы его буйные односельчане не лишили офицеров жизни, послал гонца к владельцу провинции Ибрагиму-паше. Владелец немедленно выслал в деревню два конных отряда. Один из них только что ворвался в деревню и освободил командира с мичманами, другой же прибыл сюда, чтобы ограбить русских моряков от возможного неистовства местных жителей.

– Ну и дела! – только и покачали головами наши. – Попали как кур в ощиц!

В деревне их уже встречал освобожденный Кологривов с мичманами, тоже, впрочем, охраняемые, во избежание возможных недоразумений, большим отрядом. Албанцы, стоя поодаль, яростно жестикулировали и громко кричали, возмущаясь, что у них отняли добычу. На них старались не обращать внимания. Остаться в здешних краях не было особого желания, а потому утром следующего дня команда «Флоры» в окружении конных турок, выступила в город Берат, где пребывал в то время Ибрагим-паша.

В дороге пришлось переночевать в каком-то полуразрушенном монастыре и живший там одинокий греческий монах-отшельник, отдав все свои съестные припасы, немного накормил моряков.

К Берату команда «Флоры» добралась в канун рамазана. Усталых матросов сразу же окружила огромная толпа празднично одетых людей. Русских, да еще в таком количестве здесь отродясь не видывали. У дворца прибывших встречал сам Ибрагим-паша – высокий худой старик в меховой шубе и пестрой чалме. Поклонившись Кологривову, он велел развести офицеров и матросов по домам. Хозяевам было строго-настрого велено не чинить русским никаких притеснений, а кормить всем вдоволь. Но это была чистая формальность, ибо большую часть моряков сразу же разобрали по домам местные греки и славяне.

Накормив и дав отдохнуть потерпевшим кораблекрушение, хозяева жадно расспрашивали их о России, русском царе и адмирале Сенявине, слава о котором давно дошла уже и до этих мест. Наши, чем могли, помогали в хозяйстве. Как водится, не обошлось и без любовных романов. Не один и не два матроса засобирались тут же жениться, едва их разубедил в том дальновидный Кологривов:

– Что вам этак приспичило? Потерпите малость, кто знает еще, что ждет нас впереди!

Так минуло две недели. Все шло своим чередом, Командир почти каждый день навещал Ибрагим-пашу, интересуясь, что известно из Константинополя, когда и каким образом команде можно будет убыть на Корфу. Губернатор в ответ лишь разводил руками:

– Пока никаких известий нет!

– Что ж нам остается, – качал головой Кологривов. – Будем ждать!

– Прошу вас ко мне на кофе! – неизменно приглашал капитан-лейтенанта гостеприимный паша.

Тот не отказывался. Оба, не торопясь, пили кофе, обменивались любезностями.

– Говорят, что наш султан весьма недоволен вашим царем! – тревожно поглядывал на Кологривова Ибрагим-паша. – Как бы ни было меж нами новой войны!

– Дай бог обойдется! – отвечал ему командир «Флоры».

На душе у Кологривова было мутно. Он понимал, что Константинополь молчит неспроста. Пока между Россией и Турцией мир, бояться нечего, рано или поздно, но команду отправят к Сенявину. Совсем иное дело, если начнется война. Тогда уж турки не выпустят никого, ну, а что означает турецкий плен, лучше было и не думать.

– Дай бог обойдется! – говорил сам себе капитан-лейтенант, стараясь до поры до времени никого не посвящать в свои безрадостные мысли.

В один из дней, встречая русского офицера, губернатор был чем-то сильно расстроен, и при этом особенно вежлив, и предупредителен.

– Между нашими державами вот уж пять дней, как объявлена война, а потому теперь я уже никак не могу отпустить вас на Корфу, не рискуя при этом сам остаться без головы! – повздыхал он. – Согласно присланной из столицы бумаги, вы отныне уже не гости, а пленники. Впрочем, пока вы у меня, милость моя по-прежнему с вами!

– Неужели война! – побледнел Кологривов. – Может это все же какая-то ошибка!

В ответ Ибрагим-паша покачал головой и велел звать своего советника француза. Тот прочитал вслух султанский фирман. Теперь рассеялись и последние сомнения: война между Россией и Высокой Портой была состоявшимся фактом.

Вернувшись от губернатора, Кологривов собрал команду и объявил ей мрачную новость. Ответом было подавленное молчание. А на следующий день из Константинополя пришло новое известие: отправить русских пленников в столицу. Однако и здесь Ибрагим-паша показал себя с самой человечной стороны. Он не только не изменил своего отношения к русским морякам, но перед отправлением обеспечил каждого теплой буркой и смирной лошадью, а Кологривову от себя дал несколько тугих кошель с пиастрами – на покупку еды. В конвой он

определил начальствовать своего помощника толстого и достаточно добродушного Мустафу-агу.

Провожать уезжавших вышло все христианское население города. Толкнул Мустафа-ага каблуком коня:

– Поехали!

Жители селения, понимая, что ждет в Константинополе русских моряков, плакали и махали на прощание руками. На душе у всех было тягостно. Внезапно кто-то из матросов затянул:

В ни-и-з по ма-а-а-тушке по Волге!

Вн-и-з да по Волге, вниз да по реке...

Песню разом подхватили десятки голосов. Эхо диких албанских гор несло ее эхом по ущельям и долинам. На душе как-то сразу полегчало.

Мустафа IV

Первое время поход протекал без всяких приключений, Конвой был снисходителен, ночевали же в караван-сараях, где всегда поджидала горячая еда. Однако спустя две недели колонна пленников вступила во владения печально известного в Турции своей жестокостью Али- паша. На границе провинции произошла замена конвоя и вместо добродушного Мустафы-аги, наши моряки попали под опеку мрачного Юсуфа. Свое знакомство с Кологривовым тот начал с того, что, подозвав капитан-лейтенанта к себе, провел по своему горлу рукой.

– Москов гяур, собака! – сказал многозначительно.

Сразу же стало ясно, что ничего хорошего ожидать, более не придется. В тот же день новые конвойные обобрали своих пленников до нитки, забрав даже то, что дал им заботливый Ибрагим-паша. У офицеров отрезали пуговицы и отпоролы все золотое шитье. Дальше двинулись уже босиком, полураздетые и голодные. Кормить неверных собак Юсуф-ага не собирался вовсе. Отныне пленники питались лишь тем, что подавали им подавнием встречные христиане. Иногда прямо на дороге они находили хлеб, который загодя клали греки и болгары. От турок подобной милости ожидать не приходилось. Они были страшно озлоблены против русских. Женщины и дети швыряли камни и комья грязи под гогот довольных конвойных. Особенно доставалось при этом всегда судовому доктору Гейзлеру. Немец никак не желал расстаться со своей треугольной шляпой, которую он шил у известного мастера в Гамбурге и которой сильно гордился. Непонятно почему, но шляпа особенно бесила турок. При входе в деревни беднягу доктора из-за этого закидывали камнями. Но упрямый доктор не сдавался.

– Я не посфолю глупый турка трогайт мой любимый шляпа! – говорил он неизменно на все советы матросов и офицеров избавиться от этого абсолютно бесполезного и опасного предмета одежды.

Офицеры и матросы не оставляли оскорбления безнаказанными. Палками, камнями и даже кулаками они немедленно давали отпор обидчикам. Причем верные флотскому братству, вступались все за каждого, разом и дружно. Но турки от этого лишь еще больше зверели и, выхватывая свои кривые сабли, принимались рубить налево и направо. С каждой такой схваткой, раненных среди команды корвета пребывало. Кологривов, как мог, ободрял подчиненных:

– Ничего, ребята! Хоть и плохо нам, зато пока все вместе, а на миру и смерть красна!

В каждом селении пленников неизменно перво-наперво вели к забору, унизанному человеческими головами. То были головы казненных сербов воеводы Георгия Черного, уже много лет дравшегося с турками и албанцами в окрестных горах.

– То же проделает великий падишах и с вами! – хохотали конвоиры. – Чик-чик и на кол!

Но вот, наконец, внезапно вдаль синей полосой блеснуло Эгейское море. Еще несколько часов хода и колонна пленников вышла на берег. И тогда глазам изумленных моряков явилось настоящее чудо. В туманной дали горизонта величественно выплыла колонна боевых кораблей. Опытному взору было достаточно одного взгляда, чтобы определить их принадлежность.

– Наши! Наши! Господи, это ж Митрий Николаич! – закричали все сразу, перебивая друг друга.

Турки сразу же взволновались.

– Гойда! Гойда! – кинулись они на столпившихся пленников.

– Эх, – грустили матросы, то и дело, оглядываясь на делекие корабли.

– Кабы знали наши, что мы здесь сейчас, небось, враз бы всех у гололобых отбили!

За рекой Марицей пришлось надолго остановиться. Мимо шла на Дунай бесчисленная анатолийская конница. Спаги с высоты своих деревянных седел плевали в русских пленников. В Родосте пленных водили по улицам, возбуждая обывателей идти на войну. Туркам особенно нравился оборванный вид моряков. Раз оборван, значит, кто-то на этом уже обогатился!

– А почему не я? – задавали себе вопрос турки и тут же бежали записываться в ополчение.

Там же в Родосте был на глазах у всех обезглавлен и тяжело заболевший матрос Павел Непорожный, которого товарищи уже несколько дней несли на руках. Голову несчастного турки тут же воткнули на пику и возили впереди бредущей колонны, как некое знамя.

Но, вот, наконец, на рассвете одного из дней в дымке открылся загадочный Константинополь. Тяжелейшая дорога подошла к концу. Однако, самые страшные испытания для офицеров и матросов «Флоры» еще только начинались...

Глава вторая

Диверсия адмирала Дукворта

Тем временем вице-адмирал Дмитрий Сенявин на острове Корфу спешно готовился к походу в эгейские воды. Трудностей, как всегда, хватало с избытком. Причем, если с припасами и порохом разобрались сами, то с деньгами все обстояло значительно хуже. Очередные аккредитивы из Петербурга по чьему-то головотяпству выслали Сенявину на... Константинопольский банк, а наличных денег не присылали и вовсе.

Зато вместо денег вице-адмиралу в изобилии прислали инструкции по ведению войны с Турцией. Были они весьма примечательные. Чего, к примеру, стоило лишь одно указание Чичагова: «Если же, что всего желательнее, представится вам случай взять Константинополь на капитуляцию, вам надлежит удерживать его в своей власти...» Как может, представится случай капитуляции города, написано не было.

Одновременно Чичагов велел вице-адмиралу послать корабли к Сицилии и Египту, а также совершать специальными отрядами десанты на всем побережье Турции.

Дмитрий Николаевич Сенявин

– Да здесь по его плану не одну, а десять эскадр иметь надобно! – в сердцах возмутился Сенявин, параграфы предписаний, прочитавши. Император Александр в своем наставлении выражался более определенно: «Главнейшая цель действий ваших направляема быть должна к нанесению удара в самое сердце Оттоманской империи, достижением и покорением ее столицы». План войны предусматривал и помощь британского флота. Но на деле все получилось совершенно иначе.

* * *

После продолжительных противных ветров 10 февраля 1807 года наконец-то подул попутный ветер. В главном соборе Корфу Святого Спиридония сразу же был отслужен прощальный молебен и эскадра Сенявина, покидая остров, взяла курс в Архипелаг. С собой вице-адмирал вел восемь линейных кораблей, фрегат и шлюп. На этот раз свой флаг он поднял на корабле «Твердый».

В сырых и промозглых трюмах теснились мушкетеры Козловского полка и албанские стрелки. Настроен вице-адмирал был решительно. Греки уже успели оповестить его, что они только и ждут прихода русских, чтобы присоединиться к ним. Кроме этого Сенявин рассчитывал на объединение с английским вице-адмиралом Дуквортом, уже курсировавшим где-то в Эгейских водах. Вместе будет куда легче вломиться в Дарданеллы! Своим капитанам Сенявин так и заявил:

– Успех всей нынешней кампании будет решаться, прежде всего, в Дарданеллах! За них и предстоит главная драка!

Дарданеллы... Дарданеллы... Тридцать лет назад в годы Первой русско-турецкой войны эскадра адмирала Спиридова уже блокировала их, беря Константинополь в голодную осаду. Но на прорыв к самой турецкой столице тогда не хватило, ни сил, ни решимости, и вот теперь, российские корабли вновь идут к гибельным теснинам Гелеспонта. Как-то сложится их судьба в этот раз?

По причине сильного ветра, корабли снимались с якоря один за другим, выходя в Коринфский пролив, ложились в дрейф. Когда же последний вступил под паруса, тогда на «Твердом» взвился сигнал: «Построиться в походный строй и нести все возможные паруса». Ставя брамсели, линейные корабли вытягивались в линию. Гостеприимный Корфу скоро остался за кормой. Впереди была Адриатика.

На второй день плавания ветер несколько поутих, но все же, оставался довольно свеж. Теперь эскадра шла двумя колоннами. Первую вел на «Твердом» сам Сенявин. За ним следовали «Сильный», «Рафаил» и «Мощный». Во главе второй колонны шел «Ретвизан» под флагом младшего флагмана эскадры контр-адмирала Алексея Грейга. За «Ретвизаном» в струе: «Скорый», «Селафаил» и «Ярослав». Несколько впереди дозорным следовал шлюп «Шпицберген». «Венус» держался на ветре «Твердого», чтобы вовремя репетовать сигналы командующего концевым кораблям.

Миновали Левкадскую скалу, с которой по преданию некогда бросилась в волны легендарная древнегреческая поэтесса Сафо. Затем пошли гористые берега Пелопонеса, обиталище свободолюбивых греков-маниотов и место славных сражений российского флота в годы Чесменской экспедиции.

12 февраля прошли мыс Матапан. Теперь вахтенные лейтенанты и штурмана были настороже, ибо в здешних водах встречаются и перемешиваются два сильных противных течения, а потому удерживать корабли на курсе весьма сложно.

– Господа, скоро остров Цериго, звавшийся в античности Цитерой! – объявили любители старины.

– Что же там было на Цитере замечательного? – вопрошали не знающие.

– Там вышла из пены волн Венера и родилась прекрасная Елена!

Все напряглись в ожидании увидеть настоящий райский уголок, но действительность оказалась иной. Знаменитая Цитера оказалась всего лишь унылым и голым нагромождением скал.

– Что это Венера не нашла лучше места, чтобы из воды вылезти? – набросились на знатоков старины, обманутые в надеждах зрители.

– А потому и выбрала, чтобы на нее голую, такие как вы, не глазели!

– оставили за собой последнее слово знатоки.

Остров Имбро открылся передсмотрящим внезапно, словно кто-то мазнул по горизонту фиолетовой краской. А едва подошли к нему, сразу новость, да какая! Имбриоты, по своему почину, уже приготовили для Сенявина целую флотилию мелких судов. Мало того, снабдили их всем от провизии до пороха! О таком подарке можно было только мечтать, ведь все бриги и катера Сенявин был вынужден оставить в Адриатике, для противодействия французам. И вот теперь совсем неожиданно их отсутствие было восполнено с лихвою.

Турция может перекрыть Босфор и Дарданеллы

Жители Имбро издавна славились, как лучшие корабельщики, во всем греческом Архипелаге. Построенные ими суда отличались чрезвычайной скоростью, достигаемой за счет остроты подводной части, а потому на имбриотские суда у корсаров и контрабандистов был спрос всегда.

– Нашим ходакам нет равных при умеренных ветрах и, особенно, в бейдевинд! – с гордостью посвящали наших в тонкости управления своими фелюками имбриоты.

Под рокот барабана грекам зачитывали прокламацию, в коей значилось, что отныне все жители Архипелага находятся под особым покровительством российского императора, а все турецкие гарнизоны объявляются неприятельскими.

У Имбро из-за противного ветра простояли четверо суток, но нет худа без добра, и за это время налились свежей водой.

Из воспоминаний участника экспедиции: «В полдень ветер стих, но к вечеру опять засвежел и обрадовал нас воображением, что скоро достигнем тех мест, где надеемся вложить в уста славы новую трубу для возвещения о наших деяниях. Пушечные выстрелы, раздававшиеся в чистом воздухе, возвестили нам повеление адмирала исправить ордер, сомкнуть линию и нести возможные паруса. Корабли не уступали в ходу один другому. На всей линии, как бы

по взаимному согласию, раздались звуки музыки и веселые песни с бубнами и барабанами. В ночь прошли большое расстояние...»

23 февраля на подходе к острову Тенедос, посланный вперед для открытия неприятеля линейный корабль «Селафаил», уведомил эскадру сигналом, что видит флот из двенадцати вымпелов. С «Твердого» немедленно просигналили: «Какой нации?» С «Селафаила» ответили: «По отсутствию флагов неизвестно».

– Строиться в ордер баталии и готовиться к бою! – распорядился Сенявин.

Прибавляя ход, концевые корабли, нагнали передовые и образовали единую боевую линию. Разом откинулись крышки орудийных портов и в них высунулись жерла заряженных орудий. Вскоре открылся Тенедос, а мористее и мачты большого флота. Корабли стояли на якорях без флагов. На Тенедосе сильная турецкая крепость. Кто тогда может стоять на якорях подле нее? Разумеется, скорее всего, турки!

– Запросить национальность! – велел Сенявин.

На «Твердом» подняли соответствующий набор флагов, продублированный холостым залпом для привлечения внимания. В ответ ближайший корабль снялся с якоря и, подняв английский флаг, двинулся навстречу российской эскадре.

– Пушки разрядить, порты задраить! Прислуга от орудий! – распорядились командиры кораблей. – Как- никак союзников встретили!

Но не успели на эскадре привести пушки в исходное, как над «Твердым» затрепетал новый набор флагов: «Приготовиться к высадке десанта для штурма крепости».

Сенявин рассчитал курс своей эскадры так, что, двигаясь на соединение с английским флотом, она проходила на дистанции картечного выстрела от тенедосской крепости. На стенге «Твердого» всем был хорошо виден приготовленный, но пока свернутый флажный сигнал «начать бой». Сотни глаз неотрывно смотрели на него. Вот-вот сигнальщики «Твердого» дернут за фалы и ком разноцветных флагов, взлетев вверх, рассыплется сигналом новой битвы. Но проходили минуты за минутами, долгожданного сигнала так и не появлялось. В гордом молчании, ошестившись сотнями пушек, российские корабли проходили вплотную к неприятельской крепости. Удивительно, но турки тоже молчали! В зрительные трубы было видно, как мечутся на кронверках бородатые янычары. Тенедос, так и не сделал ни единого выстрела.

Что ж, вице-адмирал Сенявин и здесь проявил удивительное человеколюбие по отношению к противнику, не посчитав для себя возможным, проходя мимо, убить несколько человек. Сенявин ждал первого выстрела со стороны неприятеля, но и турецкий паша тоже ждал того же от него. Один за другим наши корабли в безмолвии проходили мимо тенедосских бастионов. Вот с ними поравнялся концевой «Ярослав». Все невольно замерли. Теперь у турок был прекрасный шанс беспрепятственно обстрелять наш корабль. Но паша и здесь проявил завидное миролюбие. Первая встреча с турками закончилась молчаливой демонстрацией сил. Теперь впереди была встреча с союзным английским флотом.

С салингов уже всюду кричали впередсмотрящие:

– Три трехдечных, полдесятка двухдечных, четыре фрегата, да еще два бомбардирских с бригам посыльным!

Российская эскадра бросала якоря подле эскадры английской. Никогда еще подле Дарданельских теснин нападавшие, не собирали столь мощного флота. Однако от взгляда наших моряков не укрылись многочисленные повреждения на английской эскадре. Корабли буквально зияли свежими пробоинами, видны были перебитые реи и наскоро заштопанные паруса.

– Кажется, союзнички уже повоевали до нашего прихода! – делились впечатлением наши.

От борта линейного корабля «Твердый», под барабанный бой и трели боцманских дудок, отвалил адмиральский катер. Дмитрий Николаевич Сенявин ехал к командующему союзной эскадрой, чтобы выяснить обстановку и согласовать свои дальнейшие действия.

Легкий зюйд-вест срывал с волн пенные брызги. Носясь низко над волнами, кричали чайки. Наступал момент, когда судьба не только Дарданелл, но и всей турецкой империи могла решиться в самое ближайшее время.

* * *

Предложенный Петербургом в конце 1806 года план совместных действий морских сил против Франции и Турции, в Лондоне особой радости не вызвал. Русские предлагали совместными усилиями блокировать с моря захваченный французами Данциг, а затем и отбить его. Премьер-министр Хоукинс отнесся к данцигскому плану прохладно.

– Балтийское море пока находится в сфере русского влияния и нам не зачем трепать из-за него свои нервы! Данциг нас не интересует!

Тогда Петербург предложил лондонскому кабинету взаимовыгодное: совместными усилиями союзных эскадр нанести внезапный удар по Константинополю и этим сразу же выбить Турцию из войны. Однако и это предложение было встречено британским кабинетом без особого сочувствия.

– Воевать с турками вам, скорее всего, не придется. Появление нашего флота у Дарданелл уже само по себе в самое ближайшее время отрезвит султана и заставит его принять все наши требования. Так что вы зря суетесь! – разъяснил свою позицию российскому послу графу Строганову Хоукинс. – Турцию мы берем на себя! Туда уже послан с эскадрой сэр Дукворт!

Проводив посла, премьер-министр придвинул к себе только что доставленные из адмиралтейства планы новых морских операций. То были обоснования нападения на египетскую Александрию и далекий южноамериканский Буэнос-Айрес. Торговые интересы всегда ставились Лондоном куда выше, чем интересы союзнические, а потому сейчас Хоукинса более всего волновал вопрос, как заставить аргентинцев и египтян с помощью пушек восстановить объем бывшего товарооборота.

Что касается Дарданелл, то здесь у Лондона давно были свои весьма далеко идущие интересы. Эскадра вице-адмирала Дукворта уже подходила к проливу. Что в точности намеревался предпринять сэр Дукворт, не знал и сам премьер-министр. А потому на все задаваемые ему вопросы, Хоукинс отвечал одно и то же:

– Очень скоро мы удивим весь мир! Наберитесь лишь немного терпения, господа!

Что ж, наберемся терпения и мы, тем более что ждать действительно осталось совсем не долго...

Месяцем ранее прибытия Сенявина, вице-адмирал Дукворт, наконец-то, собрал свою эскадру перед Дарданеллами и велел капитанам готовиться к прорыву на Константинополь. Однако в первую же ночь стоянки он был бесцеремонно разбужен флаг-офицером.

– Что там еще? – недовольно спросил Дукворт.

– Сэр! Горит «Аякс»! – просунул голову через приоткрытую дверь флаг-офицер.

– Что!!!

Мгновения спустя Дукворт уже взлетал по корабельным трапам на шканцы. Буквально в кабельтове от флагмана свечой полыхал «Аякс», так отличившийся при Трафальгаре. Над кормой линейного корабля поднимался огромный столб черного дыма. На фалах трепетали отчаянные флаги «Терплю бедствие». Как стало известно позднее, огонь вспыхнул на кубрике и в какие-то десять минут оттуда повалил столь густой дым, что люди могли узнавать друг друга лишь по голосу, несмотря на полную луну. Из-за сплошного дыма команда долго не могла спустить и гребные суда. Большинство кораблей эскадры, стоящие под ветром у «Аякса», тоже не могли быстро прислать к нему шлюпки.

Тем временем пламя уже вырвалось вверх через грот-люк и разделило линейный корабль огромным костром на две части. Попавшие в огонь люди сгорали в одно мгновение. С

полыхающего «Аякса» доносились столь ужасные крики погибавших, что, у бывших на соседних кораблях, леденела кровь.

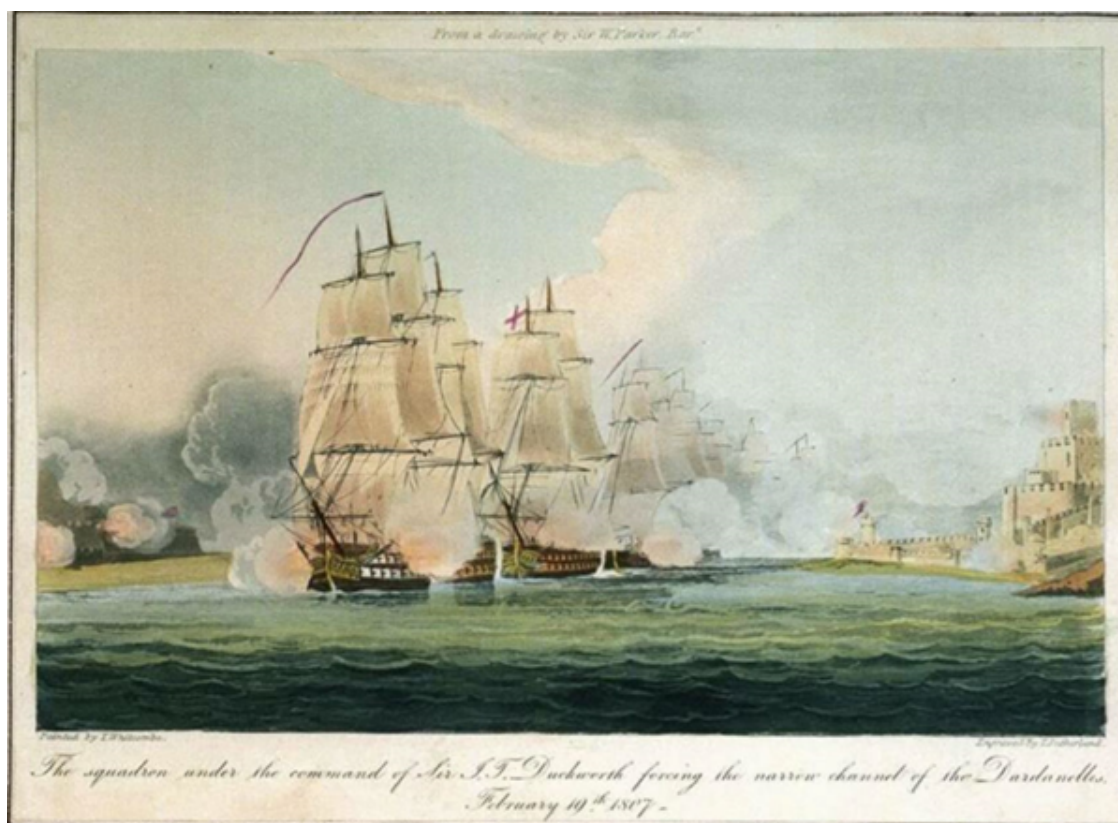
Дакворт, Джон Томас

Теперь на погибающем линкоре каждый был предоставлен самому себе и спасался, как умел. Люди толпами бросались с борта и бушприта в воду, где их подбирали шлюпки с других кораблей. В огне погибли и три десятка, находившихся на линкоре женщин и детей. Лишь несколькими из них чудом удалось спастись. Очевидцы видели, как одна из матросских жен, взяв своего грудного ребенка в зубы сумела спуститься с ним с конца бом-утлегаря в шлюпку. А свежий ветер все больше и больше раздувал пламя над обреченным линкором.

– Как и одноименный герой Трои, «Аякс» не пожелал покинуть этих славных гомеровских мест! – как бы в оправдание самому – себе, изрек Дукворт, глядя, как шлюпки подбирают немногих плавающих в воде счастливцев.

Матросы эскадры увидели в случившемся недобрый знак.

– Всем нам суждено то же, что и парням с «Аякса»! – говорили они промеж себя. – Никому не вырваться из этой дарданельской глотки! «Аякс» горел всю ночь. Ветер и течение снесли беспомощный корабль к Тенедосу, где в пять утра с ужасным грохотом он взлетел на воздух.

Эскадра Дакворта прорывается через Дарданеллы.

Утром подсчитали оставшихся в живых. Итоги были не утешительны. Из 633 человек экипажа погибло 250... Дукворт, в тот же день назначил расследование причин гибели «Аякса». Комиссия, наряженная над капитаном Блэквудом, проведя опросы членов команды, нашла капитана невиновным и оправдала его. Что касается причины пожара, то некоторые члены комиссии склонялись к тому, что огонь, скорее всего, случился из-за падения зажженной свечи в сено, оставленное по неосторожности в брод-камере, иные же считали более вероятным внезапное воспламенение огня от особого перемешанного с колчеданом состава пороха. Однако истинная причина пожара так и осталась неизвестной.

Гибель «Аякса» вызвала многочисленные кривотолки на эскадре. Разговоры о том, что экспедиция не может быть счастливой, коль столь неудачно началась, шли уже не только на матросских палубах, но и в кают-компаниях. Капитаны даже не пытались их прекращать, сами заводя разговоры на эту безрадостную тему. Но хуже всего было то, что более всех упал духом сам командующий. Дукворт написал завещание семье и бродил по шкафуту «Роял-Джорджа» с самым обреченным видом, навевая тоску на подчиненных. Хорошее расположение духа сохранял, как ни странно, лишь посол Эрбетнот, мечтавший, во чтобы то ни стало выполнить свои угрозы данные визирю.

Уильям Сидней-Смит

Наконец задул попутный эскадре зюйд-зюйд-вест. Англичане снялись с якоря и взяли курс в Дарданеллы. Корабли шли под приспущенными флагами в знак скорби по погибшим на «Аяксе». Младшему флагману контр-адмиралу Сиднею Смиту было велено, взяв в свое распоряжение два линкора с фрегатом, быть готовым к истреблению турецкого отряда у мыса Пескье, если тот попытается встать на пути эскадры. Два раза Смиту повторять нужды не было. Слава о храбрости и упрямстве этого контр-адмирала при выполнении самых невероятных поручений была общеизвестна. Ведь это был именно тот Синди Смит, который некогда помогал шведскому королю Густаву Третьему в войне с Россией, а затем еще в скромном звании командора, объявил своим личным врагом генерала Бонапарта и гонялся во время Египетского похода за ним по всему Средиземноморью.

Девять линейных кораблей, растянувшись кильватерной колонной, один за другим в ночной мгле осторожно вползали в опасную узкость. Столь нахального маневра турки от англичан никак не ожидали. На рассвете эскадра миновала уже первые турецкие укрепления, с которых был немедленно открыт огонь.

– Не всыпать ли нам этим наглецам? – спросил посла всегда всем недовольный Дукворт.

– Думаю, что пока нам лучше будет промолчать, кто знает, как еще пойдут переговоры с султаном? Зачем нам прецедент! – ответил Эрбетнот.

Дукворт молча кивнул и отошел. Кто знает этих дипломатов, может быть им и в самом деле виднее, что и как? Бомбардирские суда, впрочем, не удержались, и бросили в турок несколько бомб. Спустя еще полчаса хода эскадра подошла к следующей череде крепостей. Там англичан тоже приняли, как неприятелей. В этот раз Дукворт решил уже увещаний посла не слушать, а потому линкоры отвечали туркам с живостью. По проходу ж крепостей Дукворт потребовал докладов о повреждениях. Расторопный флаг-офицер быстро собрал сведения: на флагманском «Роял-Джорже» сбит блинда-рей, на «Кенопсе» гафель, на «Штандарте» грот-марса-рея. Бомбардирский «Метеор» лишился своей 13-дюймовой мортиры, которая треснула при выстреле. Урон в людях состоял из шести убитых и пятидесяти раненных.

– Разумеется, это сущие пустяки, но ведь и экспедиция еще только начиналась! – подошел к командующему капитан флагманского «Роял-Джорджа» Ричард Денн.

– Будем надеяться на лучшее! – ответил тот.

– В любом случае нам много и не остается! – оставил последнее слово за собой капитан.

– Впереди мыс Ниагара! – доложил командующему штурман.

Вдалеке проступали очертания мыса, за которым угадывались мачты, стоявших на якоре, турецких судов. Дукворт потребовал зрительную трубу. Турецкий отряд составлял 64-пушечный линкор под контр-адмиральским флагом, четыре фрегата, четыре корвета, пара бригов, да столько ж канонерских лодок. Это было все, что турки успели снарядить к началу войны. Заметив приближающуюся британскую армаду, один из бригов не стал ждать развязки, а обрубив якорный канат, пустился в Мраморное море. Дукворт его проигнорировал. На немой вопрос капитана Денна, лишь махнул рукой:

– Этот от нас никуда не денется, а остальными пусть займется Смит! Турки, тем временем, без всяких раздумий принялись палить в англичан. Однако хотя делали они это с похвальной решимостью, меткость оставляла желать много лучшего. Разрядив, в свою очередь, по туркам орудия правых бортов своих кораблей, Дукворт, не задерживаясь, провел эскадру мимо. Турецкий отряд остался на растерзание арьергарда Сиднея Смита. Решительный Смит подошел к туркам на дистанцию ружейного выстрела и, бросив якоря, начал их жесточайшее истребление, расстреливая несчастных в упор. Спустя какую-то четверть часа с начала избиения турецкий линейный корабль уже выбросился на отмель у азиатского берега. Еще несколько минут и его примеру последовали почти все остальные суда. Оставшийся корвет и канонерку взяли на абордаж без всякого сопротивления.

Пользуясь общей суматохой, один из турецких фрегатов пытался было улизнуть, но был настигнут и сожжен у ближайшей мели. Но все же праздновать полную победу было еще рано. Даже выбросившись на мель, турецкие суда флагов своих не спустили, а наоборот продолжали отчаянно отбиваться. Не смолкали и пушки местных береговых редутов. Затем на ближайших холмах показались войска. Смит несколько занервничал. Он уже серьезно отстал от ушедших далеко вперед главных сил, а оставаться одному, в таящем столько неожиданностей проливе, не входило в его планы.

– Усилить огонь до предельной возможности! – распорядился контрадмирал. – Сметайте все, что только видите!

Сосредоточенный шквал ядер рассеял сухопутное воинство, а храбрый лейтенант Ост даже привез шлюпкой с берега и первый трофей: брошенное бежавшими турками зеленое знамя. Затем высланные абордажные партии захватили и взорвали выброшенные на мель суда. Однако с редутом Смит решил не задерживаться. Подняв над своим «Помпеем» сигнал о прекращении боя, младший флагман поспешил догонять старшего. Добивать огрызающийся огнем Ниагарский редут остался лишь фрегат «Эктив».

– Сколько уничтожено турецких судов? – запросил Дукворт Смита, когда его корабли догнали главные силы.

– Все! – ответил личный враг генерала Бонапарта.

- Каковы наши потери? – снова запросили с «Роял-Джоржа».
- Четверо убитых и двадцать шесть раненных! – бодро отрапортовали с «Помпея».

Константинополь

Это был несомненный успех. Однако сколь удачным получится завершение всей дерзкой операции теперь целиком зависело от решимости и расчетливости британского командующего. Увы, этих- то качеств ему всегда и не хватало!

В полной тишине эскадра миновала Галлиполи и, выйдя в Мраморное море, взяла курс к Константинополю.

– Никогда еще британский флот не забирался столь далеко в турецкие воды! – восхищенно оглядывал туманные Принцезы острова посол Эрбетнот.

– Никогда еще он и не выбирался из этих вод! – мрачно отозвался Дуворт.

А впереди уже были отчетливо видны острые иглы константинопольских минаретов. Британские линкоры были готовы двинуться вплотную к неприятельскому берегу, чтобы там бросить в воду станковые якоря. Но Дуворт решил встать в некотором отдалении.

– На всякий случай! – объяснил он свое решение послу. – Да и штиль почти полный!

В порты британских линкоров выглянули сотни орудийных жерл. Подле них уже давно изнывали в нетерпении босоногие канониры. Мальчишки-юnger щедро рассыпали по палубам мелкий песок, чтоб в случае боя не скользить на пролитой крови. Настроение у всех было неплохое.

– Ну, уж теперь-то зададим жару в стамбульских кофейнях! – повеселели матросы, на близкий берег глядячи. – А то и сразу в гарем султанский направимся, там девок на всех хватит!

Все в нетерпении поглядывали на флагманский «Роял-Джорж», чтобы идти к турецкой столице и в соответствии с приказом самого же Дуворта громить серали при первом слове посла. Ожидание было тем более оправданно, что с рассветом подул умеренный зюйдост, самый что ни на есть попутный для последнего броска к Константинополю. Нервы сотен и сотен моряков были напряжены: не ударит ли вот-вот с него сигнальная пушка, не взовьются

ли флаги атаки? И вот, кажется, свершилось! Пугая дремавших на волнах чайек, ударила холостая пушка с «Роял-Джоржа».

– Наконец-то, кончится наша зависимость от этих снобов – дипломатов и мы поговорим с турками на своем языке! – обрадовались на эскадре.

Храбрый Сидней Смит повернулся к капитану «Помпея» Ричарду Дэксу:

– Все наши соотечественники из Константинополя уже выехали, а потому переговоры между нами и турками должны быть более конкретные, чем дипломатические, а потом командующий имеет полное право действовать по своему собственному усмотрению.

Тем временем свежий ветер развернул флаги адмиральского сигнала.

– Лечь в дрейф! – раздосадовано прочли капитаны.

Вопреки всем надеждам офицеров и матросов, Дукворт решил слушаться советов посла Эрбетнота. К турецкой столице отправился лишь фрегат «Эндимион». На нем была послана депеша посла Рейс-эфенди, гласившая: «Английский флот с первым попутным ветром пойдет в Константинополь. Прибытие флота должно убедить вас, что, если какое-нибудь дело поручено английским офицерам, никакие трудности и препятствия не могут остановить исполнения его...» Несмотря на все имеемые ранее сведения о приближающейся эскадре, появление британцев у стен сераля было столь неожиданно, что Константинополь буквально онемел.

Генерал Себастиани, ознакомившись с письмом Эрбетнота, собрал свое посольство:

– Мы никаких дел английским офицерам не поручали, а потому их трудности и препятствия нам не к чему! Покупайте мулов и грузите бумаги, кажется, здесь нам больше делать нечего!

Позднее говорили, что Себастиани не на шутку боялся, как бы взбешенные турки не бросили его самого в темницу. В Рагузу своему другу Мармону генерал второпях чиркнул записку: «С часу на час ждем английских гостей в Константинополе. Будет погром посудной лавки». Но никакого погрома в посудной лавке не случилось, наоборот, вскоре события повернули совсем в иное, почти невероятное направление.

Вице-адмирал Белого флага и кавалер ордена Бани сэр Джон Томас Дукворт был неплохим моряком, но дипломатом, увы, самым никудышним. К тому же решившись на столь дерзкий шаг, как прорыв к Константинополю, он, дойдя до города, теперь совершенно не знал, что же ему делать дальше. Вместо того, чтобы, не теряя времени, развить начальный успех и начать немедленную бомбардировку Константинополя и принудить не слишком храброго султана Селима к подписанию мирных параграфов, Дукворт решил вначале поугадать турок словесно. Вслед за письмом посла он сделал по султану и свой личный чернильный залп. В письме Дукворт писал: «...Я имею власть истребить столицу и суда, и не считаю нужным излагать подробно цель своего прибытия...» Ответа на свое письмо он требовал в полчаса! Более решительного послания придумать было просто невозможно – это был самый настоящий ультиматум. К султану был послан парламентар лейтенант Кольбе.

– Сдавайтесь на капитуляцию! – объявил на словах турецким представителям Томас Кольбе и передал письмо, содержащее адмиральские угрозы и длинный список требований, которые надлежало исполнить туркам во избежание бомбардировки.

– Что же нам теперь делать? – спросил рейс-эфенди французского посла, ознакомившись со всеми требованиями англичан. – Ведь если я исполню все пункты, то это равносильно капитуляции, если же я не исполню их, то тогда последует бомбардировка, и капитулировать мне все равно придется? Где же выход?

– Выход всегда есть! – ответил ему уже просчитавший и оценивший ситуацию Себастиани. – Надо любой ценой навязать англичанам переговоры, а тем временем я помогу вам укрепить пушками, как Дарданеллы, так и столицу!

– Сколько времени нам надо будет водить за нос инглизов? – уже с надеждой поинтересовался Селим.

– Не меньше недели!

– О, я попробую это сделать, хотя все будет не просто!

С этой минуты в турецкой столице началась скрытая от посторонних глаз, но весьма лихорадочная работа по усилению обороны. С утра до вечера в турецком адмиралтействе снаряжали флот, а по ночам суда скрытно переходили к столице и становились вдоль берега под прикрытием крепостных пушек. Тем временем Дукворт отправил в Константинополь свое следующее послание: «...Так как мы видели в трубы, что время данное Порте на размышление, употребляется ею на расположение судов в выгодных позициях и укрепление берега, то вице-адмирал объявляет, что обязанность не позволяет ему медлить». Над «Роял-Джоржем» подняли сигнал «Приготовиться сняться с якоря.» Дувший зюйд-ост быстро свежел час от часу. Все смотрели на флагман, но там так и не спустили пригласительного флага, что было бы непосредственным сигналом к началу съемки с якоря. Теперь даже туркам стало ясно, что Дукворт боится принять какое-либо серьезное решение, а все его угрозы не что иное, как пустое хвастовство. Хитрый и предусмотрительный посол Эрбетнот, поняв, что дело приобретает нежелательный оборот, тут же сказался больным и заперся в своей каюте. Отныне вся ответственность за исход дела ложилась уже лишь на одного командующего.

Далее началась самая настоящая комедия. Рейс-эфенди и Дукворт ежедневно обменивались меж собой письмами и послами, торгуясь и споря по каждому из предъявленных туркам пунктов. Рейс-эфенди оспаривал почти каждый из них, но делал это постепенно. Чтобы не вызывать раздражения со стороны Дукворта, он уступал их один за другим: каждый день по пункту. Наивный Дукворт радовался, как ребенок:

– Я выигрываю эту шахматную партию ход за ходом! Уже не далек и шах шаху!

– Все это так, сэр, – осторожно вразумляли своего флагмана капитаны. – Но как бы нам за всем этим не пропустить детский мат! Дукворт раздраженно отмахивался от сомневающихся. По его мнению, все шло пока, как по маслу и турки были готовы сдать ему все позиции. Меряя шагами каюту, вице-адмирал диктовал флаг-офицеру очередное письмо:

– Объявляю вам в последний раз: ничто не понудит меня стоять в отдалении от города далее означенного времени. Вы должны знать характер англичан и убедиться, что в случае необходимости, мы расположены действовать, нежели угрожать! Поймите меня, я имею в виду только мир и дружество между нациями!

Читая эти напыщенные послания, рейс-эфенди с Себастиани только смеялись.

– Вы видите, достопочтимый, что наша тактика уже приносит первые успехи! – говорил турецкому министру французский посол. Если поначалу англичане требовали от вас сдачи всего флота, то теперь они уже просят только мира. А это значит, что теперь они мечтают лишь о том, как бы им получить от вас свободный пропуск обратно в Архипелаг!

– Этого они от нас не получают никогда! – огладил седую бороду рейс-эфенди – Мы будем последовательны до конца!

Затягивая время, министр, все же, якобы, решился на переговоры. Местом их проведения определили деревню на азиатском берегу Кади-Киой. Посол Эрбетнот, по-прежнему, «болел» и участвовать ни в чем не желал. Дукворт тоже ехать на турецкий берег не захотел.

– Я не могу оставлять эскадры и плыть в столь отдаленное место! – сказал он. – Надо посылать кого-нибудь из младших флагманов! Но Смита слать нельзя, он испортит все своей решимостью. Остается Луис. Он и поедет, как мой министр!

Но Томас Луис тоже предпочел сказать больным, чтобы не быть ввязанным в столь сомнительное предприятие. Переговоры все откладывались.

* * *

Пока британский вице-адмирал пребывал в радостном блаженстве, французские инженеры и артиллеристы днем и ночью ставили батареи вдоль пролива. Туда же стягивались и байраки отборных янычар. Наконец инженер-полковник Гутильо смог доложить Себастиани:

– Мой генерал, у нас все готово к приему гостей!

– Отлично, дружище! – Себастиани, схватив шляпу, бросился к стоявшей у крыльца коляске. – А теперь быстрее в сераль! Пришла пора жарить каштаны!

Утром следующего дня англичан ждал неприятный сюрприз. Посланная за покупкой продуктов шлюпка с фрегата «Эндимион» была внезапно захвачена турками, а мичман Гаруэлл и четыре бывших с ним матроса брошены в застенки тюрьмы Бали. Дукворт потребовал объяснений. Константинополь ответил грубым отказом. Время разговоров подошло к концу. Вдоль всего константинопольского берега уже чернели пушечные стволы, прибрежные холмы были густо усеяны войсками, а у крепостей появились боевые суда.

– Мы требуем объяснений! Что все это значит? – заявил очередной посланец британского вице-адмирала.

Посланца выгнали пинками.

Султану Селиму показали захваченных англичан:

– Вот и первые пленные! То ли еще будет!

Селим благосклонно кивал головой обвитой высоченным тюрбаном:

– Столь быстрая и легкая победа обнадеживает, что Аллах смилостивится над нами в продолжение всей этой войны!

На «Роял-Джорже», тем временем, царила полная растерянность.

– Что же случилось, ведь турки были готовы принять почти все наши пункты? – еще не осознав до конца происшедшее, возмущался Дукворт.

– Увы, сэр! – обступили его капитаны. – Вас, кажется, перехитрили! Теперь следует позаботиться, хотя бы о том, чтобы вырваться из этой западни, именуемой Дарданеллами!

Тем временем довольный столь удачным исходом дела Себастиани, брызгая чернилами, строчил отчет в Париж: «Мы развлекали англичан переговорами в течении всего того времени, которое было необходимо, чтобы привести эту столицу в оборонительное состояние, но как только работы были окончены, Порты уведомила адмирала Дукворта, что она не может согласиться ни на одно из его требований и что она не боится увидеть его суда перед Константинополем...»

Себастиани мог отныне рассчитывать на признательность своих заслуг императором. Как знать, возможно, у Наполеона найдется в запасе маршальский жезл и для него.

Орас Себастьяни

Зато обманутый Дукворт был вне себя от бешенства. Запершись в каюте, он почти не показывался наверху. В кают-компаниях раздосадованные офицеры ругались, не таясь:

– Не потеряй мы столько дней на эти идиотские переговоры от турок остались бы одни головешки, и война была уже закончена. Сейчас же она лишь начинается!

– Может все же адмирал решиться атаковать прямо сейчас? – спрашивали пятнадцатилетние подростки – мичмана.

– Черта с два! – отмахивались от них выдавшие виды лейтенанты. – Лезть на турок сейчас, все равно, что рубить у себя днище. Теперь надо думать, как выбраться отсюда живыми!

Пока англичане спорили да ругались, турки не теряли времени даром. Ночью турецкий десант занял небольшой островок Прота, начав на нем лихорадочное возведение сразу нескольких батарей. Островок лежал как раз на маршруте очевидного отхода британской эскадры, а это значит, что константинопольская мышеловка должна была вот-вот захлопнуться. Узнав об этом шаге, Дукворт, наконец, очнулся от прострации.

– Высадим десант и сбросим турок в воду! – решил он.

Морская пехота начала готовиться к бою. К Проту подошли линейный «Рипалс» и бомбардирский «Люцифер», получившие приказ прикрывать шлюпки. После нескольких бортовых залпов, занимавшиеся строительством батарей турки, бросились в шлюпки и бежали, осы-

паемые картечью. Янычары поспешили отойти вглубь острова. Теперь на Проту высадился уже английский десант во главе с капитаном Кентом.

Янычары, засев в небольшом монастыре, отчаянно защищались, расстреливая приближавшихся британцев на выбор. Одним из первых был убит бежавший впереди всех с саблей в руке храбрый капитан Кент. Оставшись без начальника, морские пехотинцы растерялись, запросили корабли о помощи. В поддержку солдатам была брошена пехота с других кораблей. Посылая солдат, Дукворт велел их начальникам:

– Нападать так, чтобы не подвергать себя опасности!

Пехотные офицеры недоумевали, как такое может быть: нападать, но с полной безопасностью? Однако будучи, людьми десятка не робкого, они плюнули на наставления командующего и храбро полезли в драку.

Бой у монастыря становился все упорнее. Чаша весов все же постепенно склонялась на сторону нападавших. Англичане уже сгрузили на берег несколько пушек и, пробив несколько брешей, были готовы решить исход дела в рукопашной. Однако все в этой экспедиции было против Юнион Джека! В тот момент, когда бывшие на острове уже не сомневались, что монастырь, с запершимися там янычарами, обречен. В этом, почему-то, засомневался Дукворт, а засомневавшись, велел... вернуть десант на корабли.

Это была самая большая ошибка вице-адмирала Белого флага и кавалера ордена Бани! Если бы Дукворт мог только знать, что в монастыре вместе с осажденными янычарами оказался их главный Ага, а вместе с ним и сам... генерал Себастиани, приехавший на остров с инспекцией. Запертый вместе с янычарами, французский посол пребывал в полной растерянности. Наберись Дукворт еще хоть немного терпения и Себастиани неминуемо оказался бы в его руках, а значит, успех экспедиции превзошел бы все самые смелые ожидания! Но ничего этого не случилось. Дукворт остался верен себе, и последняя возможность изменить весь ход событий была навсегда безнадежно утеряна.

Тем временем турки уже приготовили к бою пять линейных кораблей с четырьмя фрегатами. Турецкая эскадра вытянулась из Золотого Рога, но пока, не рискуя нападать на англичан, держалась неподалеку от береговых батарей. Напрасно британский вицеадмирал выстроил свои корабли в боевую линию и в течение дня ходил переменными курсами в виду турок, как бы приглашая их на бой. Турки приглашения не приняли. Их сейчас волновали куда более существенные дела: создание батарей по берегам пролива. А на следующий день берега Константинополя внезапно покрылись клубами дыма. Пушечный грохот продемонстрировал англичанам, что Высокая Порта завершила строительство батарей и готова к единоборству. Отныне ни о какой безнаказанной бомбардировке столицы уже не могло быть и речи. Петля на шею британской эскадры была готова. Теперь туркам оставалось лишь немного подождать, когда Дукворт сам полезет в нее, а то, что это неминуемо произойдет сомнений ни у кого не было. Не век же ему торчать у Константинополя! Вся затеянная англичанами операция оборачивалась полным крахом. Дукворт так и не смог решиться не только, чтобы атаковать Константинополь, но даже на то, чтобы провести демонстративную бомбардировку.

Последнее, что совершил вице-адмирал под стенами славного Константинополя, была передача туркам ранее захваченного у них корвета. Этим «широким» жестом Дукворт пытался задобрить султана и получить, тем самым, возможность беспрепятственного возвращения через Дарданеллы. Но неуклюжая попытка купить расположение с помощью столь дешевого дара не вызвала в серале ничего кроме злорадства. Более иных радовался Себастиани.

– Все случилось, как я и предполагал. Жалкая болтовня о корвете – это худшее, что могли придумать англичане. Теперь им остается только спастись бегством, и все будет отныне зависеть от меткости ваших артиллеристов! – говорил он рейсми-эфенди с великим визирем.

Те лишь удовлетворенно качали своими тюбанами.

В полном безмолвии британская эскадра оставила турецкую столицу и взяла обратный курс. Хуже всего было то, что ее командующий даже не попытался предпринять что-нибудь для освобождения моряков с захваченной шлюпки. Это вызвало в экипажах, куда больший ропот, чем вся проваленная операция. Но главные неприятности ждали англичан впереди!

Вслед уходящим, неслись радостные вопли, собравшихся по берегам толп. Султан Селим, наблюдавший за всем происходящим из окна собственного дворца, криво усмехался, приглашенному для беседы Себастиани:

– Инглизы еще не знают, какой сюрприз ждет их на выходе из Дарданельских теснин! Демоны смерти уже готовы принять их в свои объятия!

Себастиани понимающе кивал. Радость султана он вполне разделял.

– Это будет славная головомойка, не хуже Аустерлица! – поддакнул генерал самодовольному падишаху.

Селим III

Вдоль узкого дарданельского прохода англичан уже поджидали десятки тщательно укрепленных батарей. Янычары в нетерпении пробовали на остроту свои кривые ятаганы, мечтая, как будут резать головы, спасающимся с разбитых кораблей. На сигнальных башнях запаливали костры – сигнал о приближении английской эскадры.

Первым спешил вырваться в открытое море «Кенопс», за ним «Рипалс», флагманский «Роял-Джорж», следом остальные. Подойдя к Абидосской крепости, Дукворт, желая еще раз задобрить турок, отсалютовал им 13-ю выстрелами. Но мусульмане оказались совершенно неучтивыми и в ответ засыпали эскадру тучей бомб и ядер со всех близлежащих укреплений. Оба берега неожиданно покрылись густым дымом. Рев сотен и сотен пушек заглушил все и вся. Даже зная о том, что турки укрепили проливы, никто из англичан не мог себе предположить, что это будет сделано столь быстро и умело. На английских судах мгновенно воздели красные стеньговые флаги. Бой за прорыв начался. Однако с первых его минут всем было ясно, что британская эскадра попала в тяжелейшее положение, выбраться из которого будет весьма непросто.

Турки расстреливали проходившие мимо суда на выбор. С треском рушились перебитые мачты, кричали раненные. Дукворт, презирая смерть, храбро расхаживал под ядрами, но его личная храбрость уже мало что могла изменить. Более всего вице-адмирал переживал за свои бомбардирские суда. Переделанные из бывших купеческих транспортов, «Метеор» и «Люцифер» были оборудованы столь неудачно, что крьюйт-камеры на них находились почти на верхней палубе, а потому даже один удачный выстрел мог разорвать их в клочья. Но к счастью, все обошлось, и бомбардирские суда уцелели. Сам же бой вскоре превратился в самое настоящее избиение... Передовой «Кенопсус» лишился штурвала. Корпус его в несколько минут был превращен калеными ядрами в сплошное сито.

На шедшем следом за «Кенопсусом» «Рипалсе» снесло бизань-мачту. Капитан «Рипалса» Джон Легг метался по палубе, пытаясь, хоть как то, навести порядок и погасить то и дело вспыхивающие пожары. Живых офицеров у него почти не осталось. Внезапно «Рипалс» дернулся в сторону и заскрипел столь отчаянно, словно закричал от невыносимой боли.

– Что там еще? – крикнул Легг.

– Каменное ядро в вашу каюту, сэр! – крикнули в ответ ему.

– Ну и что с моей каютой?

– Теперь вместо вашей каюты ворота, сэр!

Слова эти повергли британского капитана в состояние настоящего шока. Дело в том, что не далее, как несколько месяцев назад, Легг доставлял в Константинополь на своем корабле посла и имел честь пообщаться с турецким капудан-пашой, который любезно показал английскому капитану морской арсенал в Топхане. Увидя там груды огромных мраморных ядер, Легг пришел тогда в немалое изумление.

– Это же средневековье! – сказал он капудан-паше. – Такие ядра годятся только для украшения ворот!

– Возможно, что все обстоит именно так! – развел руками капудан-паша. – Однако я не хотел бы, чтобы именно вы оказались в этих воротах!

И вот теперь слова турецкого адмирала сбылись в самом прямом смысле.

А избиение английской эскадры, тем временем, продолжалось вовсю. На флагманском «Роял-Джорже» вскоре были порваны все нижние ванты и побиты мачты. Огромное каменное ядро увязло в водорезе. Другое огромное каменное ядро в восьмьсот фунтов весом, напроочь перешибло грот-мачту на «Виндзор-Кастле». Еще более страшный каменный шар, запущенный из пушки Сестосского замка, насквозь пронзил борт следовавшего за ним «Штандарта», поубивав и поранив в одно мгновение более шестидесяти человек. На «Помпее», где держал свой флаг Сидней Смит, каменный шар, прошибив бархоут, сделал столь огромный пролом, что корабль неминуемо бы утонул, попади ядро всего на какой-то фут ниже. Младшему флагману все же хватило мужества и умения, чтобы удержать свой корабль в линии и не дать ему уткнуться в берег, где он стал бы трофеем турок. Два концевых фрегата были так раздроблены каменными снарядами, что к концу боя уже совершенно не годились более для службы в открытом море. Не менее потерпели и остальные.

Но вот, наконец, Дарданеллы остались позади и английские корабли, обменявшись последним залпом с последней из турецких батарей, легли в дрейф у мыса Янычар. Вид вырвавшихся из дарданельского пекла кораблей был жуток. На них просто нельзя было глядеть без содрогания. Обугленные и чадающие еще не потушенными пожарами, с кровавыми подтеками у пушечных портов, они едва держались на воде. Доклады капитанов были тоже не утешительны. Два линейных корабля и два фрегата остались на плаву каким-то чудом. Число убитых пересиливало за шесть сотен. Команды были удручены и подавлены происшедшим. Уже много лет британский флот не терпел ни от кого столь сокрушительных ударов. Всем было ясно, что с карьерой Дукворта отныне кончено навсегда. Такого позора не простит ни адмиралтейство, ни король.

* * *

В Лондоне известие о поражении при Дарданеллах, как и следовало ожидать, вызвало настоящий шок. Все сразу вспомнили о храбром контр-адмирале Смите, который, хоть и участвовал в экспедиции, но лишь в роли младшего флагмана, а потому ничего не мог изменить.

– Если бы поход поручили нашему Синди, нация бы опять получила нового Нельсона! Уж кто-кто, а Синди не стал бы бесполезно торчать под стенами турецкой столицы, а дал бы туркам хороших тумачов! – судачили меж собой обыватели.

Самого Дукворта поначалу хотели судить, но этому помешал целый ряд неожиданных обстоятельств.

Началось с того, что министр иностранных дел лорд Кенинг в одном из своих публичных выступлений публично заявил:

– Дарданельская экспедиция могла бы при более умелом руководстве и более ясной постановке задач сделать куда больше, чем было ей сделано!

Затем некто полковник Вуд потребовал в парламенте предъявить ему шканечный журнал «Роял-Джоржа», чтобы на этом построить обвинение сэру Дукворту. Начался скандал. Вуда обвинили в предвзятости на том основании, что данное дело подлежит разбору исключительно военным судом. Один из депутатов предложил своей палате выдвинуть обвинение против чинов министерств, предпринявших столь бесславную экспедицию. Настала пора отбиваться министрам. Военный министр Уиндгэм, яростно защищаясь в парламенте, заявил, что неудача экспедиции не может быть приписываема его министерству и никаким министерствам вообще, потому, что и неудачи-то никакой не было, а была, наоборот, удача! Этим он привел в изумление, как своих сторонников, так и своих врагов.

– Если дело обстоит именно так, – рассуждали здраво последние, – Тогда непременно следует начать расследование нашей «неудачи» при Трафальгаре. И строго спросить за это, с оставшегося в живых, младшего флагмана Коллингвуда, а заодно и посмертно с бедняги Нельсона!

Одновременно в газетах была опубликована целая серия душещипательных статей о полном разгроме турецкого «флота» при мысе Ниагара и о жутких огромных турецких мраморных ядрах, которым храбро противостояли английские моряки. И если известия об уничтоженном «турецком флоте» вызвали у читающей публики большой скепсис, то упоминание о мраморных ядрах произвело должное впечатление.

– То, что мы разнесли турок в щепки – это, положим, вранье! – знакомясь с газетными листками, приходили к выводу издавшие виды британцы. – А вот то, что от каменных булыжников нашим ребятам досталось по первое число, так это уж точно!

– Не будем гадать, а посмотрим лучше, как отреагирует на эту победу биржа! – заключили самые разумные.

Курс британской валюты в те дни стремительно упал сразу на несколько пунктов...

Российский современник написал в те дни так: «Этой бесполезною экспедициею англичане имели в виду предостеречь турок от нас, открыть им глаза и уверить, что Дарданеллы их непроходимы».

* * *

Едва русская и английская эскадры сблизились, на «Твердый» прибыл английский полковник лорд Борген в сопровождении двух капитанов. От имени своего командующего он приветствовал прибывшего союзника. Слушая рассказ о неудачном рейде на Константинополь, Сениявин мрачнел: и зачем совались в одиночку, а уж коли сунулись, драться надо было не понарошку!

С бортов наших кораблей разглядывали союзников. Было ясно, что англичане недавно побывали в хорошей передрыге, а потому на них смотрели с сочувствием:

– Да уж досталось союзникам по первое число!

Появление российской эскадры вызвало у англичан заметное оживление. Наших приветствовали восторженными криками:

– Рашен вел! Рашен вел! Рашен вери-вери вел!

– Иш, как просют сердешныя, чтобы мы их с собой воевать повели! Не могут, видать, без нас! – сочувственно качали головами наши матросы. – Ну да пушай не огорчаются, мы своих дружков в беде никогда не бросим!

Если на палубах английских кораблей матросы выражали свои эмоции криками, то в кают-компаниях говорили вещи весьма дельные.

– Заделаем пробоины и двинем вместе с русскими снова в Дарданеллы! Вместе мы уж переломаем хребет султану! – предлагало большинство. – Последнее слово в драке должно остаться за нами! Это дело нашей чести!

Иные (меньшинство), с сомнением качали головами:

– Мы уже и так свое получили! Пусть теперь свою партию сыграют русские!

Не было единства и среди английских флагманов. Дукворт был категорически против любого объединения с Сениявиным:

– У нас нет инструкций на большую войну в Дарданеллах. К тому же мы и так надавали султану изрядных пощечин!

Контр-адмирал Смит открыто рассмеялся ему в лицо:

– По-моему, пощечин надавали не мы, а вдрызг разбили рожу нам!

– Что ж, – помрачнев, буркнул Дукворт, – На войне случается всякое, фортуна изменчива. Но пока я не получу соответствующих бумаг из Лондона, я не приближусь к Дарданеллам ни на дюйм! Это мое последнее слово!

Дукворт не был до конца искренним со своими подчиненными. В секретном ящике у него давно уже хранился пакет засургученный личными печатями короля и премьер-министра. Пакет этот он должен был вскрыть в случае встречи с русской эскадрой. А потому не далее, как утром этого дня Дукворт сорвал печати с пакета. Ознакомившись с содержанием, он решил повременить с объявлением своего решения относительно последующих действий. Скорее всего, британский командующий опасался новой вспышки недовольства на кораблях. А ситуация на эскадре была и впрямь не простая. Позицию Дукворта поддерживали лишь офицеры его походного штаба. За младшего флагмана Смита стояли все без исключения командиры кораблей, те, кого в британском флоте исстари именовали уважительно «fire-eaters», то есть «огнееды». Капитаны-огнееды соглашались, что надо бы еще раз с русскими пробиться к Константинополю и наказать турок за проявленное вероломство. Чтобы Дукворт не мог отмахнуться от их мнения, они направили своему командующему коллективное письмо с изложением выработанного плана. И теперь Дукворту необходимо было в соответствии с законом

и традициями, дать своим капитанам столь же аргументированный письменный ответ. Над составлением этого ответа вице-адмирал и пребывал, когда к нему постучал флаг- капитан Ричард Денн.

– Сэр! С вахты докладывают, что к нам гребной катер от русских под вице-адмиральским флагом!

– Ну вот, – с раздражением бросил гусиное перо Дукворт. – Сейчас начнут меня уговаривать идти драться в Дарданеллы! Придется как- то выворачиваться!

– А может и не надо выворачиваться! – осторожно вставил флаг- капитан. – Давайте двинем вместе с русскими и все тут!

– Свое последнее слово я вам уже сказал! Ваше же дело не давать мне советы, а исполнять мои указания! – Дукворт демонстративно отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен и присутствие подчиненного здесь больше не желательно.

– Всего доброго вам на переговорах, сэр! – склонил голову, удаляясь, начальник походного штаба.

Катер под Андреевским флагом уже подходил к шторм-трапу правого парадного борта. Поднимающегося на корабль Сенявина встречал оркестр и почетный караул. Дукворт, изобразив улыбку, пригласил российского командующего к себе в салон. Был Дукворт стар, мал ростом и совершенно лыс, отчего носил старомодный парик. В манерах же был обходителен, учтив, а вид имел болезненный и печальный. Рядом с английским командующим его младший флагман Сидней Смит, герой Сент-Жан-д, Акра. Высокий и улыбчивый он являлся полной противоположностью своему начальнику. Едва дверь за адмиралами закрылась, к ней, помимо всегдашнего часового, заступил полный караул во главе с офицером.

– Прошу вас к столу! – пригласил жестом Дукворт Сенявина.

Адмиралы придвинули дубовые кресла и сели друг против друга. Рядом устроились секретари. Переговоры, результат которых ждали с замиранием сердца на обеих эскадрах, начались.

Из воспоминаний Павла Свинына, присутствовавшего на тех переговорах в качестве секретаря: «По приглашению Дукворта ездили мы с адмиралом к нему обедать на корабль... Сильное волнение не воспрепятствовало Сенявину пуститься к Дукворту. После приветствий началось настоящее дело: английский адмирал всячески старался доказывать Сенявину невозможность вторичного предприятия на Константинополь и почти открыто изъяснял свое несогласие к содействию. На корабле его находился английский посланник Эрбетнот, который оставался тут со времени отбытия своего из Константинополя. По болезни своей он к нам не выходил. Не смотря на словесный отказ Дукворта, адмирал отнесся к нему сего дня бумагою, начиная ее так: «Что в исполнение последнего повеления Государя Императора, дабы побудить Порту возвратиться к той политической системе, которую она оставила по коварным нарушениям французов потребно ему для вспомоществования 5 кораблей с соразмерным числом фрегатов и малых судов, кои, присоединясь к нашим, должны споспешествовать к успеху и славе предприятия, имеющего столь важную цель для общих дел Европы».

...Получили от него в ответ следующее: «...Видя нынешнее укрепление Константинопольских берегов, почитаю совершенно невозможным употребить противу оных корабли, без содействия сухопутных войск, и для того он не может решиться жертвовать своими морскими силами».

На выходе к секретарю Свиныну подошел раздосадованный Сидней Смит.

– Что касается меня, то я был бы счастлив еще раз вместе с вашим адмиралом штурмовать Дарданеллы! Однако, как сами видите, наш командующий этого не желает, а хочет идти к тунисским берегам, блокировать тамошнюю французскую эскадру! Лавров мы там, явно, не пожнем, а время потеряем! – Сказал он вполголоса, чтобы не слышали стоявшие рядом офицеры.

Вечером Сенявин отъехал обратно. Настроение его было пасмурным, но посвящать в свои дела он никого не стал. Ограничился лишь тем, что велел капитану 1 рангу Малееву быть готовым поутру к приему английского командующего.

На следующий день в десять часов поутру на «Твердый» прибыл Дукворт. Адмиралы снова закрылись в салоне и переговоры продолжились. Из воспоминаний Свинына: «Сенявин вновь сильнейшим отношением убеждал английского адмирала к содействию его вышесказанным числом кораблей, представлял возможность, несмотря на страшные укрепления, нанести чувствительный удар оттоманской столице и с помощью имеющихся у него десантных войск сделать нужные высадки...»

– Коль адмирал мрачен, значит, у нас с союзниками пасьянс не складывается! – сразу пошел слух по «Твердому».

К утру слух о неудачности проходящих переговоров стал достоянием всей эскадры. Настроение сразу упало. Прекратились радостные крики и на английских кораблях. Там тоже сработал «матросский телеграф» и британские моряки пребывали в таком же расстройстве, как и наши.

Слухи оказались верными. В своем дневнике Сенявин записал в тот день многозначительно: «...Упрашивал его всевозможно». Но все было напрасно.

– Я понимаю, что фактор внезапности теперь уже утрачен! – внушал Дукворту напоследок Сенявин. – Но мы можем сбросить небольшой десант на Галлиполийский полуостров. И пока он свяжет боем гарнизоны крепостей, мы совместно прорвемся к Константинополю! Англичанин в ответ на это лишь мотал головой, бубня одно и то же:

– Если британский флот не смог преуспеть в этом предприятии, то еще меньше надежды, что успех будет сопутствовать флоту любой иной нации! Пусть у нас будет даже полсотни кораблей, мы все равно ничего не сможем предпринять против Дарданелл!

Более того, Дукворт, казалось, вообще боялся иметь дело с русскими. На второй день переговоров он внезапно огоршил Сенявина:

– Я не только не пойду вместе с вами еще раз на Константинополь, но я вообще не останусь и нескольких дней подле этого проклятого пролива!

– Куда же вы пойдете? – не скрывая своего огорчения, спросил вконец расстроенный Сенявин.

– Вначале чиниться на Мальту, а потом в Египет!

– Но может быть, вы все же, сочтете возможным, оставить здесь хотя бы бомбардирские суда, которые вам в Египте совсем, ни к чему! Для нас это была бы весьма существенная поддержка! – предпринял последнюю попытку хоть как-то воздействовать на союзника российский главнокомандующий.

Тщетно!

– Я не намерен дробить силы своей эскадры, ибо не имею на то соответствующих инструкций! Ни один британский вымпел не останется более в Архипелаге! – был окончательный ответ Дукворта.

– Тогда мне не остается ничего кроме как пожелать вам удачи! – мрачно закончил разговор Сенявин.

Оба флагмана расстались более чем сухо, даже не подав друг другу руки на прощание.

Из дневников Павла Свинына: «Наконец Дукворт, после продолжительной переписки, начисто отказался от всякого вспоможения нам против Константинополя, а желал знать, что после сего адмирал намерен предпринять в Архипелаге? Сенявин уведомил его, что полагает нужным занять острова Тенедос, Лемнос и Тассо, как способные снабжать эскадру провизией, а сей последний и строевым лесом; и если обстоятельства позволят, то и Метелин; учредить непрерывное крейсерство у берегов азиатских, дабы прервать всякий подвоз из Архипелага

съестных припасов в Константинополь и у Дарданелл содержать сильную эскадру, могущую отразить турецкий флот, в случае его выхода...»

Утром следующего дня Дукворт снялся с якоря и взял курс на Александрию. Наши англичанам не салютовали. Британские матросы, что есть силы махали своими шляпами и кричали нашим «ура». Капитаны в том им не препятствовали.

– Свидание прошло без радости, проводы без печали! – бросил кто-то из офицеров вслед уходящим британским линкорам.

Из дневника офицера фрегата «Венус» лейтенанта Владимира Броневского: «Мы сначала удивлялись, что понудило английского адмирала, не дождавшись нашей эскадры, идти с малой силой к столице, но недоумение наше еще более увеличилось, когда на представление Сенявина оставить для подкрепления нашего флота 2 корабля и 2 бомбардирских судна, Дукворт 1-го марта объявил, что он имеет другое назначение, снялся и ушел и оставил нас одних. После сего адмирал пригласил капитанов на совет и, сообразив настоящие обстоятельства, положил взять Тенедос и содержать Константинополь в тесной блокаде. Бог нам помог, мы имели во всем успех, а англичане вместо того, чтобы быть с нами вместе у Дарданелл и освободить Дандиг, повезли войска свои в другую сторону и как в Буэнос-Айресе, так и в Египте разбиты были и не в чем успеха не имели».

Египетская авантюра Дукворта и сегодня замалчивается британскими историками. И не зря, ибо героического там было мало, зато глупости более чем достаточно!

Покинув Дарданеллы, Дукворт поспешил к Александрии, но вид ее укреплений испугал вице-адмирала, и он решил для начала захватить небольшую крепость Розетту неподалеку от средиземноморской столицы Египта. Крепость и город англичане заняли без всякого сопротивления, но дальше началось нечто невероятное. Как оказалось, турки специально заманили англичан в нескончаемый лабиринт кривых улиц и глухих заборов. Внезапно отовсюду начался яростный огонь. Солдаты метались и валялись замертво сотнями. Раненым местные мальчишки тут же ловко отрезали головы. Оставшиеся в живых бежали к берегу. Турки их преследовали, избивая нещадно. До своих кораблей удалось добраться очень немногим. Отомстив вероломному врагу яростной бомбардировкой, Дукворт покинул берега египетские. На сем его авантюра и закончилась. Командующего отозвали на расправу в Лондон, а эскадра ушла зализывать раны на Мальту.

* * *

В Петербурге расценили дарданельскую выходку Дукворта как самое заурядное предательство. Император Александр ограничился всего лишь одной фразой, однако прозвучала она публично и во всеуслышание, да еще на официальном приеме:

– Уменьшение морских сил у Дарданелл, благодаря неизвинительному поведению союзников (при этом царь многозначительно посмотрел на стоявшего неподалеку английского посла) ставит нашего Сенявина в положение весьма и весьма не легкое! Но мы справимся и без сбежавших союзников!

Посол, сразу же посерев лицом, отмолчался, да и что ему еще оставалось делать?

Горечь и недовольство российского монарха понять было можно. Совсем недавно он отправил в Константинополь своего агента полковника Поццо-ди-Борго с задачей склонить турок к окончанию войны и подписанию мирного договора. Ведя большую европейскую войну, Россия меньше всего желала воевать еще и с Высокой Портой. Но этого очень желал Наполеон.

Карл Осипович Поццо ди Борго

Что и говорить, а переговоры предстояли Поццо-ди-Борго не простые. Впрочем, надо отдать должное корсиканцу, обладая весьма незаурядными способностями, начал он их довольно умело. Однако едва в переговорах наметился небольшой положительный сдвиг, как Дарданельская авантюра англичан свела на нет все усилия Поццо-ди-Борго. Турки, ободрившись от своей неожиданной победы, и теперь ни о каких мирных переговорах не желали даже думать. Александр Первый был воспитанным человеком и хорошим политиком, а потому его оценка английского вклада в разрешение ситуации вокруг Турции была достаточно дипломатична. Иные же выражались в те дни в Петербурге примерно так:

– Ну и сволочь этот Дукворт! Заварил кашу, сам смылся, что последний негодяй, а мы расхлебывай!

– Что здесь нового! – пожимали плечами другие. – Англичанка, она завсегда нашему брату гадила!

Самому же Сеньявину император отправил письмо ободряющее: «...Я буду ожидать донесений ваших об успехе подвигов ваших противу Порты, не сомневаясь ни мало, что благоразумные предприятия ваши увенчаны будут совершенным успехом, и что тем подадите мне

новый случай изъять вам признательность мою, каковую приятно мне во всякое время оказывать вам по тем расположениям, с каковыми пребываю.»

После Дарданельского афронта ореол всемогущества британского флота как-то сразу померк. Солнце Трафальгарского триумфа закатилось, само собой. Особенно злорадствовали французы:

– Если уж турки разбили англичан, то, что будет с ними, когда за дело возьмемся мы!

Глава третья Штурм Тенедоса

20 января император Александр послал Сенявину извещение об официальном объявлении войны Турции. Одновременно морской министр Чичагов выслал и дополнительную инструкцию по проведению высадки десанта в Сан-Стефано. Это означало, что Средиземно-морской эскадре опять предписывалось форсировать Дарданеллы, но теперь уже без помощи англичан! Для этого для начала надлежало разгромить линейный турецкий флот в эскадренном бою, форсировать пролив и, захватив десантом в пригороде Константинополя пороховые погреба, создать угрозу турецкой столице.

Одновременно с посылкой инструкций Сенявину, Чичагов предписал командующему Черноморским флотом маркизу де Траверсе как можно скорее приготовить транспортную флотилию для перевозки двадцатитысячного десантного корпуса к Босфору, а также привести в полную готовность свой флот.

Иван Иванович де Траверсе

Спустя месяц де Траверсе донес, что Черноморский флот будет готов к боевым действиям к концу марта и транспорты смогут принять на борт семнадцать тысяч солдат. Командовать боевыми действиями флота командующий почему-то не собирался. Все боевые операции были поручены им контр-адмиралу Пустошкину. Согласно плану, Пустошкин должен был идти соединено с боевыми кораблями и транспортом к Босфору в первых числах апреля. Для прорыва предполагалось использовать момент, когда турецкий флот выйдет из Босфора в Черное море и будет удален от него. Для форсирования пролива надлежало воспользоваться туманом, мглой или, в крайнем случае, ночной темнотой. Первоначально линейные корабли должны были подавить огнем береговые батареи, а затем высадить часть десанта для овладения ими. В случае встречи с частью турецкого флота, надлежало немедленно встать на якорь, не доходя до него выше по течению, завершить высадку десанта и не подпускать к себе огнем. Десант, тем временем, должен был овладеть участком побережья Константинополя, где располагалось адмиралтейство, казармы и магазины с припасами. Основательно закрепившись там, далее предполагалось начать атаку всего остального города и принудить тем самым турок к переговорам о мире. Отдельно оговаривался вопрос о том, что во время операции Пустошкин должен был установить связь с эскадрой Сенявина и согласовывать с ним свои действия.

Разработанный план захвата Константинополя был весьма неплох и имел немалые шансы на успех. Турки никак не могли ожидать одновременного удара с двух сторон: со стороны Дарданелл и со стороны Босфора. К тому же главные силы их сухопутной армии к этому времени должны были уже уйти воевать на Дунай. Однако на деле все вышло совсем не так, как предполагалось, и виновником этому стал маркиз де Траверсе.

Уже весьма запущенный маркизом, но все еще хранящий старые ушаковские традиции, Черноморский флот был готов к своей главной исторической миссии – удару по Босфору. Все от командиров кораблей, до молодых рекрут горели желанием этого похода. На всем флоте был только один человек Босфорского похода не желавший – сам командующий. Для начала де Траверсе демонстративно отказался возглавить экспедицию и возложил ее выполнение на командующего эскадрой контр-адмирала Семена Пустошкина. Вскоре из Петербурга от Чичагова пришла подробнейшая инструкция относительно Босфорской экспедиции, но к этому времени де Траверсе решил, ни к какому Босфору не ходить.

Семён Афанасьевич Пустошкин

Это решение было принято в Одессе 12 февраля келейно между маркизом де Траверсе и герцогом Решелье, который был определен в командуящие десантным корпусом. В подписанном ими обоими письменном отказе, маркиз с герцогом напирали на то, что назначенный для овладения Константинополем 17-тысячный корпус в большинстве состоит из совершенно не способных к службе офицеров и рекрутских команд. При этом оба погоревали, что при столь сложных обстоятельствах они «не осмеливаются отваживать самую честь и славу целой России». Удивительная забота о русской чести и славе со стороны двух французских эмигрантов!

Императора Александра такое объяснение маркиза с герцогом вполне устроило, и более к вопросу Константинопольского десанта он уже не возвращался.

Чичагов же, поняв, что плетью обуха не перешибешь, написал маркизу новую инструкцию, в которой уже от Черноморского флота ничего более не требовал, как только нести крейсерскую и сторожевую службу.

В те дни командуящий Черноморской эскадрой Семен Пустошкин, храбрый и честный, искренне горевал:

– Ну почему же я не был послан к эскадре сенявинской! Там-то воюют по-настоящему, по-русски, а у нас тут, одно слово – прозябание маркизово!

Чтобы деятельный контр-адмирал не путался под ногами, де Траверсе спровадил его на Днестр, командовать тамошней флотилией. В несколько недель заменили рангоут, пополнили

запасы пороха и ядер. Борта своих суденышек Пустошкин велел красить в черный цвет, чтобы ночью воевать было сподручней!

Быстро приведя флотилию в надлежащий порядок, Пустошкин двинулся с ней к Аккерману, к которому в это время подступил со своим корпусом и герцог Ришелье. У Семена Пустошкина под началом было сорок четыре канонерские и бомбардирские лодки. Во главе них он и кинулся в атаку на Аккерман. Со стороны берега крепость отважно штурмовали армейцы. Те самые, о которых маркиз с герцогом говорили, как об неспособных к службе!

Не выдержав удара, Аккерман пал. Ахмет-паша, сдавая крепость Ришелье, признался:

– Не владеть вы вам Аккерманом, если бы не налетели эти черные вороны!

И показал рукой на канонерки Пустошкина.

Спустя несколько дней флотилия Семена Пустошкина уже входила в Дунайское гирло. Впереди ее ждала бомбардировка Измаила, Тульчи и Исакчи. Контр-адмирал Пустошкин явно повеселел:

– Теперь и мы, кажись, не хуже средиземноморских драться начали!

Впереди из туманной мути навстречу морякам выплывали неприступные бастионы Измаила.

* * *

Пока Европа судачила по поводу Дарданельской оплеухи британскому флоту, на «Твердом» сенявинские капитаны обсуждали вопрос о дальнейших действиях. После недолгих, но жарких дебатов решено было в проливы и к Константинополю из-за явного недостатка сил пока не соваться, а ограничиться тесной морской блокадой. Константинополь извечно снабжался морем, а потому блокада была бы серьезным ударом по туркам.

– Для надежной блокады нам, безусловно, нужен надежный порт! – заявил Сенявин.

– Конечно, нужен и как можно ближе! – поддержали его капитаны.

– Как ни крути, а надо брать Тенедос! Лучше его места для маневренной базы нам не сыскать! – объявил вице-адмирал. – Я поручаю вам, Алексей Самуилович предложить тене-досскому паше почетную капитуляцию!

Контр-адмирал Грейг, поднявшись, склонил голову. Подобное поручение всегда в российский флоте считалось особо почетным.

– Когда отправляться? – спросил Грейг чуть погодя.

– Немедля!

– Что делать в случае отказа?

– Ждать меня. Я подойду через пару суток!

Матросы как один желали драться:

– Пусть турки только высунут свой нос, уж мы с ними пощелкаемся!

Выбор Тенедоса был вовсе не случаен. Лучшей маневренной базы для флота, блокирующего Дарданеллы, найти было просто невозможно. Порт, город и крепость располагались всего лишь в каких-то двенадцати милях от входа в Дарданеллы. С острова прекрасно просматривался как сам пролив, так и подходы к нему. Владеющий Тенедосом, крепко держал в руках ключ от Дарданельских врат!

Алексей Самуилович Грейг

В тот же день младший флагман повел свой отряд к острову. Под началом Грейга были линейные корабли «Ретвизан», «Рафаил» и фрегат «Венус». Сам Сенявин с остальной частью эскадры взял курс к устью Дарданелл, поугаать турок и пресечь их возможные вылазки на помощь Тенедосу. Едва корабли Грейга бросили якоря у острова, как в прибрежный накат ушла шлюпка под белым переговорным флагом. Контр-адмирал предлагал местному паше, во избежание кровопролития, сдать крепость. Гарнизон Грейг обещал отпустить на все четыре стороны со знаменами, холодным оружием и всем домашним скарбом. Паша ответил категорическим отказом.

– Если мы недавно отвадили инглизов, то почему теперь не отвадим и московитов? – рассудил он весьма здраво. – Пусть они попробуют победить, а сдаться я всегда успею!

Тем временем Сенявин продемонстрировал в устье Дарданелл Андреевский флаг, а затем продефилировал, для пушей убедительности, несколько раз мимо береговых батарей.

– Кажется, турки пока вылезать из своей бутылки не собираются! – констатировал Сенявин, не заметив никакого движения в глубине пролива. – А жаль!

Оставив в дозоре «Селафаил» и «Скорый», он с остальной частью эскадры так же поспешил к Тенедосу. Еще на подходе к острову главнокомандующий сделал распоряжения относительно предстоящей высадки десанта.

У острова «Твердый» сошелся вплотную с «Ретвизаном».

– Давали ли ультиматум? – спросил Сенявин Грейга.

– Давали! – ответил тот.

– Что ответствовали?

– Желают драться!

– Ну, так пусть дерутся! – зло ударил кулаком по столу вице-адмирал и велел кораблям занимать назначенные им диспозицией места.

8 марта с первыми лучами солнца «Мощный», «Венус» с одним из греческих корсаров, подошли вплотную к берегу и открыли картечный огонь по турецким пикетам. Не выдержав огня, турки стали быстро отходить вглубь острова. С крепости начали перестрелку с «Рафаилом». Еще в Кронштадте Лукин, раскрасил свой корабль отлично от всех в одну широкую черную полосу. Теперь, завидев черный корабль, продвигающийся вдоль берега и непрерывно посылающий ядра, турки кричали:

– Каракурт! Каракурт! Черная смерть! Черная смерть!

Артиллеристы Лукина били отменно и «черный корабль» оправдывал данное ему имя.

Мичман Панафидин командовал шканечной батареей. Из-за малого калибра та почти в бою не участвовала, и мичману пришлось большей частью оставаться сторонним наблюдателем происходившего.

– Это было мое первое дело! – рассказывал впоследствии друзьям Панафидин. – И, хотя я почти не палил, но был так оглушен, что на другой день ничего не слышал, а шум в голове остался вообще надолго. Убитых у нас было двое, зато бедняга «Рафаил» получил более двадцати пробоин!

Из донесения об этом бое: «Корабль отвечал с совершенною исправностию, так что редкое ядро не причиняло вреда неприятелю.» Капитан 1 ранга Лукин свое дело знал отменно! Одновременно началась подготовка к высадке десанта. С тыльных бортов спустили шлюпки и баркасы, высадили в них морских солдат и стрелков – албанцев.

На «Твердом» вывесили сигнал: «Усилить огонь, сколько возможно». Теперь корабельные пушки ревели не переставая. Турки поначалу отвечали живо, но затем огонь их стал слабеть: то ли несли потери, то ли берегли порох. Заметив турецкое ослабление, Сенявин тут же скомандовал:

– Десант в шлюпки! Мой катер к трапу! Я поведу солдат сам!

Командир «Твердого» капитан 1 ранга Малеев попытался было отговорить командующего:

– Уж не ваше дело, Дмитрий Николаевич, с сабелькой по камням скакать! Другие у нас для того в избытке имеются!

Но Сенявин лишь отмахнулся:

– Оставьте, Даниил Иванович! Сколько мне еще в каюте киснуть, пора и кости размять!

В четверть часа были сбиты последние неприятельские пикеты. Оставшиеся в живых турки, гомоня, побежали в крепость.

Наконец от кораблей отвалили первые шлюпки с албанцами. Их задача высадиться на пляж и удержать сей плацдарм до подхода основных сил. Албанцы высадились на прибрежный песок беспрепятственно. Корабельная артиллерия им хорошо расчистила дорогу. За стрелками устремились шлюпки с регулярной пехотой. Едва достигнув берега, солдаты выскакивали на песок и кричали:

– Здорово, матушка дорога земля, будь сегодня к нам милостива!

Солдаты тут же строились в две колонны. Первую из девятьсот мушкетеров-козловцев возглавил полковник Подейский. Ему дадены были четыре полевые пушки. Колонна Подейского двинулась к крепости, обходя ее горами с левой стороны. При колонне Подейского находился контр-адмирал Грейг.

Вторую колонну принял старый черноморец храбрый полковник Буасель. У него шесть сотен морских солдат 2-го Морского полка, все сплошь ветераны, помнившие еще ушаковский штурм Корфу! Им приданы четыре пушки и шесть фальконетов. Как и подобает настоящим морским пехотинцам, Буасель со своими подчиненными двинулся к крепости вдоль берега.

Албанские стрелки и матросы-охотники наступали, двигаясь впереди колонн.

Вместе с морской пехотой шел Сенявин.

Обстреляв десант издали, турки боя не приняли, и отошли к самой крепости. Чиновник министерства иностранных дел Свиный, приписанный к эскадре писал в своих мемуариях: «Турки побежали в горы стремглав... наши с развернутыми знаменами и стройным фронтом – с громким «ура!» их преследовали быстро, производя беглый огонь.»

Первыми вышла к предкрепостным шанцам колонна Буаселя. Быстро подтащив на руках легкие орудия, морские пехотинцы внезапно в упор начали поражать засевших в окопах турок картечью. До штыка дело даже не дошло, так как неприятель бежал.

– Шанцы наши! – доложил Сенявину, расправив седые подусники, Буасель.

– Продолжайте в том же духе! – кивнул Сенявин. – Подождем вестей от Подейского.

Колонна полковника Подейского тем временем уже тоже подходила к крепости со стороны гор. Отделенный от колонны отряд майора Гедеонова сумел отсечь часть отходивших турок от крепости, и лихой атакой рассеял по окрестным горам.

Результат атаки Подейского был чрезвычайно важен. Дело в том, что Тенедосская крепость, построенная некогда генуэзцами, была устроена столь неудачно, что тенедосские горы буквально нависали над ней. А потом, у владеющий горами, имел возможность беспрепятственно обстреливать крепость. И вот теперь козловцы взбирались по горным тропам, чтобы оседлать стратегически важные высоты. Остальная часть колонны, тем временем, с криками «ура» ворвалась со своей стороны в предместье.

Уже объединившись, десант без всяких потерь занял все городское предместье. К ногам вице-адмирала бросили пять захваченных знамен.

– Для начала неплохо, но надо бы побольше! – кивнул, принесшим знамена солдатам, главнокомандующий.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство! – заверили те его в один голос. – Столько добудем, что еще вместо портянок ноги оборачивать станем!

После этого Сенявин велел штыковой атакой взять ретраншементы- окопы перед самой крепостью. Спустя какие-то минуты они так же были наши.

Свидетельствует участник десанта: «Меж тем передовая колонна показалась на возвышенности, которую приказано было занять ей, При виде ее турки побежали с горы стремглав; наши с развернутыми знаменами и стройным фронтом – с громким «ура»! Их преследовали быстро, производя беглый огонь. Прекрасное зрелище! Мы со своей стороны так же понемногу приближались к крепости и таким образом со всех сторон стеснили неприятеля. Наконец адмирал вышел вперед войск, закричал «ура»! Кинулись в штыки, и в несколько минут неприятель выгнан был из форштата, обращен в бегство и принужден запереться в крепости».

Турки бежали, причем столь панически, что, будучи не в силах одновременно пробиться, кидались от отчаяния в крепостной ров. Наши солдаты гнали бежавших до самых ворот, поражая штыками. После этого пала и «малая крепостица», прикрывавшая последние ретраншементы. Над ней поднял российский флаг мичман Салморан.

– Так врезали, что и не ойкнули! – смеялись солдаты, занимая окопы. В тенедосском десанте принял боевое крещение и Павел Свиный. Молодому дипломату не повезло. Вначале его уронили в воду переносившие на берег матросы. Затем Свиный попал под турецкие пули и вынужден был прятаться в кустах. Спасло его появление нашей колонны, к которой он и примкнул. Во главе колонны шел сам Сенявин. Завидев молодого дипломата, он приветливо кивнул:

– И вы здесь?

– А как же! – гордо отвечал Свинын, пытаясь на ходу вытрусить из дула пистолета промокший порох.

Рядом просвистело несколько пуль. Свинын невольно отшатнулся в сторону.

– Не стоит им кланяться! – обернулся главнокомандующий. – Тем более что свою пулю не услышишь!

Турки затворились в главной цитадели – форту Табия. Одновременно продолжались отдельные бои в предместье. Часть защитников, запершись в домах, отчаянно защищалась. Поэтому каждый такой дом приходилось брать штурмом. Чтобы избежать лишних потерь, Сенявин велел разбивать их пушками. Греки, наоборот, сразу же отворяли нашим ворота, встречая измученных солдат вином и холодной ключевой водой. Вскоре, видя, что всякое сопротивление напрасно, турки начали выбрасывать над домами белые флаги. К сдавшимся домам во избежание грабежей, немедленно выставлялись караулы. Для женщин по приказу Сенявина ставили отдельные палатки, где те могли находиться вне любопытствующих мужчин.

Тем временем с кораблей свезли несколько достаточно мощных корабельных орудий. Несмотря на всю трудность их доставки, на привезенные пушки Сенявин рассчитывал особо. Тяжелый калибр должен был проломить бреши в крепостных стенах, а остальное решал русский штык. Орудийные стволы, лафеты, ядра и порох матросы тащили на руках и волокушах.

– Наддай! – кричали на подъемах, когда и сил, казалось, уже не было. Вымотались ужасно, но зато туркам сюрприз приготовили изрядный! Уже после первых выстрелов в крепости поднялись черные столбы пожаров.

– Так они долго не продержаться! – резюмировали наши офицеры.

По тому, как редок стал ответный огонь, было очевидно, что турки сильно загрустили. Наши же били, не переставая, и спустя день над стенами тенебосской цитадели забелели флаги капитуляции.

– Ну вот, кажется и все! – бросил шпагу в ножны Сенявин. – Остров наш!

Письмо от Сенявина понесла в крепость одна из пленных турчанок по имени Фатима. В нем российский командующий писал, что обещает беспрепятственно отпустить турецкий гарнизон на Анатолийский берег. Наконец ворота крепости отворились и турки, бросая оружие и знамена, вышли наружу. Следом за ними двинулись и их многочисленные семейства.

История Фатимы, жены простого тенебосского ремесленника, заслуживает отдельного рассказа. Эта женщина сама подошла к Сенявину и вызвалась отнести письмо к паше в крепость, чтобы убедить его сдаться и спасти, тем самым, жизнь ее мужу. Вицеадмирал, как мог, отговаривал ее от этой опасной затеи, но женщина была непреклонна.

– Как жаль, что я не могу видеть вашего лица, скрытого покрывалом!

– сказал ей Сенявин. – Но я знаю, что оно, столь же прекрасно, как и ваш поступок!

Уходя Фатима, плача, упала на колени и положила своего маленького ребенка к ногам российского вице-адмирала со словами:

– Оставляю вам дитя, своим драгоценнейшим залогом! Если Аллаху будет угодно моей смерти, то не оставь его и будь ему покровителем и наставником!

Сенявин это обещал.

Тогда женщина встала с колен и твердым голосом попросила скорее проводить ее к крепости.

Сенявин, зная, что турки считают всех попавших в плен женщин обесчещенными и обычно убивают, был удивлен решительностью Фатимы. Немедленно было приказано прекратить всякую стрельбу. Когда Фатима вместе с трубачом подошли к воротам крепости, по ним было сделано несколько ружейных выстрелов, по счастью, не точных. Но и это не поколебало храбрую женщину. Передав письмо, она стала ждать ответа. Наконец на стене появился сам паша. Фатиму впустили в город. Расспросив женщину о том, почему она согласилась на столь

необычное дело и, выслушав, какое уважение ей оказал русский главнокомандующий, паша был весьма тронут ее рассказом. Тотчас он собрал совет, который и решил принять все предложенные Сенявиным условия. Затем комендант проводил Фатиму до ворот. Сбежавшиеся турки требовали смерти женщины, но паша остановил их:

– Я этого не допущу! Она не обесчещена! Русские оказали ей все возможное уважение! Если мы забьем эту женщину камнями, то, что подумают о нас христиане! Фатима пленница русского адмирала и потому должна невредимой возвратиться обратно!

Когда Фатима вернулась обратно, Сенявин с благодарностью передал ей сына. Бедная мать обхватила ребенка и разрыдалась. Турецкий парламентар, прибывший с ней, склонил голову перед Сенявиным:

– Благодарю пророка, что лично познал ваше снисхождение. Вы писали, что желаете отпустить нас со всем имуществом домой! Мы признаем себя побежденными и великодушием и силой вашей! Утвердите условия и крепость ваша!

Переговоры о сдаче цитадели вели прямо у крепостного рва. Едва закончили, турецкий комендант махнул рукой, и из приоткрытых ворот выскочило несколько негров с подносами. На подносах чашки с кофе и трубки с табаком. Не сходя с места, отпили из чашек, прикурили трубки и, оставшись довольные друг другом, разошлись. Одни, чтобы сложить оружие и спустить знамя, другие, чтобы оружие то принять и свое знамя над крепостью водрузить.

Под рокот барабанов в Тенедосскую цитадель вступил храбрый Козловский полк. Командир полка полковник Иван Федорович Подейский был назначен комендантом.

Во время перевоза турок с острова на материк Сенявин приказал, чтобы для перевозки женщин были оборудованы специальные суда с закрытым верхом, дабы никто не мог смущать нравственности турчанок.

Паша еще более растрогался:

– Я прекрасно знаю права победителей, как нелегко отказаться от стольких прелестных красавиц! А по тому даже не смел ходатайствовать об их освобождении, но теперь, когда вы сами их нам возвращаете, поверьте, что мы сумеем оценить ваше снисхождение и на деле доказать нашу благодарность!

Прощаясь с Фатимой, Сенявин щедро наградил женщину за ее подвиг.

Наши солдаты и радостные греки горожане немедленно поступили к тушению пожаров. Одновременно подсчитывались потери и трофеи. За время боев было потеряно четыре убитых (два из которых албанцы) и ранено восемь десятков человек. Захвачено же было восемьдесят пушек с большим количеством ядер и пороха. Но главное состояло в том, что с занятием Тенедоса российская эскадра приобрела прекрасную маневренную базу в самой близости от Дарданелл, и возможность постоянно и легко пополнять запасы свежей воды.

Тенедосского пашу Сенявин принял со всей возможной вежливостью. Они вместе отобедали прямо на расстрелянном персидском ковре. Поев и выпив, невольный гость благодарил хозяина за доброе отношение к себе. А когда Сенявин сказал, что отпускает пашу домой, тот растрогался до слез:

– Чем я могу отплатить вам за вашу доброту?

– Попробуйте облегчить участь офицеров и матросов с «Флоры»! – попросил турка Сенявин, до которого уже дошли слухи о судьбе команды потерпевшего крушение корвета.

Гарнизон, как изначально обещалось, вывезли рыбацкими фелюками на анатолийское побережье, где и отпустили на все четыре стороны. Сами же занялись срочным восстановлением крепости. Сенявин был доволен. Тенедос достался самой малой ценой, и теперь вицеадмирал был полновластным и единоличным владельцем всех северных эгейских вод. А затем был торжественный парад.

Из хроники взятия Тенедоса: «Полки прошли церемониальным маршем, совершенно молебствие Всевышнему Поборнику правды и при звуках пушек, труб и литавров провозгла-

шено долголетие великому царю русскому и подняты флаги на вновь завоеванной ему крепости».

Кончились праздники, начались будни. Перво-наперво, надо было восстановить частично разрушенные крепостные стены.

– Работать, ребята, на совесть! – внушали солдатам и матросам офицеры. – Нам еще сию фортецию от турок защищать придется!

В том, что турки рано или поздно, но обязательно предпримут попытку отбить и остров, и крепость, ни у кого сомнений не было. Тем временем со всех греческих островов и даже с материка к Тенедосу спешили суда и суденышки. То греки, прослышав о победоносном прибытии в Архипелаг русского флота, торопились заверить Сенявина в своей преданности и поддержки.

Всеобщее внимание привлекла огромная пушка, стоящая в крепостном дворе. Ствол ее был столь велик, что превышал знаменитую царь-пушку Московского кремля. Пушка не стреляла уже пару сотен лет, но ее держали, чтобы пугать врагов.

– Ведь это ж надо! – удивлялись наши, трогая нагретый за день металл. – Ни дать, ни взять: корова в дуло влезет!

Для лучшего обеспечения продовольствием Сенявин разрешил командирам кораблей выделять людей для работ на берегу. Командиры два раза повторять не заставили. Немедленно были отправлены на остров матросы и деньги, закуплены коровы и овцы. Чтобы стада не перемешались, на капитанском совете все поля и луга поделили между кораблями. Эти владения называли гордо дачами. Теперь повсюду было только и слышно:

– Вон там за холмом, где овечки пасутся, чья дача будет?

– То «Твердого»!

– А вон там, левее?

– Там дача Рафаильская!

Как всегда, к раздаче пирога не успели фрегатские. Пока «Венус» мотался в крейсерствах, все хорошие «дачки» поделили без него. Прибыв и узнав о несправедливости, приглашенный на традиционный капитанский обед, капитан-лейтенант Развозов обиделся не на шутку, даже есть отказался и рюмку от себя отодвинул:

– А где моя дачка будет, мы что рыжие? Я тоже коровок с овечками пасти хочу, и мясо с молоком на столе матросском иметь!

Командиры замаялись: и «венусцев» жалко обижать, но и своих «благоприобретенных» лугов тоже отдавать не хотелось. Развозов, видя отношение такое, надулся и вовсе.

– Я на обиду такую буду бумагу писать главнокомандующему! – встал, уходить собравшись.

– Ладно тебе! – махнул рукой Лукин. – Отрежу тебе от «Рафаиловой дачи» кусок! Не журысь!

– И мы тебе маленько дадим! – согласились, усовестившись, остальные. – А то ты со своей дурацкой бумагой к адмиралу полезешь, а он в сердцах, вообще все наши дачи разгонит!

– Вот это совсем иное дело! – сразу обрадовался Развозов, рюмочку в себя опрокинув и тарелку решительно пододвигая. – Как обоснуюсь, милости прошу к нам на «Венусскую дачу» в гости!

– Ты вначале обоснуйся, потом уж приглашай! – посоветовали ему, – А не то не ровен час снова в крейсерство загремишь!

После общего обеда командиры кораблей решили поехать посмотреть свои «владения». Отказался лишь Лукин, который торопился вернуться к себе на «Рафаил». Дело в том, что не далее, как вчера вечером, на корабле произошло чрезвычайное событие. «Рафаил» едва не повторил страшную судьбу британского «Аякса». Расследованием обстоятельств этого дела капитан 1 ранга сейчас и занимался.

Слово очевидца: «С нами едва не случилось несчастья. Капитан у нас ужинал; это продлило долее обыкновенного ужин и от того мы спаслись: почувствовали запах из констапельской, бросились из-за ужина туда, нашли там в каюте артиллерийского офицера черное белье, разные письменные бумаги и недокуренную трубку, которой огонь зажег белье и бумагу; все уже тлелось. Если бы ужин был ранее, офицеры разошлись бы спать; тогда огонь взял бы свою силу, а потушить его почти невозможно. Этот случай доказывает, что устав, написанный великим Петром, не совсем исполняется: ты знаешь, что курить трубку назначено место в кают-компании, а часовой у фитиля есть канонир, который не смел отказать своему лейтенанту. Как строго должно смотреть за огнем на корабле: нет бедствия ужаснее на море, как пожар. Разумеется, лейтенант был наказан, – этот офицер марал свой мундир; он даже был исключен из кампании...»

Особой популярностью среди офицерства пользовалась городская турецкая баня, офицеры в нее даже в очередь записывались, ибо всем места сразу не хватало. Ловкий грек быстро привел баню в порядок и имел с нее хорошие деньги. В мраморных залах журчали фонтаны. Здоровенный армянин клал очередного страдальца на скамью и неистово тер варежкой из грубой овечьей шерсти, не забывая поливать намыленной водой, затем сильными руками разминал тело и члены, снова мыл и снова разминал. А потому, выходящий из бани, чувствовал себя уже почти небожителем...

Помимо бани во всю восстанавливали батареи, магазины, сооружали и некое подобие адмиралтейства. Так уж устроен русский человек, что везде начинает он обживаться быстро и обстоятельно, обосновываясь серьезно и надолго.

Из дневника Владимира Броневского: «Прибытие Российского флота в архипелаг скоро сделалось известным. Начальники островов Идро, Специи и других ближайших с восторгом и редкою готовностью предложили свои услуги. По взятии Тенедоса, со всех прочих островов, независимые майноты, сулиоты, а потом жители Мореи и древней Аттики, предложили собрать корпус войск, словом вся Греция воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться от ига неволи, но адмирал, действуя осторожно, отклонил сие усердие до времени и даже турок, поселившихся в Архипелаге, которые малым числом своим не могли вредить грекам, оставил покойными и сим избавил христиан от ужасного мщения их жестоких властителей. В прокламации, изданной в Идро, жители Архипелага, объявлены принятыми под особое покровительство всероссийского императора, а порты на матером берегу, равно и острова Кандия, Негропонт, Метелин, Хио, Лемнос, Родос и Кипр, занятые турецкими гарнизонами, признаны неприятельскими».

На Тенедос зашел английский бриг «Бриттон». Англичане привезли хорошие и плохие известия. Хорошие об успехах наших войск в большой европейской войне в сражении при Прейсиш-Эйлау, плохие о захвате тунисским беем зашедших к нему в порт наших четырех торговых судов. Узнав об этом, Сенявин немедленно написал письмо Дукворту, прося его посодействовать в освобождении соотечественников.

Из записок Павла Свинына: «Приятные вести с севера придают более торжества празднествам нашим. Вчера пировали мы на корабле «Сильном» у Ивана Александровича Игнатьева, а сего дни на «Ретвизане» у Алексея Самойловича Грейга; с громкою музыкою и пушечной пальбою пили здоровье победителей: непритворная веселость, братское дружество заседали в собраниях наших – с сими чувствами пойдем на врага, в огонь и в воду за царя и честь русского флага! Опытном узнали, достоинство тенедосского вина, которое, по всей справедливости, почитается лучшим в Архипелаге; и если бы получше его делали, то не уступало бы ничем французскому Шато-Марго или Медоку...»

Уже ушел в устье пролива первый блокадный отряд. Инструктируя командиров, Сенявин велел как можно меньше стоять на якоре и как можно больше времени быть под парусами. Главные силы расположились между Тенедосом и анатолийским берегом, готовые в любой

момент придти на помощь. Теперь Дарданеллы были запечатаны крепко. В отчаянии турки, было, пытались использовать для сообщения расположенный северней пролива Саросский залив, но и эта их попытка была пресечена в корне, посылкой туда нескольких мелких судов. Не сразу, а исподволь в турецкой столице начались перебои с продуктами. Чем дальше, тем голод становился острее. Никто не мог и подумать, что русские столь быстро и эффективно смогут создать столь реальную угрозу турецкой столице.

Теперь предстоял второй акт разыгрываемой Сенявиным грандиозной драмы. Предстояло выманить в море и разбить турецкий флот. Для этого российскому главнокомандующему было необходимо придумать многоходовую комбинацию. Это было весьма нелегко, но это был его единственный шанс на решительную победу!

Первые же вести доставленные с дозорных кораблей вселяли уверенность, что пока все идет по плану. Раздосадованные потерей Тенедоса, турки подтянули свой флот к устью Дарданелл. И хотя пока их линейные корабли робко держались под защитой береговых батарей, было очевидно, что рано или поздно, но вылазку в открытое море сделать они все же попытаются. Теперь следовало сделать следующий ход, и Сенявин его сделал. Что бы еще больше вселить уверенность в сердце капудан-паши, он демонстративно отделил от эскадры и направил к Салоникам отряд контр-адмирала Грейга: «Ретвизан», «Венус» и один из каперов. Турок в буквальном смысле приглашали к нападению!

– Капудан-паша должен полностью увериться в нашей беспечности, а уверившись, высу- нуть нос из пролива. Тут-то мы его по этому носу и щелкнем! – говорил Сенявин штабным.

С Грейгом напросился идти и Свиныйн.

Вслед за ушедшими к Салоникам, еще один отряд кораблей столь же демонстративно был направлен к Смирне, а третий к Лесбосу.

– То теперь будем делать, Дмитрий Николаевич? – спрашивали Сенявина командиры кораблей.

– Только одно, – отвечал он им. – Ждать!

* * *

Отделившись от эскадры отряд контр-адмирала Грейга, взял курс на Салоники. Младшему флагману вменялось сей богатейший торговый город лишить сообщения с Архипелагом и с Константинополем. В походе к Салоникам был и иной резон. Дело в том, что в окрестных городу горах располагались селения христиан- епиратов, упорно не признававших турецкого владычества. Ежегодно более пятнадцати тысяч епиратских воинов спускались в долины, чтобы показать туркам, кто истинный хозяин на этой земле. Чтобы поддержать мир, салоникийский паша сам был вынужден платить горцам дань ружьями, порохом и свинцом. Пока в Салониках поддерживается подобие хрупкого мира, но что может произойти, когда к городу подойдут российские корабли и единоверные горцы-епираты увидят Андреевские флаги, не мог сказать никто!

Передовым в уходящем отряде резал форштевнем волну «Венус», за ним флагманский «Ретвизан». Греческий корсар держался на траверзе «Ретвизана». Но отойти далеко от Тенедоса сразу не удалось. Отряд вскоре по выходу попал в полосу полного безветрия. Паруса бес- сильно опали, и корабли заштилели неподалеку от знаменитой Афонской горы.

Не доходя несколько миль до Салоник, отряд бросил якорь.

– Сколько вытравлено каната? – запросил боцманскую команду Бронеvский.

– Пятнадцать саженей! – откликнулся боцман.

В шканечном журнале Бронеvский записал: «23 марта. Пять часов пополудни. Рейд Салони- к на траверзе реки. Отстояние от берега 7 верст. Отдан становой якорь-дагликс. Вытравлено каната 15 саженей».

Салоники с моря очень красивы. Бывшая столица Филиппа Македонского по-прежнему поражала великолепием.

Грейг со Свиным перебрались на корсарскую фелюгу, и отправились посмотреть крепостные укрепления поближе. Одновременно спустили гребные баркасы и захватили несколько турецких лодок.

Вернувшийся обратно Грейг отметил, что со стороны моря Салоники укреплены не слишком хорошо и вполне могли бы быть взяты десантом, что проживает в городе более ста тысяч жителей, а гарнизон его составляет пятнадцать тысяч янычар. На следующий день Грейг отправил в город парламентаря с требованием выдачи ему французской собственности и французов, как главных зачинщиков войны. Но паша ему в том отказал. Подойти ближе к городу оказалось столь затруднительно, что «Венус» выскочил даже на песчаную отмель. Через несколько часов фрегату удалось с нее сползти, однако, осторожный Грейг решил более попыток подойти к Салоникам не предпринимать. На следующий день задул сильный северный ветер, и отряду пришлось отойти еще мористее.

Из записок Павла Свинына: «...Путру адмирал (Грейг – В.Ш.) отправил мичмана Ламброса с лоцманом нашим, который хорошо разумел по-турецки к салоницкому паше с письмом. Не допуская к их городу за 200 сажен, им закричали с берега, что бы остановились; после чего подъехала к катеру нашему турецкая лодка и секретарь паши взял от Ламброса письмо, запретив ему приближаться к берегу, дабы не подвергнуться неистовствам черни... Ламбросу даны адмиралом Грейгом два сигнала: если хорошо его примут, то должен он был поднять одно весло. Когда же дурно, то два. Для вернейшего наблюдения и повторения сигналов на середину пути послан был другой катер с гардемаринном, и мы крайне удивлялись, что он не делал никакого нам сигнала. Через два часа подъехала к Ламбросу турецкая лодка с толмачом, который сказал, что в ответ на письмо адмирала паша, посоветовавшись с беями, приказал ему объявить, что «он служит султану, так как адмирал императору, что «янычары получают такое же жалование, как русские солдаты...» Из сего лаконичного ответа весьма легко было понять, что должно было нам употребить другие меры для убеждения, и адмирал Грейг приказал баркасами взять видимые у берегов лодки. На них намерен он поставить мортиры, дабы ночью почитать приятелей бомбами.

Приготовления наши приходили к концу, и не было сомнения, чтоб не увенчать его желаемым успехом в следующую ночь, как вдруг на рассвете подул сильный северный ветер, который по приказанию адмирала Сенявина, был нам знаком немедленного оставления предприятия нашего и поспешения к соединению с ним. С ветром сим могли выйти турки из Дарданелл. Итак, мы, оставив взятые нами лодки на якорях, подняли паруса и пошли. Что подумают в Салониках о нас? Как распишет нас французский консул? Ветер час от часу усиливается. Алексей Самойлович, боясь шторма, приказал бросить якорь при устье залива.

В одиннадцать часов корсар послан был взять в Скопле две турецкие лодки, нагруженные мукою. Что и было сделано... Благополучно соединились с флотом при Тенедосе. Я с сожалением расстался с Алексеем Самойловичем: беседа его приятна и поучительна. Можно сказать, что он примерный человек и начальник! Сословие офицеров на «Ретвизане» может так же без лести назваться избранным: кроме исправности, познаний по службе, каждый из них отличается вежливостью, приятностью в обращении; вот как хороший пример действует на молодых офицеров!»

Наши историки почему-то традиционно обходят салоницкий рейд стороной. И зря! Польза от этого, на первый взгляд неудачного рейда была не малая! Во-первых, появление русских кораблей настолько перепугало местных купцов, что они оставили всякую мысль о посылке судов с продовольствием не только в Константинополь, но вообще в какие бы, то, ни было порты Турции. Во-вторых, прознав о пришедших единоверцах, воспряли духом местные горцы, а воспрявши, возобновили свои нападения на турок. Все это привело к тому, что, когда

начались активные боевые действия на Дунае, вместо того чтобы отправить часть гарнизона на этот важнейший для Турции фронт, салоникский паша запросил себе подкреплений, в чем ему и не было отказано.

* * *

Война – есть война, а потому в нем помимо громких дел есть и каждодневные – негромкие. Из хроники боевых действий: «Ввечеру посланы были два баркаса и три вооруженных катера с албанцами и солдатами к анатолийскому берегу для взятия или истребления судов, там находящихся. Адмирал намерен удобные из них переделать в канонерские лодки. С корабля видна была перепалка; выстрелы вдали представлялись ракетами; четыре большие лодки были плодом сей экспедиции.

К вечеру пришло шесть корсаров. Многие из них привели богатые призы, а идриот Дука захватил турецкого фельдъегеря Чауша Селима, посланного в Кандию с фирманами.

Телеграф сделал сигнал, что у Дарданельского выхода остановилась турецкая эскадра, состоящая из 30 судов, из коих 6 кораблей, столько же фрегатов и на одном из них адмиральский флаг. Сенявин собрал тотчас военный совет: приняли меры, позицию, дана линия баталии...

Шел проливной дождь. Турецкий флот прибавил до 8 кораблей. Не можем понять, отчего турки на нас не выходят. Не имеют ли они в предмет удержать единственно все силы наши у Тенедоса, дабы мы не могли делать диверсий на острова. Кроме полного адмирала видны у них еще два вице-адмирала».

А турки все медлили и медлили с выходом своего флота. Чего им теперь не хватало для решимости, было совершенно не ясно! Может лазутчики попались недобросовестные, может корабли оказались не готовыми, может капудан-паша не поверил Сенявину, непонятно! Уже вернулся из-под Салоник Грейг, уже захватив немало торговых судов, пришел отряд из Смирны, а из Дарданелл так никто и не выглянул. Противники выжидали и стерегли друг друга. Но если Сенявина время не очень тревожило, то турок поджимал голод и вероятность городского бунта. Так долго продолжаться не могло, и что-то должно было неминуемо произойти, тем более, что наши лазутчики доносили: «Продовольственные запасы истощены и в столице уже чувствуется голод».

2 апреля у входа в Дарданеллы прошла очередная смена караула. «Рафаил» и «Ярослав» сменили «Мощный» и «Венус». Для удобства легли на якорь в восьми верстах от пролива у маленького каменистого островка Маври, чтобы наливать там по потребности водой. Вахты сменялись вахтами, а море оставалось пустынным. Турки упорно не желали выбираться из своей норы.

Дни шли за днями. К стоящим у Тенедоса главным силам подошли еще два линкора с Адриатики. Сенявин, сколько мог, наращивал свои силы, готовясь к решающей схватке за Проливы. Дозорные корабли все так же уныло качались в дремотных волнах, а турки все так же не показывались. С каждым днем уменьшался и без того скудный обеденный рацион.

– Вот уж не думали, что на войне такая скучища будет! – шептались промеж себя мичманы.

– Подождите малость! Еще так порезвитесь, что чертям тошно станет! – утешали их умудренные службой и жизнью лейтенанты. Меж тем наступило время Пасхи самого любимого праздника православного мира. Ночь выпала тихая и темная. В полночь эскадра украсилась разноцветными фонарями. Пушка с «Твердого» возвестила о начатии ночного бдения. Палубы были загодя очищены для молящихся. Тысячи офицеров, матросов и солдат, стоя с зажженными свечами в руках, в молчании слушая пение церковных хоров и глядя на крестный ход на

шкафутах своих кораблей. Вот, наконец, священники, возглавляющие ход, спустились к ним по трапу, словно вестники Неба и произнесли извечное:

– Христос Воскресе!

Тысячи голосов повторяло эти дорогие всем слова вслед за ними и слова, которые тонули в громе орудийных залпов.

Затем эскадра разговлялась и между стоящими на якорях кораблями и судами было полным-полно шлюпок, ибо все ездили друг к другу в гости.

Из воспоминаний Володи Броневского: «Офицерский запас уже давно истощился, морской провизии матрозам выдавали так же скупую рукою; надеялись что-нибудь достать на Имбро; но я возвратился оттуда по пословице: ездил ни про что, привез ничего. В полночь, на праздник Пасхи, слушали заутреню, любовались пальбою со флота и Тенедосской крепости и сами, при громе артиллерии, обнялись, похристосовались по-братски, поздравили друг друга с великим праздником, а разговелись черным размоченным сухарем. Не привыкнув в такой день столь строго поститься, хотя мы шутили, но не долго; скоро все разошлись по каютам философствовать, предаваться романтическим мечтаниям, один лег спать, другой пел заунывные песни. Матрозы также сбивались с ладу, прохаживались на шканцах в новых мундирах, вспоминали, как в России в сие время уже все веселы и так же шутили с горем пополам. К вечеру с флота виден был идущий баркас; оный пристал к нашему борту, наполненный баранами, бочонками вина, корзинами яиц и зелени. Какая радость! Адмирал вспомнил о нас и, уделив из своего запаса, прислал нам разговеться. Подарку этому мы так обрадовались, что тотчас развели на кухне огонь, часто посылали торопить поваров и, наконец, в полночь сели обедать. На рассвете и матросы разговелись: начались игры и песни, все были довольны, забыли прошедшее и с большим удовольствием наслаждались настоящим».

На Пасху зашевелились и турки. Тревожный телеграф поднял спозаранку отдыхающие команды:

– Турецкий флот снимается с якоря!

Известие было встречено всеобщим «ура». Все рвались в бой.

– Вот и подарочек нам к Христову дню! – радовались офицеры и матросы.

Турецкие суда начали мелькать в устье пролива, однако проверив, что русские стоят на старом месте и бдительности не потеряли.

С берега на русскую эскадру приехала посмотреть группа всадников. Половина из них были европейцами. Последние долго глядели в зрительные трубы, пока с эскадры не дали по ним несколько ядер. После этого всадники скрылись за холмами.

– Так быстро отъехали, что и познакомиться не успели! – смеялись меж собой наши.

Эскадра жила своей повседневной жизнью. Павел Свинын, квартировавший к тому времени на «Твердом», писал об этом так: «Так как свита адмирала состоит из всякого рода чиновников, то на корабле нашем теперь более 50 офицеров, сверх того беспрестанно приезжают офицеры со всего флота, то за приказами, то за справками, то за узнанием нового, ибо «Твердый» есть центр властей и столица новостей. Первый шаг в кают-компанию нашу должен, полагая я, поразить удивлением всякого, сколько разнообразием костюмов, не менее контрастами занятий и упражнений. Здесь на шести столах бьются в карты; там разыгрывают квартет; здесь спорят за шашками; в уголке собралась компания друзей и с сигаркою во рту и чашкою чая в руках один рассказывает другому, что бывало или будет. В другом углу, поджав ноги, сидят греки с длинными чубуками и в огромных шапках. Подле них на рундуке на коленях качается турка Чуаш Селим, перехваченный с депешами. Посредине вальсируют, там бренчат на фортепиано и гитаре или охотник до театра декламирует трагическую сцену из «Самозванца», одним словом – всякий молодец на свой образец. В то же время беспрестанно входят и выходят люди странной одежды, необыкновенных физиономий: черногорцы, сулиоты, албанцы, морские, военные, статские и проч. Между тем на палубе составляются различные хоры русских

певцов. Солдаты спорят с матрозами в искусстве и превосходстве голосов. Я всегда любил русские песни, но нигде может быть, они не поются так хорошо, как на флоте и нигде не делают такого впечатления... Когда в полночь все успокоится на корабле, когда покажется из-за облаков уголок бледной луны, я люблю выйти на ют и, прислонясь к бизань-мачте, слушать тихую гармонию русских песен...»

16 апреля, наконец, к всеобщей радости дозорного отряда, произошла смена авангарда и на смену «Мощному» с «Венусом» пришли «Уриил» со «Скорым». Блокада Дарданелл продолжалась.

Глава четвертая На крейсерах

Предмесья Константинополя на редкость красивы. Повсюду цветут абрикосовые и гранатовые сады. Олеандры и кипарисы радуют глаз своей необычностью. Да и сам воздух наполнен ароматами южной природы. Через каждую сотню метров на обочинах дорог выстроены красивые черно-мраморные фонтаны, украшенные назидательными изречениями из Корана. Но, увы, до всех этих красот русским пленникам не было никакого дела. Команда погибшей «Флоры» терзалась неизвестностью, что же ожидает их дальше?

На последнем привале у стен столицы начальник конвоя Юсуф-ага, оставив своих пленников, поспешил к великому визирю, чтобы узнать, что делать с русскими дальше.

– Вы передайте визирю, что мы оказались в ваших владениях еще до объявления войны! – говорил начальнику конвоя командир «Флоры» Кологривов. – А потому по всем законам не можем считаться военнопленными. Нас можно лишь интернировать!

– Чего-чего? – не понял Юсуф-ага. – Мы здесь не знаем, как там у вас у неверных, но у нас пленники все!

– Не забудьте передать о нашем прибытии российскому послу! Он вас отблагодарит за это! – крикнул уже вдогон уезжающему турку капитан-лейтенант.

Вести, с которыми вернулся Юсуф-ага, были неутешительны. Буквально за несколько дней до прихода пленников в Константинополь турецкую столицу покинул со всем составом посольства посол Италийский. Теперь покровительства и защиты ждать было уже не от кого.

– Теперь вас всех отправят в тюрьму! – с притворным участием сообщил Юсуф-ага. – А янычары ограбят вас до полной наготы! Поэтому самое лучшее будет для вас отдать мне все имеемые при вас деньги и вещи. Через три дня я вам все верну в сохранности!

Кологривов сдержанно поблагодарил конвойного агу за «заботу», извинился, что ни он, ни его люди ничего сдать на хранение не могут, так как давным-давно уже ограблены до последней нитки его же конвоем.

Вскоре появились и янычары. В сравнении с ними мародеры Юсуф-аги были сущими агнцами. Бритоголовые и бородатые, с закрученными усами и в высоченных островерхих турбанах, янычары были настроены зверски. Держа в левой руке обнаженные ятаганы, правой они вели пленников по одному за воротник. Бедного судового доктора Гейзлера, который, несмотря на все издевательства и побои так и не снял своей знамени той треуголки, вели сразу семеро. Янычары, глянув на докторскую шляпу, так же решили, что ее обладатель является самым опасным из пленников. Обросшие и грязные, босые, в рубищах вместо одежды, моряки едва волочили ноги, пинаемые злорадными слугами ислама. Сами же янычары шествовали с такой гордостью, словно это именно они в жесточайшей схватке пленили столь большое количество неверных.

Улицы города были битком забиты народом. На пленных москвитов (зрелище само по себе в Турции весьма нечастое) собрались поглазеть все от мала до велика. В моряков турки по своему всегдашнему обычаю плевались и бросались камнями, то и дело кидались бить палками. Каждый старался превзойти остальных в своей показной ненависти, а значит и в своей любви к султану. Хуже всех здесь опять же пришлось несчастному доктору, которого из-за его шляпы лупили больше чем остальных.

– Да выкиньте вы ее к такой-то матери! – кричали доктору все от командира до последнего матроса. – На кой ляд она вам сдалась! Забьют же!

Но упрямый Гейзлер стоически оставался верным любимой шляпе. Наконец, пленников привели к дворцу великого визиря. Последний тоже не отказал себе в удовольствии поглядеть на униженных пленников. Выйдя на балкон, он, оглядев моряков, а затем, подав какой-то знак

взмахом платка, удалился. Пленных тотчас погнали куда-то по улицам дальше. Доведя до пристани, посадили в баржи и переправили на азиатский берег в Галату.

Команду «Флоры» ждала самая страшная из всех турецких тюрем – каторжный двор Банье. В зловонной и жуткой Банье издавна содержались самые страшные преступники, почти все с отрубленными руками и отрезанными языками. Исхода из Банье не было ни для кого. Одни погибали там от ран и болезней, других добивала стража.

На входе в тюремный двор наших перековали попарно в кандалы. Перековывали наскоро, без чинов и званий. Кологринов был закован одной цепью с одним из матросов, а бедолага доктор с марсовым Сидоренко. Захлопнулись за спиной моряков тяжелые кованые ворота, и темная зловонная бездна поглотила всех и вся.

Едва глаза новоприбывших немного привыкли к темноте, как внезапно до них со всех сторон донеслись радостные крики:

– Братцы, да это же наши! Российские! Флотские! Родимые! Да откель же вас так много?

Из всех углов бездонной темницы, гремя кандалами, к морякам потянулись такие же, как и они, горемыки. То были захваченные в плен на фуражировке драгуны и казаки-донцы с черноморцами. Новоприбывшие осмотрелись. Свет в чрево темницы проникал лишь сквозь два маленьких слуховых окна под потолком. Нары с поленьями вместо подушек, два крана с водой для питья и медными кувшинами на цепях, вот, пожалуй, и все убранство знаменитой Банье. В одном из углов тюрьмы висела маленькая иконка Спасителя, в другом противоположной углу располагалось отхожее место, вычищаемое раз в несколько недель.

Много крови портил узникам и начальник тюрьмы Мехмед, сам бывший в прошлом преступник. Когда-то Мехмед, служил и в турецком флоте, попал в крушение на Черном море. Единственного спасшегося из всей команды, его подобрала русские моряки и доставили в Севастополь. Так Мехмеда приютили и обогрели, спасли от горячки, а по выздоровлении, при одев и дав денег на дорогу, отправили с попутным судном в Константинополь. Вернувшись, Мехмед совершил какое-то преступление и был приговорен к смерти на колу. Его уже посадили на острие кола, когда доставили фирман о помиловании. Жить Мехмед остался, однако сидение на колу даром не прошло, и теперь он все время ковылял на костылях. Непонятно по какой причине, но русских пленников колченогий Мехмед ненавидел особо, стараясь доставить им как можно больше неприятностей и трудностей.

– Кепек гяур москов! Неверная русская собака! – кричал он всякий раз, входя в тюрьму, и бросался со злостью бить ближайшего к нему русского пленника.

Потянулись бесконечные и однообразные дни заключения без воздуха и света, без пищи и известий о происходящем в мире. Рядом с тюрьмой располагалась крохотная православная церковь, поставленная когда-то по настоянию императрицы Екатерины. В ней по воскресеньям совершал богослужение под бдительным оком стражи греческий монах. Единственным утешением пленников был спасенный ими еще во время кораблекрушения судовой пес по кличке Колдунчик, прошедший с командой «Флоры» весь путь до Константинополя. К собаке турки отнеслись, как не странно, с уважением, стараясь даже по возможности обойти ее стороной, чтобы случайно не потревожить собачий сон. К людям они относились совершенно иначе.

Каждое утро пленников будили и пересчитывали. Затем давали по сухарю и несколько ложек плова. За эти жалкие крохи почти всегда вспыхивали ожесточенные драки, нередко заканчивавшиеся чей-то смертью. Местные уголовники, давно потерявшие всякое человеческое обличье, готовы были вцепиться в горло любому за корку прогорклого хлеба. После этого часть людей гнали на работы в адмиралтейство, остальные же оставались под запором. Периодически всех пленников выводили во двор и перед ними казнили кого-нибудь из местных преступников.

– Ишь, страсть-то какая! – крестились наши. – Кровь льют, что водицу!

На ночь ворота запирались массивными железными засовами и ее неусыпно стерегли вооруженные стражники. Кроме стражей ворот вокруг тюрьмы ходил еще и внешний караул – «обходные». Каждый час он подходил к тюремным воротам, при этом «обходные», что есть мочи, лупили в барабаны, и вопили:

– Все ли благополучно?

– Эйч! Хорошо! – орали им в ответ внутренние стражники.

– Инш-Аллах! Слава Богу! – кричали они уже все вместе и затем обходные продолжали свой прерванный путь вдоль тюремных стен.

Спустя некоторое время положение офицеров «Флоры» случайно облегчил мичман Иван Сафонов, сам того не ведая. Любя живопись, он однажды жестами попросил одного из стражников принести ему бумаги и красок. Стражник просьбу выполнил, и мичман в один день нарисовал морской пейзаж, который стража тут же преподнесла начальнику тюрьмы Мехмеду. Рисунок тому очень понравился и Мехмед сразу же велел мичману нарисовать для него морской бой.

– Баталия, так баталия! – пожал плечами Ваня Сафонов и тут же нарисовал несколько картин, где турецкий корабль топил сразу целую кучу французских.

Успех новых произведений был поистине потрясающ. Не искушенные в тонкостях большой политики, кто и против кого ныне воюет, турки собирались толпами у сафоновских картин, радовались нарисованным победам и цокали языками. В награду за эти картины по настоянию автора офицеров прекратили выводить на изнурительные адмиралтейские работы, а с самим автором заказчики отныне расплачивались хлебом и бараниной, которые тут же делили поровну на всю команду. Теперь Сафонов рисовал еще более жуткие полотна, на которых храбрый турецкий корабль топил одновременно уже не менее полутора десятков врагов. Спрос на его произведения был небывалый.

Однажды где-то в конце апреля команду «Флоры» неожиданно вывели на тюремный двор. Какой-то толстый и хмурый турок долго и придиричиво осматривал пленников, а затем стал топтать ногами и кричать на оробевшего и что-то невнятно бормотавшего Мехмеда. Как оказалось, прибывшего привел в ярость изнуренный вид русских моряков. Однако причина недовольства вовсе не крылась в заботе о пленных. Покричав, турок отобрал из всей команды «Флоры» одиннадцать более-менее здоровых матросов. Отобранных тут же отделили от остальных и, окружив охранниками, куда-то увели.

– Не поминайте лихом! – кричали, уходящие в неизвестность. – Авось еще когда-нибудь да свидимся!

– Прощайте, братцы! – отвечали им, остававшиеся.

Куда и зачем они были забраны матросы «Флоры», стало известным лишь многим позднее.

Многим позднее стало известно и то, что Сенявин окольными путями, но все же нашел возможность как-то помочь своим попавшим в беду подчиненным. Через датского посла в Порте барона Гипша он добился выдачи пленникам ежемесячного жалования в 32 копейки офицерам и 16 копеек матросам. Однако моряки этих денег так и не увидели. Все присвоил себе уже известный нам Мехмед. Так же поступал начальник тюрьмы и с той провизией, которую регулярно передавал в тюрьму греческий патриарх. Единственный раз смилостивился Мехмед, когда на Пасху за изрядную взятку разрешил передать пленникам корзину пасхальных яиц.

А голод и болезни давали себя знать все больше и больше. В одну из ночей умер матрос Сергей Сухинин. Лишь спустя сутки турки расковали покойника от еще живого товарища.

Освидетельствование же смерти вообще выглядело ужасно. Вначале стражники долго били умершего в живот ногами, прислушиваясь, не застонет ли? Затем вбили кувалдой в

рот палку и только после этого, удостоверившись в том, что никакого обмана нет, выбросили покойника в Босфор.

Кологривов, как мог, поддерживал дух своих сотоварищей. Верные корабельному братству офицеры и матросы старались держаться вместе. Давным-давно ушли в прошлое все различия: какая разница, кто ты в тюрьме дворянин, мещанин или бывший крепостной? Перед страданиями и лишениями равны все! И теперь не редкостью были картины, когда вконец отчаявшиеся молоденькие мичмана плакали на плече у старых выдавших виды матросов и те успокаивали их, словно малых детей. К сплоченной команде «Флоры» постепенно прибились пленные драгуны и казаки, а за ними и все бывшие в тюрьме христиане. Неофициальным командиром над всеми стал опять же Всеволод Кологривов, решавший теперь не только свои внутрикомандные вопросы, но выступавший судьей во всех возникающих спорах. Постепенно к словам командира корвета начал прислушиваться даже злобный Мехмед. Поутихли сами собой, пребывавшие в тюрьме местные бандиты и разбойники, норовившие первое время вырвать у русских пленников лишний кусок хлеба и горсть риса. С помощью своих матросов, Кологривов установил в Банье относительный внутренний порядок, и справедливое распределение пищи, чего никогда не было за долгие столетия существования тюремного двора. Но, как бы, то ни было, а тюрьма все же оставалась тюрьмой, а плен пленом...

* * *

После смены с дозора у входа в Дарданеллы «Венусу» особо расслабиться не дали. Нужда в мощном и быстроходном фрегате у Сенявина всегда была велика. На этот раз Развозову было поручено «пощупать» залив Сарос, что располагался севернее Дарданельского полуострова. По сведениям лазутчиков, после начала блокады пролива, отныне именно туда турки направляли свои торговые суда с египетским зерном. Где-то на берегу залива располагался огромный хлебный магазин.

– Задача ваша важна чрезвычайно! – объявил Развозову Сенявин. – Если диверсия получится, то возможен бунт в Константинополе, последствия которого предсказать сегодня не возьмется никто!

В помощь Развозову был дан греческий капер с многозначительным названием «Курьер Архипелажский» капитана Кириако Скурти.

Едва добрались до залива – сразу удача два тяжело груженных судна. Обоих взяли без выстрела. С берега пытались палить, но ядра бухались в воду, не пролетая и половины дистанции до «Венуса». Оглядев Сарос, повернули было обратно, как раздался срывающийся крик впередсмотрящего с салинга:

– Слева под берегом две соколевы!

Глянули. Точно! Еще два груженных судна ошвартованы у берега. Подле них толпа турок размахивает ятаганами, грозятся защищать свое добро. Развозов прикинул ситуацию. К берегу «Венусу» соваться опасно. Карты нет и можно вылезть на камни. Крикнул на капер капитану Кириако:

– Атакуй, а я прикрою!

Два раза греческим мореходам повторять было не надо. «Курьер Архипелажский» тотчас подвернул на ветер и на всех парусах устремился прямо к берегу. Наши закрестились, куда его несет! Но капитан Кириако Скурти дело свое знал. У самого берега он лихо развернулся и, проходя вплотную к стоящим соколевам, дал по ним полновесный залп картечью, часть ядер перелетело суда, и накрыла беснующуюся толпу. Этого хватило вполне, и турки бросились врассыпную. Уменьшив ход, греки спустили шлюпку с призовой партией и та, пристав к ближней соколеве, взяла ее на абордаж. Спустя какие-то полчаса захваченное судно было уже в открытом море.

– Bravo, Кириако! – кричали с фрегата капитану капера наши офицеры.

Тот важно раскланивался, довольный таким почетом на глазах у своей команды. Пленные, взятые на соколеве, подтвердили, что на берегу находится главный магазин султана, где пекут хлеб для армии, а затем показали, где тот находится.

– Теперь приступаем к самому главному! – тут же решил Развозов. – Если есть хлеба, то остаемся отобедать! Ко мне Броневского!

– Прибыл по приказанию! – приоткрыл дверь командирской каюты лейтенант.

Развозов в общих чертах объяснил суть дела. Проинструктировал, как лучше действовать. Особо отметил, чтобы лейтенант берег людей и не лез в большую драку. Представил грека – проводника, знающего берег и местоположение магазина.

На палубе уже строили команду и выкликали охотников. С кормы спускали шлюпку.

Рядом с лейтенантом на банке примостился пожилой канонир. В руках он бережно держал большой сверток. В свертке кремень и кресало, трут, пропитанные маслом тряпки, быстрый и медленный фитиль, синие ракеты-шутихи – все, что необходимо для поджога. Броневский мельком глянул в лицо канонира, и ему сразу же стало спокойно. От канонира веяло спокойствием и надежностью. Перехватив взгляд лейтенанта, канонир улыбнулся:

– Справимся, ваше благородие, не впервой!

Рядом и любимец Броневского молодой боцманмат Егор Трофимов, преданный и отчаянный.

– Весла на воду! – скомандовал Броневский почему-то шепотом. – Отваливай!

Первый гребок лишь пробороzdил воду, второй толкнул шлюпку вперед и, наконец, третий устремил ее вперед.

Десант был столь стремителен и внезапен, что Броневский нашел берег совершенно пустым. Турки никак не ожидали появления здесь русского фрегата.

– Живее! Живее! – торопил лейтенант. – Дорога каждая минута!

Первыми лейтенант с проводником, за ними канонир с боцманматом, следом матросы с ружьями наперевес и тесаками за поясом.

Добежали до магазина – огромного сарая, заваленного грудami зерна и штабелями мешков с мукой. Там тоже было пусто. Несколько охранников пытались было защищать казенное добро, но их быстро разогнали выстрелами в воздух. В это время вторая шлюпка захватила еще одну, стоявшую под берегом, соколеву.

– Готовь поджог! – крикнул лейтенант старику канониру.

Тот вместо ответа лишь кивнул головой. Развязав свой пакет, канонир обстоятельно готовился к выполнению возложенного на него дела.

Матросы тем временем быстро забросали соколеву мешками с хлебом.

– Ваше благородие! Никак турки к нам торопятся! – окликнул Броневского боцманмат и показал рукой в сторону, уходящей за холмы дороги, над которой клубилась пыль.

– Никак конница! – присвистнул Трофимов. – Да еще сколько! Будет из нас сейчас одна капуста!

– Опомнились, злодеи! – в сердцах топнул ногой Броневский и, обернувшись, крикнул матросам, тащившим на плечах очередные мешки с хлебом. – Уходим!

Матросы на окрик шагу прибавили, но ноши своей не бросили.

– Поджигай! – обернулся лейтенант к канониру.

Тот невозмутимо хмыкнул:

– Не извольте волноваться, ваше благородие! Еще чуток осталось! Надо чтоб полыхнуло, так уж полыхнуло!

Рядом со своими зажигательными принадлежностями канонир приладил несколько мешочков с порохом.

– Уж коли зажжется, так басурманам ни в жисть не погасить! – сказал и фитиль подпал. – Вот теперь, кажется, порядок!

– Бежим и мы! – крикнул Броневский, и они побежали.

Всадники уже свернули с дороги к берегу и теперь неслись во весь карьер, размахивая кривыми саблями.

За спиной рвануло, в спину ударило, а потом еще и обдало жаром – это взорвало хлебный магазин. Но оглядываться времени не было, надо было как можно скорее уносить ноги. Бежали так, что сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Часть турок повернуло к пожарищу, остальные ж продолжили преследование. Однако их пыл был остановлен ружейной пальбой, уже успевших добежать до шлюпки матросов. А затем над головой лейтенанта и канонира что-то звонко свистнуло. Это уже поддержал своих огнем «Венус».

Наконец и шлюпка. Гребцы уже на веслах. Володя, переваливаясь через борт, выдохнул: – Отваливаем!

Последними старик канонир и боцманмат Трофимов. В шлюпку их втащили на руках. Боцманмат тут же принялся заряжать ружье, а старик все никак не мог отдышаться.

– С измательства столь шибко не бегал! – говорил, как оправдывался.

– Ничего, главное, что костер твой горит, кажется, на славу! – махнул рукой Броневский.

С берега запоздало принялись палить из ружей и пистолей, но пули уже не долетали. Спустя четверть часа лейтенант с матросами были уже на «Венусе».

– Магазин подожжен! Все люди в целости! – доложил он Развозову.

– Вижу! – кивнул тот. – Славно сработали! Тебе спасибо, а остальным по лишней чарке!

Со стороны берега поднимался огромный столб черного дыма, то сгорал с таким трудом добытый султаном хлеб для Константинополя и воюющей армии, вместе с ним сгорала и его надежда на успешный исход блокады.

Результаты не заставили себя ждать уже на следующий день. Уничтожения хлебных припасов породила среди турок панический слух, что это только цветочки, а ягодки тоже не за горами: в Дарданеллах готовится высадка сотысячной армии русских, англичан, греков и славян. Немедленно взбунтовались пять тысяч албанцев-наемников. Запершись в одной из крепостей, они отразили несколько приступов янычар, а затем, заклепав пушки, прорвались в горы, предавая огню и мечу все, что попадалось на пути. Начались волнения в самом Константинополе. Вначале толпы голодной черни просто кричали на улицах, посылая проклятья визирю и султану, а затем бросились громить лавки. Селим Третий попытался усмирить бунт, но это не удалось. Янычары отказались резать обывателей, а, вынеся свои огромные медные котлы на площади, начали лупить в них колотушками. Они требовали бараньей похлебки, которой у султана не было.

Результат рейда «Венуса» в Саросский залив явился последней каплей, переполнившей чашу терпения турок. Теперь у Селима Третьего оставалась лишь последняя надежда – успех своего флота в противоборстве с российским.

А трудяга «Венус», тем временем, отправив призовые суда к Тенедосу, ушел уже в очередное крейсерство. На этот раз курс был проложен вдоль Румелийского берега, чтобы навести погром к югу от Пролива. Успех сопутствовал нашим морякам и там.

Если бы Володе Броневскому тогда кто-нибудь сказал, что результатом его лихого десанта в заливе Сарос станет скорое генеральное сражение, которого так ждали наши моряки и последующее свержение турецкого султана, он бы только рассмеялся в ответ. Что ж, пусть он и дальше пребывает в своем счастливом неведении...

Лениво катились эгейские волны, на которых мерно покачивались сонные чайки. «Венус», распустив марсели, уходил все дальше и дальше в открытое море. Корабельная рында пробила полную склянку. К концу подошла очередная вахта. Развернув, завернутый в клеенку

шканечный журнал и прикрывая его от летящих брызг, мичман Бронеvский сделал итоговую запись: «Обошед кругом Сароский залив и отправив призовые суда в Тенедос, пошли к W вдоль Румелийского берега. За мысом Енио у города Нино видно было устье реки. На мелководье и под крепостью 30 лодок, на коии невозможно напасть. Однако вернуvшимся корсером взято 2 лодки. В то ж время фрегат, пройдя близь берега и обстреляв крепость, направился к островам...»

В это время, устав ждать выхода турецкого флота (да, когда же они вылезут-то, в конце концов, проклятые!), Сенявин решил на еще одну демонстрацию. Контр-адмирал Грейг был послан с «Рафаилом», «Селафаилом» и «Еленой» к острову Метелино.

– Может хоть теперь, увидя нас в малом числе, решились на нас напасть! – посвятил главнокомандующий в свои планы младшего флагмана.

– Хорошо бы! – согласился Грейг. – Дай Бог, чтобы хотя бы этот экспедицион имел успех, а то некоторые уже начинают отчаиваться!

– Нам и вправду очень нужна победа, ведь на европейском театре сейчас драка кровавая! – пожал руку Сенявин на прощание.

Увы, и этот отвлекающий маневр успеха не принес. Спустя несколько дней Грейг возвратился к Тенедосу. Единственно, что удалось узнать, так только то, что турки спешно выезжают с архипелагских островов на материк. Эгейское море отдавалось российскому флоту без боя! Но в главном было кисло: флот султана оставался недвижим.

– Приросли они там ко дну своими киями что ли! – ругались наши, до боли в глазах, вглядываясь в дарданельские теснины.

Там же было по-прежнему пустынно. Лишь хлесткий норд-ост гнал к берегу нескончаемую вереницу волн, чтоб затем вдребезги разбить их о скалы.

* * *

К острову Святого Евстафия «Венус» подходил в сопровождении двух каперов, старого «Курьера» и нового, именуемого «Иридой». На этот раз капитан-лейтенант Развозов имел кроме обычной задачи по закупке продовольствия еще одно секретное и чрезвычайно важное поручение, о последствиях которого Сенявин сказал так:

– Ежели все удастся, как задумано, то не миновать в столице турецкой бунта!

Едва подошли к острову, на фрегат приехал шлюпкой местный греческий староста. Договорились быстро и сразу ударили по рукам. Получив от Развозова, деньги староста обещал в тот же день отправить на Тенедос сотню баранов, зелень и вино, сколько успеет собрать.

Не теряя времени, отряд двинулся дальше к видневшемуся на горизонте острову Скиро. Отослав оба капера на перехват возможных турецких судов (одного к Негропонту, второго к острову Тино), Развозов велел лечь в дрейф. Вдалеке среди зелени на берегу виднелись какие-то развалины. Большого, сколько не старались, разглядеть ничего не смогли. Офицеры собрались на шканцах.

– Ну что у нас здесь, господин учитель, связано с древней Элладой? – обратились они к всезнающему Бронеvскому. – Просвети нас! Твой выход, Владимир!

– С огромным удовольствием! – отозвался тот и вышел на середину. – Сей остров Скиро весьма в древности был известен. Прежде всего, здесь родился знаменитый философ Ферекид. Именно здесь вместе с дочерьми царя Никомеда воспитывался в женском платье Ахилл и именно на Скиросе, наконец, умер Тезей!

– Что ж, для одного острова знаменитостей более чем предостаточно! – согласились собравшиеся. – Тем более что ныне его посетил еще и наш ученый муж господин Бронеvский с сотоварищи! Поодаль что есть силы, прислушивались к разговору офицеров вахтенные матросы. После сдачи вахты они непременно, как смогут, перескажут то, что слышали об острове,

кое-что прибавят и от себя. А потому уже к вечеру весь фрегат будет знать, что на тутошнем острове жил когда-то грамотей Ферапонт, помер некий Тимофей, а какой-то Охул (ну и имечко, прости господи!) и вовсе бегал в женском платье!

– Отдан правый якорь-дагликс! Взял хорошо! – доложил на шканцы боцман. – Канату вытравлено двадцать сажень!

– Каков грунт? – запросил вахтенный лейтенант лотовых.

Те, вытащив лотовую гирию, оглядели смазанное салом донышко.

– Грунт ил! – доложили.

– Ваше благородие! – подбежал к Броневскому рассыльный. – Вас к себе требует господин капитан!

Развозов сидел в кресле. Мундир был расстегнут. Командир явно отдыхал после сытного обеда. Рукой показал мичману на стул.

– Надо высадить на берег партию! Ты во главе! – сказал он, когда Броневский присел на край стула. – Впрочем, все как всегда!

– Готов! – коротко мотнул головой лейтенант, в горле его сразу стало до противного сухо. – Когда высаживаться?

– Немедля! На берегу вас должны встретить греки-проводники. Если нарветесь на турецкий отряд сразу же отходите к шлюпке, а мы вас прикроем пушками. Геройствовать не надо и людей береги. Где-то здесь, помнится, обитали твои любимые Ахилл с Тезеем, так что места почти знакомые!

Поднявшийся на шканцы, Развозов разглядывал в трубу прибрежные холмы. Броневский сбегал переодеться в походное платье, за шпагой и пистолетами.

– Найдешь греческих старейшин, договорись о закупке продовольствия. – Крикнул вдогон старший офицер.

– Разрешите с вами! – вынырнул из люка верный Трофимов.

– Давай!

– Весла в уключины! – скомандовал, спрыгнув в шлюпку Броневский.

– Куды плывем? – поинтересовались гребцы, весла в уключины вставляя.

– На могилу к Тезею! – натужно рассмеялся им в ответ мичман, хотя шутить в этот момент ему нисколько не хотелось.

Матросы переглянулись: может, шутит, а может и блажь барская, поди, разбери!

– Весла на воду! – велел лейтенант.

Из дневника Владимира Броневского: «Тихое утро, день прекраснейший. Вокруг нас не видно было никакого селения, но зелень лесов, растущих на небольших возвышенностях, луга и поля, манили выйти на берег. Сев в шлюпку и приближаясь к берегу, заметили мы, что вода на глубине 6 сажен сделалась прозрачна как стекло. Там на чистейшем песке дна плавали тысячи многообразных полипов, морских ежей, звезд, коньков и всякого рода рыб, столь прелестно испещренных, каких нельзя, и вообразить в нашем климате. Кажется, будто рукою можно достать растения, плавающие в глубине, но по точном исследовании, он лежали на дне. Но что меня более удивило, то это были играющие на поверхности моря рыбы. Семь довольно больших гонялись за стаею малых, делали различные обороты, и некоторые имели сходство с маневрами войск и эволюциями флота».

Шлюпка мягко ткнулась носом в песчаный пляж.

– Двое остаются, остальные за мной! – скомандовал лейтенант.

Едва моряки двинулись вглубь острова, как навстречу им уже показались греки. Обменялись рукопожатием. Броневский перво-наперво поинтересовался: есть ли на острове турки?

– Нет! Нет! – замахали руками греки. – Все уехали!

Вскоре прибыл и старшина острова, который сразу же согласился в течение двух-трех дней доставить к фрегату скот и провизию.

В ожидании Развозов велел поставить прямо на пляже палатки и, разделив команду фрегата на две смены, поочередно отправлял их на берег отдыхать. Там же на пляже матросы быстро из балласта соорудили баню и затем уж топили ее круглые сутки непрерывно. А то, как же! Русскому человеку ведь без бани просто погибель! Пока одни парились, другие ловили рыбу, а третьи, с ружьями стреляли дичь в ближайших лесах. Неудачников не было. Добычи было столько, что ее могли дотащить до шлюпок. Все время возле палаточного лагеря толпились и греки, приходившие со всех селений посмотреть на русских единоверцев. Вместе пили сладкое виноградное вино, закусывая его пшеничными лепешками с жареной рыбой.

Володя Броневский, между делом, все же успел поискать место погребения Тезея. Верный Трофимов, чтобы не мешать Броневскому остаться наедине с его думами, деликатно отошел в сторонку. Могилу лейтенант не нашел, однако, обнаружил развалины древнего Скироса: куски мрамора, глубокие ямы, кусты терновника, черепки битой посуды, куски амфор. До самой темноты бродил в одиночестве Владимир среди запустения былой жизни, читал вслух Гомера и представлял, как жили его любимые герои.

Наконец, греки пригнали семь десятков быков и почти полтысячи баранов. Началась погрузка. Намучились страшно. Быки, понимая, что ничего хорошего их впереди не ждет, как один отказывались лезть в шлюпки, ревели и брыкались. Каждого из строптивцев приходилось вязать и затаскивать на руках.

– Ничего! Ничего! – подбадривали уставших матросов седые унтера.

– Зато опосля не солонину жевать будете, а говядинку да баранинку! Ради такого харча можно и попотеть малость!

Впрочем, матросы новым пассажирам были несказанно рады. Уж больно напоминали они о такой родной и далекой деревенской жизни! А потому весьма скоро каждый завел себе собственных любимчиков, которым норовил сунуть при случае лишний пук сена, а то и собственный кусок хлеба.

– Кушайте сердешные! Кто знает сколь вам еще отмерено!

7 мая «Венус» снялся с якоря и, лавируя к норду при переменном тихом ветре, взял курс на Тенедос. Уже на подходе к острову увидели спешащую на пересечку греческую рыбачью лодку, с которой отчаянно махали руками. Когда сблизились, греки уведомили, что турецкий флот вышел из Дарданелл на бой с русскими моряками.

– Ура! – обрадовались офицеры «Венуса». – Теперь уж повоюем!

Развозов, не разделяя их восторга, критически окинул взором полностью заполненную ревущими быками и блеющими баранами фрегатскую палубу. Тут не то что воевать, а добраться до пушек невозможно!

– Сейчас мы не воины, а пастухи, потому для начала доставим на место наших подопечных, затем уж и о войне подумаем! – рассудил он, как всегда здраво.

Поставив все возможные паруса, «Венус» устремился к Тенедосу, чтобы, избавившись от докучливого груза, успеть присоединиться к выходящему на решающую битву флоту.

Глава пятая

Битва при Дарданеллах

Захват Сенявиным Тенедоса вызвало самую нервную реакцию в Париже. Министр иностранных дел князь Беневентский Талейран докладывал Наполеону:

– Сир! Взятие острова русскими и быстрое продвижение сербов навстречу армии генерала Михельсона говорят о бедственном положении турок!

– Похоже, русские, как обычно, забьют пробкой Дарданеллы, и заставят Селима сожрать собственных собак! – согласился император. – Султану следует помогать, пока он, пав духом, не замирился с русскими!

Но пока Наполеон строил далеко идущие планы, Сенявин действовал. Не успели еще в тенедосской цитадели загасить пожары, как отряд Грейга уже рванул на всех парусах к сирийским берегам и Смирне. Смирна – главный поставщик хлеба в турецкую столицу. С нее решили, и начать погром на морских путях Высокой Порты.

В течение последующих двух месяцев Андреевские флаги замелькали по всему Архипелагу. Отныне Константинополь был наглухо отрезан от своей главной египетской житницы. Уничтожение «Венусом» главного продовольственного магазина поставило население турецкой столицы на грань голодной смерти. Понимая, что вот-вот начнется бунт, Селим решается на крайнюю меру: отправить свой линейный флот навстречу русским, чтобы одержав победу, открыть морские пути. На площадях и улицах Константинополя глашатаи во весь голос кричали:

– Потрясатель Вселенной, вождь и надежда всех правоверных, Великий падишах и повелитель, собрав сок своей мудрости, повелел сжечь флот гяуров и накормить свой верный народ! От грома его пушек расколется небо, и пучина навсегда поглотит ладьи нечестивых москвитов. Терпите правоверные, ибо ждать осталось совсем недолго!

– Хлеба! Хлеба! – неистово вопила толпа.

– Вон уже идут по проливу корабли султана, чтобы добыть ему победу и славу, а вам сытую жизнь! Смотрите те, кто не верит, и молитесь, те, кто верит! – успокаивали голодных глашатаи.

Люди оборачивались к Золотому Рогу. Мимо них в гордом безмолвии проплывали, ошестившиеся орудиями, гигантские линкоры, один вид которых внушал ужас. Во главе флота капудан-паша Сеид-Али. Когда-то Сеид-Али был одним из самых удачливых алжирских пиратов. Затем он успешно дрался со знаменитым греческим корсаром Ламбро Качиони и безуспешно со знаменитым Ушак-пашой, что не помешало ему получить громкий титул: «ужас океанов и лев львов». И вот теперь «ужас океанов» должен был на деле доказать свою преданность султану.

Проводив взором уходящие к Дарданеллам корабли, люди в безмолвии расходились: может и вправду ждать хлеба осталось уже недолго. На все ведь воля Аллаха! Да и кто выстоит против столь великого султанского флота!

Тем временем в салоне флагмана российской эскадры «Твердого» на капитанском совете рассуждали трезво:

– Дарданельская победа над англичанами турок, несомненно, окрылила, наша же блокада проливов и вовсе вывела из равновесия. А потому со дня на день следует ждать выхода линейного флота неприятеля!

– Готовиться к баталии генеральной! – подвел итог совету Сенявин. Прошло лишь два дня и с дозорного «Мощного» доложили тревожное:

– Турки вышли из пролива!

– Наконец-то! Дождались-таки, светлого денечка! – обрадовались все от седых капитанов 1 ранга до мальчишек-юнг.

– Сколько? – потребовал уточнения Сенявин. – Может это всего лишь частная вылазка!

– Нет! – заверил главнокомандующего телеграф. – Турки вылезли все! Флот их стоит на якорях выше острова Маври к Анатолийскому берегу.

– Ну, тогда с Богом! – перекрестился вице-адмирал на икону Святого Николы Мерлекийского, что висела в красном углу салона. – Будет, видать, нынче у нас драка знатная!

К этому времени из Дарданельского пролива уже вытянулся весь турецкий флот: восемь линейных кораблей, столько же фрегатов и более шести десятков прочей мелочи. Над 120-пушечным «Мессудие» развевался кроваво-красный флаг капудан-паши. Турки правили прямо на Тенедос. Наши, тем временем, держались между Тенедосом и островом Имбросом, готовясь к неотвратимой встрече, и стремясь отрезать туркам отход к Дарданеллам. Сенявин был уверен, что турки даже с большими силами не смогут быстро овладеть Тенедосом, а потому незамедлительно вступил под паруса и, обойдя Тенедос по южную сторону, взял курс на остров Имбро, чтобы там подождать турок.

– Пусть вылезут подальше от пролива! – объяснял он свой маневр командирам кораблей. – Пусть кинутся на Тенедос. Он для них сейчас как наживка. Если нынешней нордовый ветер будет дуть, хотя бы еще сутки, что для этого времени ожидаемо, мы непременно выйдем неприятелю на ветер, отрежем его от норы Дарданельской и принудим к битве, коей он столь страшиться! Там уж турку никуда не деться!

– Нам бы только на выстрел сойтись, а там и щепок не оставим! Дай то Бог, чтобы затея ваша получилась! – крестились командиры, по своим линкорам разъезжаясь.

Как зачастую бывает, в планы внезапно внесла свои коррективы погода. На море пал полный штиль. Штурмана немедленно вынесли на верхнюю палубу и прикрепили к вантам особые флюгера, связанные из легких птичьих перьев, прозванные на флоте колдунами. При едва приметном ветре «колдуны» поднимаются вверх, и по ним легко усматривается перемена силы ветра. Когда это происходит, штурмана начинают негромко посвистывать, призывая ветрила. Способ вызова еще дедовский, зато верный. Однако на этот раз флюгера, даже, несмотря на молодецкий штурманский посвист упорно не хотели поднимать свои перья.

Затем ветер все же пришел, но, как назло, самый противный, дующий прямо в нос кораблям. Все это задержало эскадру у скалистого Имброса на двое суток. Затем был жестокий дождь со шквалом и дождем. Кончился шквал, но тут же задул норд-остовый ветер так же мешавший задуманному маневру.

8 мая, когда Сенявин все еще вынужденно лавировал у Имбро, турки внезапно высадили десант на Тенедос в четырех верстах от крепости. Чтобы помешать им к месту высадки из крепости устремился майор Гедеонов с двумя ротами солдат и четырьмя пушками. Вместе с солдатами к месту сражения кинулись и греки. Боясь опоздать, бежали что есть силы, но, слава Богу, успели. После первой перестрелки турецкий отряд отступил, переправившись на небольшой скалистый островок неподалеку от Тенедоса. Но настоящий бой за Тенедос еще только начинался. К берегу подошли турецкие линейные корабли и открыли яростный огонь. Вслед за ними появились гребные суда и начали палить картечью.

– Прятаться за камнями! Без команды не стрелять и не высовываться! – распорядился Гадеонов, глядя, как вокруг скачут по скалам ядра и картечины.

Под прикрытием огня на берег высадился, куда более крупный, чем в первый раз, отряд. Но едва турецкое воинство достигло берега, а корабли, боясь поразить своих, прекратили пальбу, Гадеонов, оценив ситуацию, скомандовал:

– В штыки!

Очевидец того славного для русского оружия боя пишет: «Турки не могли выдержать такого натиску, и, не имея места к отступлению, бросались в воду и на лодки; новые толпы

заступали их место и имели ту же участь. Высадкою располагали французские офицеры; три раза под защитой канонерских лодок турки выходили на берег и не взирая на решительность и мужество в великом беспорядке, наконец, отступили и отплыли к Анатолийскому берегу. Жители тенедосские и греки других островов, по случаю бывшие тогда в городе, показали в сем случае храбрость и отважность похвальную. Турок убитых на берегу сочтено 200 человек, 30 выбросило морем, сверх того потонуло две лодки с людьми. А как при каждом их отступлении, поражаему они были картечью из 4-х пушек, то вся потеря их должна простираться до 300 человек. С нашей стороны, по выгодному положению, коим люди были укрыты от картечных выстрелов неприятельской флотилии, потеря состояла только в 5 раненных солдатах и 4 греках».

Глядя на спешно уходящие в море переполненные турками лодки, майор Геденов вытер платком мокрое от пота лицо:

– Кажется, сегодня урок преподан хороший! Будем надеяться, что его хватит надолго!

В мутной дали едва-едва угадывались расплывчатые белые пятна, то эскадра вице-адмирала Сенявина, в изматывающей лавировке, спешила на пересечку отходящему турецкому флоту. Удастся ли настичь противника или все старания и труды опять пойдут насмарку? Ответа на этот важный для всех вопрос оставалось ждать уже совсем не долго.

* * *

Только 10 мая задул, более-менее, попутный норд-вест. Корабли сразу же прибавили хода. Штурмана не разгибались над картами:

– Кажется, успеваем! – докладывали они командирам, перепроверив по несколько раз свои расчеты.

Те, лишь молча кивали в ответ, неотрывно оглядывая в окуляры зрительных труб мглистый горизонт: неужели вправду успеваем? Наконец вдали показался турецкий флот.

– Ура! – разнеслось, в какой уже раз, над палубами российских кораблей при известии появлении врага.

Непосвященным, наверное, было бы более чем странно слышать столь всеобщее проявление восторга при виде неприятеля, но непосвященных на эскадре не было.

– Турки на ветре! – профессионально немногословно констатировали офицеры на наших кораблях. – Их Аллах сегодня пока явно за них. Теперь следует ждать атаки!

Но Сеид-Али, несмотря на все свои выгоды, явно не был расположен атаковать гяуров.

– Что ж, – пожал плечами Сенявин, – Если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету! Дадим неприятелю возможность идти к Тенедосу и тем самымотрежем его от пролива. Затем выйдем на ветер и будем уничтожать!

Энергичной лавировкой наши вышли на ветер и начали энергично сближаться. А вскоре после полудня задул и вовсе попутный зюйд-вест. Над «Твердым» подняли сигнал: «Приготовиться к походу как возможно скорее». Не успели исполнить его, на фалах флагмана новая россыпь разноцветных флагов: «Построиться в линию баталии». Вот где сказались долгие месяцы сенявинских тренировок! Не прошло и получаса, как вся эскадра в ордере баталии уже мчалась навстречу турецкому флоту. Выстроиться, к этому времени толком не успели, но ждать было нельзя, надо было спешить в бой! Первым «Селафаил», вслед за ним все никак не мог войти в кильватер «Твердый».

Немного в стороне от главных сил пенил воду старик «Венус», который все же успел к решающей схватке. Капитан-лейтенант Развозов имел от главнокомандующего на сегодня особое поручение: возглавить флотилию мелких судов, атаковать и добивать турок, как только тому представится возможность. Вдоль берега скакали тучи конницы, всадники с визгом и криками размахивали кривыми саблями.

– На траверзе деревня Жуас! – докладывал Бронеvский. – Слева видны подводные камни!

Развозов молча кивнул и оглянулся. Позади, воздеv все возможные паруса, мчался навстречу брани весь российский Средиземноморской флот.

– А не уйдут они у нас, на сей раз! Чем угодно клянусь, что не уйдут!

– в азарте ударил он кулаком со всей силы о планширь. – Будет им сегодня веселуха с песнями да плясками!

Некоторое время оба флота держались вдалеке друг от друга. Наши были в невыгодном положении под ветром, а турки все никак не могли решиться на атаку. Но вот ближе к полудню от неприятельского флота отделились два судна и на всех парусах устремились к российскому флоту.

– Это что еще такое? – заволновались на наших кораблях. – Неужто, брандеры?

На перехват неизвестных судов был немедленно отряжен «Венус». По сигналу с «Твердого» фрегат вступил под паруса и вскоре уже сошелся с судами на голосовую дистанцию. Оба судна оказались австрийскими купцами, которые воспользовались выходом турецкого флота для того чтобы покинуть Константинополь. Шкипера просили Развозова отпустить их в Триест.

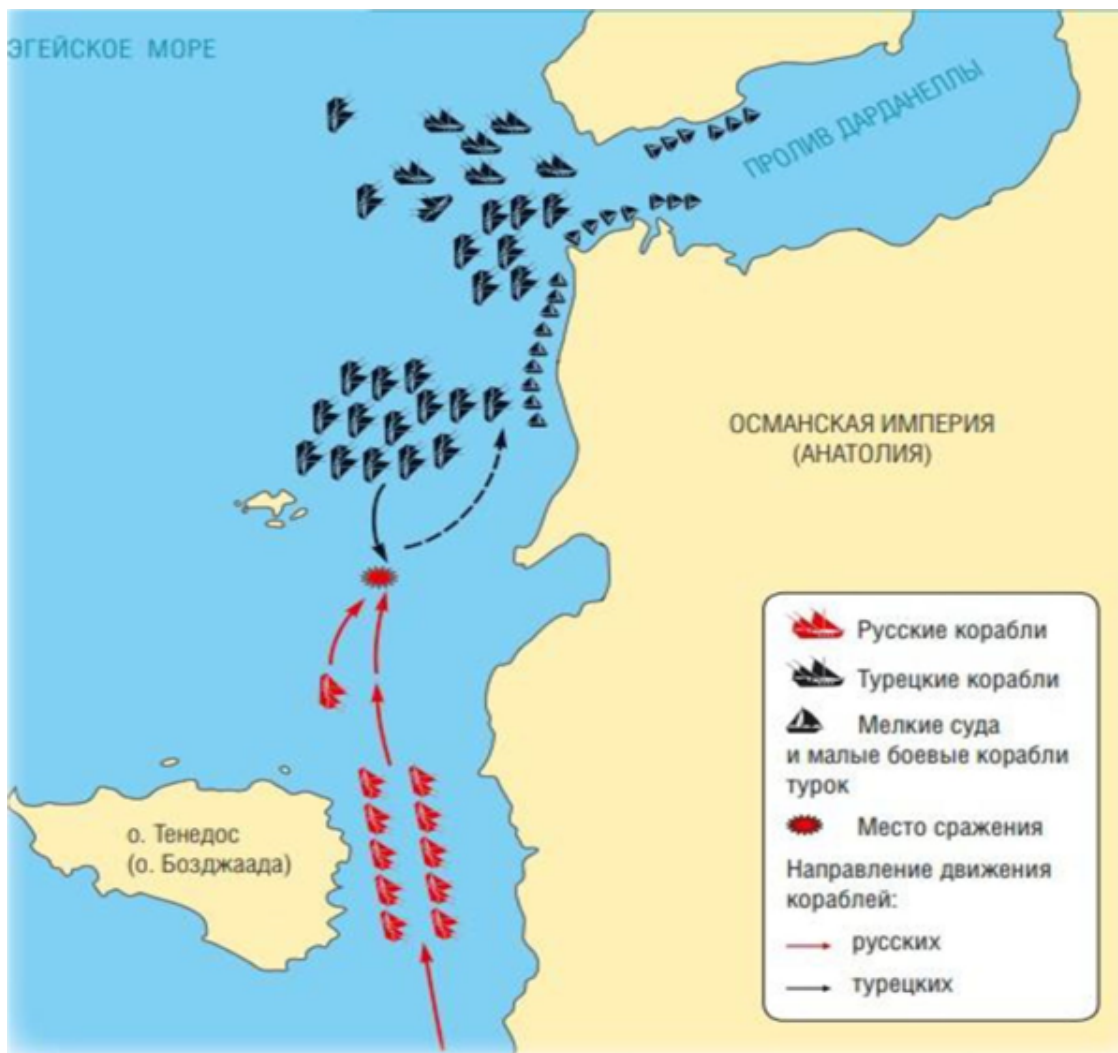
– Следуйте к кораблю под вице-адмиральским флагом! – единственно, что мог, посоветовал им Развозов.

Времени на разговоры с австрийцами у него не было. Не было времени на это и у Сенявина, а потому купцы сразу же были отпущены в столь желанный им Триест.

После полудня в два часа к всеобщей радости ветер поменялся на зюйд-вест, С «Твердого» ударила пушка: «Продолжить движение».

Участник сражения пишет: «Радость, надежда сразиться с турками была общая на всем флоте; не думали об опасностях предстоящей битвы, боялись только штиля и перемены ветра. В полчаса все корабли были уже под парусами и в ордере баталии. Мы ожидали, что турки, не осмелившись атаковать нас, примут нападение наше стоя на якоре; но они тоже снялись, потом их пять кораблей близь крепостей бросили якорь, и снова, обрубив канаты, вступили под паруса, весь флот их направил путь в Дарданеллы».

– Быстрее! Быстрее! – торопил Сеид-Али своих капитанов. – Нам надо успеть добраться до Дарданелл раньше, чем гяуры доберутся до нас!

Сражение при Дарданеллах

Но и Сенявин не терял времени даром. Новый сигнал: «Нести все возможные паруса и атаковать неприятеля». И русские корабли вновь полностью покрылись белыми облаками парусов. Сразу было прибавились и пенные буруны у форштевней, но спустя какое-то время снова упали. Ветер, словно издеваясь, то стихал, то снова появлялся. Лишь к шести пополудни задул хороший и устойчивый вест, но и турки к тому времени давно развернули корабли для бегства в пролив.

– Подвела нас погода, подвела, – сетовал на ветер командир «Твердого» Даниил Малеев. – Теперь уж и день скоро кончается, да и турки непременно будут жаться к своим береговым батареям!

– Атаковать станем все одно! – сказал, как отрезал Сенявин.

Из воспоминаний участника сражения: «Легкие корабли пошли вперед, но ветер начал стихать, наконец, переменялся, подул от W и довольно свежий. Турецкая эскадра поспешала на всех парусах войти в Дарданеллы, ветер им в том весьма способствовал. Хотя в узком месте пролива не можно было надеяться, чем-нибудь овладеть, но храбрый наш адмирал решился дать им удар при дверях самих крепостей».

День уже начинал клониться к вечеру. Турки отходили в беспорядке. Один из их линкоров, замешкавшись, поотстал в стороне и на его перехват немедленно бросился вездесущий «Венус». Подойдя под корму отставшему линкору, он точно разрядил в него свои пушки. Так начался бой, вошедший в историю как Дарданельский.

Тем временем, передовые «Ретвизан», «Рафаил» и «Селафаил», вырвавшись вперед, уже настигали основные силы турок. И если «Ретвизан» с «Рафаилом» наносили удар по концевым турецким кораблям, то капитан 2 ранга Рожнов, стоя на шканцах «Селафаила» уверенно держал на 120-пушечный «Мессудие».

– Правьте злодею под корму! – велел Рожнов своим рулевым. – Покажем капудан-паше, почем у нас рупь с полтиной!

Сзади в гудении тугих парусов его нагонял флагманский «Твердый». В восемнадцать с четвертью пополудни грянул, наконец-то, первый полновесный залп. То разрядил свои пушки в корму вице-адмиральского турецкого корабля «Ретвизан». Над кораблем трепетал контр-адмиральский флаг Грейга. Алексей Самуилович, как всегда немногословный и хладнокровный, спокойно отдавал команды, прохаживался туда-сюда по шканцам.

– По местам! – кричали, срывая голоса, батарейные офицеры. – Жай! Заряжающие ловко засовывали в разгоряченные стволы пороховые картузы, быстро принимают от подавальщиков ядра. Секунда и черные шары тоже исчезли в пушечных жерлах, затем туда же досылаются в два удара прибойниками и пыжи. Пушки разом накатываются в порты.

– Готово! – кричит прислуга.

– Пальба по порядку номеров! – несется откуда-то сверху сквозь клубы пороховой гари.

Почти одновременно двумя залпами «Ретвизан» умудрился поразить еще и задний мателот. Перерезав линию противника, линкор оказался борт в борт с отставшим турком, которым уже всюю занимался «Венус». Три продольных залпа в упор почти снесли ему всю верхнюю палубу. Но на войне, как на войне. При очередном залпе внезапно разнесло в клочья пушку в среднем деке. Палуба корабля мгновенно превратилась в братскую могилу.

– Что там на средней? Почему молчат? – кричал прибежавшему старшему офицеру, впервые потерявший свое шотландское хладнокровие, Грейг.

– Там... каша! – был ответ.

На какие-то минуты «Ретвизан» потерял темп стрельбы. Мгновенно его место заступил, идущий следом, «Рафаил». Огненная карусель не прекращалась ни на минуту. Сгребя в сторону остатки человеческих тел, комендоры «Ретвизана» вновь встали к пушкам. Ноги их скользили в еще горячей крови. Теперь, проскочив турецкую линию, линкор стал спускаться к другим турецким кораблям.

– Ничего ребята! – кричал, ободряя своих матросов, бравый лейтенант Володя Рентель (даром, что из баронов остзейских!). – Нам погано, зато туркам в сто крат поганей! Держись, родимья!

Рядом с «Ретвизаном» «Рафаил» Лукина. Увидев, что на его бывшем корабле что-то случилось, Лукин прокричал в жестяной рупор:

– Алексей Самуилич! Что там у вас стряслось?

– Пушку в куски рвануло! – крикнули в ответ с «Ретвизана».

– Очухивайтесь, я вас покамест прикрою! – еще раз крикнул в рупор Лукин и, обернувшись, к своему вахтенному лейтенанту, командовал:

– Давай лево на борт, будем своих от турок загораживать!

Вспоминает мичман Павел Панафидин: «Все кораби устремились вперед, а задние остались свободными. Корабль «Уриил» так близко шел к своему противнику, что сломал утлегарь, и когда велели с моря стрелять, то отвечали, что не по кому. Турки убрались на палубу. Не знаю, почему этот корабль не был абординирован, – мысль совершенно ложная, что турки зажгут свои корабли; от чего бы то ни было, но «Уриил» шел далее и этот корабль, который уже ужасался защищаться, успел уйти под крепость. Нашему кораблю и контр-адмиральному «Ретвизану» досталось атаковать отделившийся корабль. У «Ретвизана» разорвало пушку; он прекратил сражение, мы дрались тогда борт о борт; но наш корабль и со сломанными парусами шел лучше неприятельского и прошел перед носом его. В это время явился корабль «Силь-

ный» с правой стороны у нас. Мы должны были уступить место ему, как кораблю, лежащему правым галсом, – и так нас течением отдалило от неприятельского корабля...»

В это самое время «Селафаил» отчаянно дрался с флагманом капудан-паши. Как и следовало ожидать, огромный «Мессудие» обрушил на русского наглеца всю мощь своих ста двадцати орудий. Вдобавок ко всему, флагмана поддерживал еще и следом идущий линкор. Однако, несмотря ни на что «Селафаил» решительно атаковал своего грозного противника. Сначала он левым бортом вел огонь по 70-пушечнику, а затем дерзко сманеврировал прямо под корму «Мессудие». Немедленно последовал продольный залп из всех орудий. Куски корпуса с кусками человеческих тел разлетелись на десятки метров. Флагман турецкого флота отчаянно рыснул в сторону и прекратил свой бег в сторону Дарданелл. Пока турки, крича и галдя, пытались исправить поврежденный руль, «Селафаил», поворотя через фордевинд, обрушил по беспомощно качавшемуся на волнах линкору еще один продольный залп. Верхнюю команду смело раскаленной картечью.

Из хроники сражения: «Селафаил», первый, догнав 100-пушечный корабль капитан-паши, дал ему залп в корму и когда он стал приводить на правый галс, дабы избежать сего огня, то корабль наш, поворотя через фордевинд, упредил его и снова напал на него с кормы.»

А к «Мессудие» уже приближался на всех парусах «Твердый».

– Селафаильцы угостили пашу, теперь и наш черед порадовать пряниками! – радовались на флагмане российской эскадры.

Командир «Твердого» капитан 1 ранга Даниил Малеев, воспользовавшись повреждениями «Мессудие», подошел к нему столь близко, что реи кораблей, сходясь, трещали. Залп! И истошный вой турок вновь оглашает море. Однако, «Твердому» не повезло. Атакуя капудан-пашу, он оказался под самым берегом и, избегая камней, был вынужден отвернуть в сторону.

Из хроники сражения: «Сенявин стремился на Сеид-Али, и прошед под корму корабля Бекир-бея, вступив с ними в бой с обоих бортов; потом спустившись, атаковал капитан-пашу так близко, что реи с реями почти сходились. Сеид-Али, показав вначале желание драться, отпаливался тут весьма редко и на всех парусах уклоняясь от корабля «Твердый», неся под свои крепости».

Пока корабль поворачивал на обратный галс, Сеид-Али вновь устремился к спасительному проливу, но тут же опять попал под залпы «Селафаила», который в третий раз исхитрился пройти у него под кормой. От окончательного уничтожения «Мессудие» спасли лишь береговые батареи, до которых он успел добежать. Гася пожары, зияя огромными пробоинами и волоча за собой обрывки снастей, флагман капудан-паши на последнем издыхании вполз в спасительный пролив.

А бой продолжался с неослабевающей яростью. Все тот же неутомимый «Селафаил», удачно сманеврировав, подвернул под корму очередного турка, рвущегося в пролив. Несколько залпов в четверть часа превратили и этот турецкий линкор в дымящуюся развалину. Командир «Селафаила» Петр Рожнов в тот день превзошел сам себя. Меняя галсы, он еще трижды прорывался сквозь заградительный огонь к своей жертве. При последней атаке, турки даже не пытались отбиваться. Позднее в своем рапорте Рожнов напишет об этом эпизоде так: «... Почему видеть можно, что он защищаться не мог, а отдаваться не хотел, надеясь уйти в пролив». И этот разбитый линкор спасли Дарданеллы.

Тем временем Сенявин на «Твердом» успешно атаковал линейный корабль под вице-адмиральским флагом. По словам дипломатического чиновника Павла Свинына, бывшего в то время на «Твердом»: «Бой с этим кораблем продолжался до самой невозможности». Теснота места не позволяла нашим взть турецкий вице-адмиральский корабль в два огня, но и с одного борта лупили их, дай Бог каждому!

«Сильный» не менее успешно прошивал продольными залпами корабль патрона-бея, как вдруг внезапно спустился к ветру и перестал палить. Сениявин, увидя это, вспылil:

– Что там делает Игнатъев? О чем он только думает?

Опытным глазом он определил, что на «Сильном» случилось нечто из ряда вон выходящее, но что именно пока было неизвестно...

Со вторым из младших флагманов капудан-паши расправлялся «Уриил. Было уже девятнадцать пополудни, когда «Уриил» буквально навалился на своего противника, обломав об него свой утлегарь.

– Абордаж! Абордаж! – кричали матросы, выскакивая на верхнюю палубу. – Посмотрим, гололобые, у кого тесаки-то длиннее!

Но командир «Уриила» Быченский-первый решил людей зря не терять, а отойдя от турка, бить его дальше ядрами, тем более, что сзади сблизившихся противников уже догоняли «Ярослав», «Елена» и «Скорый». «Елена» смело вошла в узкий промежуток между двумя турецкими кораблями и разом разрядила пушки с двух бортов. Оторванные доски, ошметья таке-лажа и клочья человеческих тел засыпали верхнюю палубу нашего линейного корабля. Старый боцман с серьгой в левом ухе грозил туркам своим здоровым жилистым кулаком:

– Тута и так мусору хватает, а они иш-шо свое дерьмо нашвыряли! Погодите, уж я до вас доберусь, всем чайники начищу!

– Ну, теперь абдулкам и вправду конец! – хохотали матросы, накатывая пушки для нового залпа. – Уж коли Петрович обещал, так уж распишет по трафарету!

Спустя какой-то час нашим стали хорошо видны и слабые места турок. Едва российские корабли сокращали дистанцию, турки сразу же резко ослабляли свой огонь, порой прекращая его и вовсе. Стрелять же точно с больших дистанций турки тоже не умели. Линейный корабль «Сильный» капитан-командора Игнатъева вел последовательный бой сразу с двумя убежавшими турецкими линкорами. Засыпав их для начала раскаленным чугуном, капитан-командор собирался, уже было, свалиться с ними на ружейный выстрел, когда увидел приближающийся третий.

– Поворот оверштаг! – скомандовал он немедленно, надеясь подрезать корму и этому беглецу.

Но, как часто бывает на море, именно в самый неподходящий момент резко упал ветер, и быстро развернуть тяжелый линкор на новый галс чертыхающемуся Игнатъеву не удалось. Проходящий мимо турок меж тем открыл яростный огонь.

Воспользовавшись незаконченностью маневра «Сильного», турецкий корабль увеличил темп пальбы. Одним из ядер напрочь снесло голову Игнатъеву. Капитан-командор рухнул на палубу, залив ее своей кровью. В горячке боя, кто-то стал кричать лекаря. Но его одернули:

– Чего орешь? Какой лекарь, когда головы нету! Несите-ка лучше капитана нашего в низы в покойницкую!

Командование кораблем немедленно принял старший офицер капитан-лейтенант Шишмарев.

Из воспоминаний Петра Свинына: «В 6 часов показался сигнал на «Сильном» о потере своего капитана. Я долго не хотел верить, – так страшился правды... Шишмарев сказывал, что никогда покойник не бывал столь покоен и хладнокровен, как во время сражения. Поражая неприятельский корабль, который совершенно замолчал от ударов «Сильного», он намеревался взять его абордажем и подошел к шкафуту, делать свои приказания, как вдруг роковое ядро поразило его в голову: несчастный упал на месте и испустил дух, имея едва время правой рукой сделать приметное движение к сердцу. Капитан-лейтенант заступил его место...»

– Атакуем с дистанции кротчайшей! – подал Шишмарев свою самую первую самостоятельную команду. – Лево на борт! Еще кру-у-у-че!

Мстя за любимого всей командой капитана, «Сильный» гнал и избивал своего противника не только до самого пролива, но в азарте погони заскочил даже туда, несмотря на сильную пальбу береговых батарей. Лишь с наступлением темноты он прекратил преследование своей жертвы и повернул на соединение с эскадрой.

Преследуя турок, наши вели бой, каждый по способности. То спускаясь, то приводясь к ветру, то убавляя, то, наоборот, прибавляя парусов, они то и дело заходили турецким кораблям в корму и поражали их сокрушительными продольными залпами.

Отлично показал себя в драке и старик «Венус». Фрегат догнал один из убегающих турецких линейных кораблей и вцепившись в него, как цепной пес в удирающего вора, лупил что есть мочи.

Из хроники сражения: «Все турецкие корабли на всех парусах спешили за своим адмиралом в Дарданеллы, вовсе не помышляя о сражении; многие из них опушта борты даже не защищались; напротив того наши корабли, каждый по способности своей, то спускаясь, то приводя, то убирая, то прибавляя парусов, преследовали и поражали на самом близком расстоянии, стреляя наиболее вдоль их кораблей».

Повальное избиение, устроенное на входе в Дарданеллы, не позволило всему турецкому флоту прорваться под защиту береговых фортов. Спасаясь от атак, часть кораблей приткнулась к берегу у азиатского берега. В двадцать вечера море покрыла ночная мгла, и сражение стало постепенно стихать. Сенявин не на шутку заволновался. Некоторые из кораблей, подошедшие в пылу драки близко к европейскому берегу, теперь сносило течением на камни и под пушки крепостей, те, что оказались ближе к берегу азиатскому, наоборот, выносило из пролива в открытое море. С обоих берегов, что есть силы, палили огромными мраморными ядрами, без разбора поражая своих и чужих.

Если для турок даже такое окончание боя было сущим спасением, то для наших, все могло обернуться настоящей катастрофой. Тяжелый и кровавый бой, в победном исходе которого никто уже не сомневался, в одно мгновение мог обернуться поражением. Теперь все зависело от того, как сумеет справиться с управлением своего корабля каждый из капитанов. Чтобы отличить в темноте своих от чужих, наши подняли на мачтах по три фонаря. Турки, находившиеся рядом с нашими, не растерялись и сделали тоже самое. Это была большая ошибка, ибо тут же их тут же начали расстреливать свои же береговые батареи.

Дальше всех, как всегда, в азарте погони забрался неугомонный Лукин. Догнав концевой турецкий линкор, он разбил ему всю корму, но внезапным встречным прибрежным течением «Рафаил» отшвырнуло от преследуемого беглеца и едва не бросило на камни. Пришлось умирить свой пыл и отвернуть мористее.

В особо неприятное положение попал сам флагман «Твердый», которого поток сильного прибрежного течения внезапно вынес под самую турецкую батарею да столь близко, что противники начали поражать друг друга из ружей. В каком-то десятке саженей чернели зубья оскаленных рифов. Ситуация была критическая.

– Немедля спускайте на воду шлюпки и буксируйтесь ими от берега! – велел Малееву Сенявин. – Иначе нас здесь разнесут в щепки не только ядрами, но и волнами!

Спустя мгновения шлюпки были уже на воде. Натужно сгибая весла в тяжелейшей работе, матросы сумели-таки вытащить «Твердый» из полосы прибоя. Корабль потихоньку отбуксировали к островку Мавро, у которого Сенявин и велел бросить якорь.

Из записок мичмана Григория Мельникова: «...Вице-адмиральский корабль «Твердый» потерпел довольно большие повреждения, как в корпус, так и в вооружении, ибо, сверх того, что он сражался со многими неприятельскими кораблями, должен был еще выдерживать около часа времени сильный огонь, производимый с европейской крепости при устье Дарданелл устроенной, куда он, будучи занесен при наступлении уже ночной темноты силою течения, стремящегося во внутренность пролива, находился так близко от берега, что производи-

мые тогда с оного ружейные выстрелы наносили ему некоторый вред, почему вице-адмирал Сенявин, в отвращение таковой опасности, признал лучшим не отвечать на неприятельские выстрелы и в то же время, для сбережения команды, приказал ей уйти в дек, оставя наверху только самонужнейшее небольшое число людей и, пробыв в сем положении до наступления чрез несколько времени благоприятного ему ветра, которым воспользуясь, немедленно удалился от пролива... Турки, увидя, что с означенного корабля не делают никакого на них выстрелы ответа и сочтя сие что оный принадлежит к ихнему флоту, прекратили и со своей стороны пальбу...»

Постепенно один за другим российские корабли подворачивали от европейского берега к азиатскому, и мощное дарданельское течение теперь уже само выносило их в море.

Из воспоминаний Владимира Броневского: «Во время сражения адмиральский корабль «Твердый» столько приблизил к европейской крепости, что пули стали вредить. Адмирал приказал закрыть фонари и буксировать корабль шлюпками. Потеряв из виду огни, отличающие корабль главнокомандующего, весь флот чрезмерно был сим обеспокоен, и как в сие время лавировали мы пред входом в Дарданеллы, то проходя, спрашивали друг друга: «Где адмирал?» Но скоро среди неприятельского флота начался весьма правильный беглый огонь, дым прочистился, показались три фонаря, и мы крикнули «ура»! Это был Сенявин. На другой день, когда корабль «Сильный», поднятым с флагштока в половину брейд-вымпелом, известил о потере своего капитан-командора, мы, сожалея о славной смерти сего достойного начальника, обещавшего Отечеству хорошего адмирала, еще более опечалены были, не видя на стеньге «Твердого» вице-адмиральского флага. Не могу описать общего при сем смущения. Я, будучи при повторении сигналов, первый заметил сие и, смотря в зрительную трубу, не видя на стеньге флага, воображал или лучше мне казалось, что оный развеивается. Капитан, вахтенный лейтенант и другие офицеры, бывшие на палубе, так же смотрели, и ничего не видя, бледнели и не смели спросить друг друга, жив или убит адмирал. Матрозы один за одним выходили на шканцы, смотрели, так же боялись сообщить друг другу свои мысли, искали предлога сойти в палубу и там в печальном молчании клали земные поклоны у образа. В таком расположении духа, подошли мы под корму «Твердого». Капитан наш вместо обыкновенного рапорта, спросил: «Здоров ли адмирал?» Нам отвечали: «Слава Богу!» Мы еще сомневались, но Дмитрий Николаевич показался в галерее. В одно слово раздалось у нас на фрегате громкое радостное «ура». Адмирал сделал знак, что хочет говорить, но матрозы не скоро могли умолкнуть и он, поклонившись, ушел».

Ближе к утру у берегов Мавро постепенно собралась вся эскадра. Остаток ночи прошел в исправлении повреждений и приготовлениях к возможному продолжению боя. Флаг-капитан Даниил Малеев шлюпкой обошел все корабли, выяснив потери. Вернувшись и подсчитав цифры, он доложил вице-адмиралу:

– Побитых двадцать шесть, да еще полсотни раненных! Среди убитых гардемарин и... капитан-командор Игнатьев.

Сенявин снял с головы треуголку, перекрестился:

– Мир праху твоему, Иван Александрович!

– Кто принял «Сильный»? – спросил, чуть погодя.

– Капитан-лейтенант Шишмарев!

– Дрался хорошо, пусть командует и далее!

Доложили командиры кораблей и о понесенных повреждениях. Как и следовало ожидать, наибольшую пакость причинили береговые батареи. На «Рафаиле» и «Ярославе» мраморными глыбами проломило оба борта. Досталось и флагманскому «Твердому». Линкор получил без малого десятков дыр в корпусе и с полсотни в парусах. Последнее ядро залетело на корабль уже за полночь и убило трех матросов. Это были последние жертвы сражения при Дарданеллах.

Вдалеке, дымно чадя, догорали турецкие корабли.

Сражение при Дарданеллах

Глава шестая

Константинопольский переворот

С восходом солнца следующего дня было обнаружено, что один из севших на камни под азиатским берегом турецких кораблей, так и не смог сняться с мели. Еще два линкора, один из которых под вице-адмиральским флагом, ночью унесло далеко в море, так, что догнать их было уже невозможно. Отойдя подальше, турки немного опомнились и теперь их корабли с перебитыми стенами торопливо буксировали к проливу гребные суда.

Некоторое время нашим оставалось разве что быть сторонними наблюдателями. До десяти утра ветер был противный, но затем роза ветров развернулась в нашу сторону. Немедленно, снявшись с якорей, корабли сблизились между собой и составили боевую линию. Когда ж ветер еще несколько прибавился, Сенявин вызвал к себе на борт Грейга.

– Не желаешь, ли проветриться, Алексей Самуилович?

– Никогда не против! – бодро ответил младший флагман.

– Тогда сбегай-ка к тому голубчику, что на камнях сидит, и постарайся добить. Да и тех, кто прорываться желает, тоже не упusti! Кораблями, однако, зря не рискуй и людей береги!

– Есть! – коротко ответил Грейг и приложил два пальца к треуголке. Держа флаг на своем любимом «Ретвизане» и имея в кильватере «Селафаил», «Скорый», «Ярослав» и, конечно же «Венус» (а куда без него!) контр-адмирал поспешил в указанную экспедицию. Однако близко подойти к берегу не удалось, мешали мели и камни. Стрельба же с дальней дистанции была не слишком эффективна. В перестрелку с русскими кораблями сразу же включились и близлежащие береговые батареи, и вскоре столь ненавистные всем, здоровенные мраморные ядра, стали с шумом падать вблизи бортов. Грейг находился в сомнении: пытаться любой ценой добить полузатонувшего турка, или же бросить его к чертовой матери, выйдя из-под обстрела. В последний раз контр-адмирал приложил к глазу зрительную трубу. В предметном стекле хорошо был виден чадящий остов с зияющими дырами в бортах, с обрубками обгорелых мачт.

– Овчинка выделки не стоит! – сложил Грейг трубу, – Возвращаемся! Сенявин, выслушав контр-адмирала, с его решением согласился:

– Этот турок и так покойник, а нам корабли и людей беречь надобно! Кто знает, сколь долго еще воевать?

Из хроники сражения: «...Приказано видимые неприятельские корабли стараться отрезать, взять и истребить. Между тем турецкие корабли на всех парусах поспешали в пролив; наш отряд догнал их почти у самых крепостей, и не возмoгши никак взять их выше под жестоким на себя огнем, действовал на проходе по кораблям и флотилии отменно удачно. Корабли турецкие после первых залпов, отпаливались весьма слабо; истребление парусов, подбитие снастей и разрушение корпусов их, было видно глазами. Неприятель, имея в выгоду свою попутный ветер, который в то время установился так свеж, что и при противном течении, они подавались вперед; наш же отряд, обращенный бортом к течению, выносило из пролива; но за всем тем трижды успели мы сделать обороты к несению большего вреда неприятелю. Гребной флот, защищавший неприятельский корабль, стоявший на мели ниже азиатской крепости, бежал. Другой корабль, настигнутый «Селафаилом», а после и «Ретвизаном», бросился на мель под прикрытием европейских крепостей и своего флота. Вице-адмиральский, желая пробраться в пролив у азиатского берега, будучи сильно оббит, бросил якорь; потом снялся и, уклоняясь от огня нашего отряда, так же стал на мель; близость которой к азиатской крепости препятствовала атаковать его как должно. Между тем ветер начал тихнуть. Течением корабли наши снесло ниже турецких; почему сигналом приказа по отряду контр-адмирала соединиться с эскадрою.»

В тот же день Сенявин провел и совещание капитанов. Вицеадмирал никого не ругал, похвалил командира «Селафаила» Петра Рожнова, который трижды сумел зайти за корму

неприятельского корабля, каждый раз поражая его продольными залпами. Затем отчитал командира «Уриила» Быченского-первого за то, что тот не свалился на абордаж. Быченский, красный от стыда, оправдывался:

– За мной в струе ломилось сразу четверо наших! Свалился я, им бы со мной не разминуться было! Проскочив мимо, я оставил турка им в добычу!

– На каждом корабле свой капитан имеется, чтоб о нем думать. Я нисколько не сомневаюсь в вашей храбрости, но впредь будьте решительнее!

Атака турецкого линкора была звездным часом всей жизни капитана 1 ранга Быченского. Такой шанс судьба дает только раз. Командир «Уриила» имел возможность захватить в плен неприятельский корабль, вписать свое имя в историю отечественного флота. Увы, этого не произошло. В жизни Быченского будут иные бои, и иные походы, но случая отличиться, подобного дарданельскому, ему уже никогда не представится...

Как выяснилось, за время сражения очень велик оказался расход пороха с ядрами, а пополнить то и другое было неоткуда. Поэтому велено было впредь не палить по неприятелю с большого расстояния и не тратить понапрасну снарядов.

Оценивая общий итог сражения, Сенявин был предельно объективен:

– Первый генеральный бой, потому и ошибки имеются. Я еще раз напоминаю господам капитанам, что, сражаясь в открытом море, целить следует не в корпус корабельный, а в рангоут, ибо неприятель, желающий бежать и имеющий рангоут в целости, всегда в том премного успеет. Мое требование об этом так и не выполнено! Вступая в бой с кем-либо надо обязательно доводить дело до завершения полной победы, а не переносить огонь по новым кораблям. Хотя туркам мы все же вчера надавали крепко, но, как видите сами, никого так и не утопили. А потому впредь будьте более предприимчивыми!

Капитаны разъехались, а Сенявин, в задумчивости куря свою старую обкусанную трубку, вышел на кормовой балкон. Повреждения, понесенные в бою, его сейчас волновали не слишком. Для их исправления хватит и пары дней. Хуже было с порохом и ядрами. И все же, несмотря на все «но», Сенявин был доволен исходом первой встречи с турками. Попытка неприятеля вернуть Тенедос и снять блокаду с Дарданелл полностью провалилась. Эгейское море осталось за нами!

Вид на остров и крепость Тенедос. Гравюра XVIII века.

В тот же день в Тенедосском монастыре хоронили капитан-командора Игнатьева. Попрошаться с ним съехались с эскадр многие хорошо знавшие и уважавшие его офицеры. Биограф так оценивает личность капитан-командора Игнатьева: «Отечество лишилось в нем человека просвещенного, мореходца осторожного и воина неустрашимого. Честолюбие его было основано на истинном достоинстве, при обширных познаниях, дух его стремился ко всему изящному и благородному. Пышность в домашней жизни, совершенное бескорыстие по службе были отличительными чертами его характера. Он был горд, но любил отличать, награждать своих подчиненных; был к несчастью иногда вспыльчив, но, при сем искренне раскаивался; никогда власть свою не употреблял во зло и боялся быть несправедливым.»

Справедливости ради надо привести и несколько иное свидетельство, уже хорошо нам известного Павла Панафидина: «Потеря наша была чувствительна в сем сражении в командоре Игнатьеве. При всем уме и познаниях своих, он не приобрел особенной к себе привязанности ни офицеров, ни даже нижних чинов. Его обращение было вежливое, но никогда искреннее. Со всем тем флот потерял в нем ученого морского офицера».

Конечно же, на похороны прибыли и давние товарищи и соплаватели Игнатьева Лукин с Грейгом. Постояли в последний раз рядом с мертвым другом, поцеловали в лоб. Слов не было, да и какие могут быть слова в такие минуты! О чем думал Лукин? Мучили ли его какие-нибудь предчувствия? Кто знает!

Осиротевший «Сильный» временно принял под свое начало старший офицер линкора капитан-лейтенант Шишмарев.

Позднее «Сильный» будет передан, согласно капитанскому старшинству, под команду капитана 1 ранга Салтыкова. Бывший ранее под его началом старый линейный корабль «Параскевия» возглавит старший из капитан-лейтенантов эскадры Малыгин со «Шпицбергена». Сам же шлюп «Шпицберген» будет поручен следующему по старшинству капитан-лейтенанту Качалову.

Со смертью Игнатьева остался без флагмана и весь его корабельный отряд, а потому Сенявин для удобства управления его расформировал, а всю эскадру разделил на две дивизии. Первую, включавшую: «Твердый», «Селафаил», «Мощный», «Сильный» и «Скорый» он оставил в своем «особенном» подчинении. Вторую: «Рафаил», «Ретвизан», «Святую Елену», «Ярослав» и «Уриил» подчинил Грейгу. На себя главнокомандующий замкнул и фрегаты.

Корабли российской эскадры снова заняли позицию для продолжения блокады. В устье Дарданелл была направлен первый дозорный отряд «Мощный» с «Венусом». Задача их была такова: «чтобы не только суда, но и самые малые лодки отныне не могли показаться из пролива».

Дарданельское сражение уже принадлежало истории...

* * *

Спустя несколько дней после сражения при Дарданеллах потрясенный султан Селим мрачно взирал на втягивающийся в Золотой Рог свой избитый флот. По берегам толпились обыватели. Над толпой висел вопль негодования и проклятий. С батарей арсеналов Топхане угрожающе ухали пушки.

— Палачей ко мне! — лаконично распорядился султан.

Первой должна была слететь голова незадачливого капудан-паши. Но хитрый Сеид-Али, не раз познавший все превратности судьбы еще в прошлую войну с русскими, уже сделал все для своего спасения. Еще в Мраморном море, получив известие о гневе падишаха, он велел вызвать к себе младшего флагмана Шеремет-бея и капитанов четырех наименее пострадавших в бою кораблей. Едва прибывшие поднялись на шканцы «Мессудие», как их тотчас схва-

тили личные телохранители капудан-паши. Первому снесли голову с плеч, кричавшему о своей невинности Шеремет-бею, затем и остальным.

По мнению знатоков обычаев Высокой Порты, Сеид-Али поступил в данном случае со своими подчиненными на редкость милосердно, ибо турки считали внезапную смерть куда более гуманной, чем смерть по приговору с ожиданием процедуры казни.

Одновременно Сеид-Али продиктовал и отправил с греческой фелюгой письмо к Сенявину, где на полном серьезе обвинил русского командующего в обмане! Письмо это ради смеха потом еще долго читали офицеры на всех кораблях нашей эскадры. Хохотали от души, да и было от чего! Сеид-Али укорял русского адмирала в том, что тот поступил бесчестно, подняв сигнал «прекратить бой», а сам при этом никакого боя не прекратил.

– Вот умора! Вот дает! Такого еще не бывало в гистории морской! – умирала со смеху офицерская молодежь.

– Что вы хотите, Сеид-Али спасает сейчас свою жизнь, а здесь все средства хороши! – прятали улыбки то, кто были постарше.

Смех смехом, но расчет капудан-паши оказался верен. Султан самым серьезным образом отнесся к рассказу о гнусном обмане «адмирал-москов».

– Этим мерзким гяурам не ведомы благородство и честность! Это следует всегда помнить при встречах с ними. Обман и коварство всегда удел богомерзких и прахоподобных! Но будь, и ты впредь хитрей! – погрозил султан пальцем своему капудан-паше.

Вываленные из мешка к его ногам отрубленные головы капитанов вернули доверие к Сеид-али.

Стоявшие поодаль штатные дворцовые палачи смотрели на капудан-пашу с нескрываемой злобой. Сегодня они остались без хорошей работы, а значит без дорогих шелковых халатов, которыми по старой традиции вознаграждался их нелегкий труд.

– Неверные собаки отныне меня уже не обведут вокруг пальца. Отныне я буду сам расставлять вокруг них свои сети! Сенявин зря испытывает терпение Аллаха, оно не беспрдельно! – Сеид-Али истово стучал лбом в густой ковер пред ногами Селима.

– Довольно! – махнул тот рукой. – Иди и готовь флот к новому походу во славу Аллаха и пророка!

Однако пока говорить о скором выходе в море не приходилось. Чудом избежавшие смерти в дарданельском побоище бунтовали, требуя вина и дев, открыто плюясь в лица своих начальников. Команды не желали более испытывать свою судьбу.

– Лучше режьте наши головы здесь в Галате, чем нас перешибут ядрами в море москвиты!

Сеид-Али пытался было навести порядок:

– Удавите смутьянов, а остальные разбегутся сами!

– Если начнем давить, то останемся без матросов! – отвечали с печалью корабельные капитаны. – Они бунтуют все!

– Тогда будем ждать пока перебесятся! – мудро решил капудан-паша.

– Галионджи понемногу отпускайте на берег, но так, чтобы не разбежались! Зачинщиков же душите тайно по ночам, чтоб никто не видел!

Теперь по утрам из душных корабельных деков вытаскивали за ноги сразу по несколько трупов с высунутыми черными языками. Трупы переваливали через фальшборт, и они грузно падали в воду. Спустя пару недель, лишённые своих вожakov, галионджи понемногу затихли.

– Теперь будем чиниться! – объявил капудан-паша.

На корабли повалили толпы плотников и парусников, кузнецов и корабельщиков. Не меньше набежало и надсмотрщиков. Работа закипела. Не теряя времени, капудан-паша начал отлов опытных моряков. Со всей страны в Галату гнали корсаров и купцов, рыбаков и даже перевозчиков-лодочников, всех, кто знал морское дело не понаслышке. Хватали без разбору,

кто попадался. Строптивцам без лишних разговоров тут же на месте рубили головы. Потери в сражении были огромны, а потому восполнить их Сеид-Али желал любой ценой!

* * *

Но если на турецком флоте бунт прекратить удалось, то в самом Константинополе все еще только предстояло, и последствия начавшихся там волнений могли быть самыми непредсказуемыми. Султан Селим Третий был вполне разумным правителем, пытавшимся реформировать свою отсталую страну введением полезных европейских новшеств. Но наряду с умной головой, он никогда не обладал должной силой воли. Вот как характеризует Селима российский историк XIX века: «Селим Третий был лучший гражданин нежели правитель. Не имея твердости духа, нужной для монарха, он обладал многими талантами, отличными для частного человека: писал прекрасные стихи на арабском языке и, следуя завету магомедову, предписывающему каждому мужчине знать какое-нибудь ремесло, умел совершенно рисовать по кисее. Его упрекали в любви к деньгам; но зато он был щедрее своих предшественников и охотнее награждал. Сколько при восшествии своем на 28-м году возраста (в 1789 году) Селим казался пылким, беспокойным, воинственным, непримиримым врагом Европы, столько под конец был миролюбив, сострадателен (по турецким понятиям! – В. Ш.) и любил обыкновения франков. Он имел даже намерение преобразовать войска свои на европейский манер, и уничтожить мятежных янычар: но они предупредили его намерение. Часто ходил он, переодевшись по городу с тремя или четырьмя из своей свиты, в том числе и с палачом; но в последние годы никогда не употреблял его, как прочие султаны, для деспотических казней. В ночных прогулках своих большей частью посещал училища, казармы, кофейные дома, воспитательные заведения и караулы и любил лучше награждать, чем наказывать».

...Все началось с того, что в Кавдарской крепости, прикрывающей вход в Босфор, задрались между собой янычары и солдаты новых европейских полков. Поводом к драке был голод, вызванный блокадой Дарданелл. По мнению янычар, те жалкие крохи хлеба, что доставлялись в крепость, делились несправедливо, и солдатам доставалась большая часть съестного. В яростной поножовщине верх одержали более опытные янычары. Безжалостно перебив своих противников, они повесили крепостного начальника Магомет-эфенди на крепостной стене, но никаких запасов хлеба не нашли. Это разозлило янычар еще больше. На крепостную площадь вытащили пустые медные котлы. Яшчи-кашевары ударили в них колотушками. Это значило, что янычары решились уже не на драку, а на мятеж!

Голод толкает людей на самые отчаянные поступки, а потому мятежники, выбрав себе в предводители сотника из албанцев, тут же двинулись толпой на Константинополь. Местных жителей они звали с собой, потрясая ятаганами:

– Мы идем к султану, чтобы он дал нам наши лепешки и нашу баранью похлебку! Пойдемте с нами, и вы тоже получите свое!

Толпы голодных людей, вооружившись чем попало, примыкали к этому шествию. Шествие восставших янычар возглавили их покровители дервиши-бекташи (что означает «вертящиеся дервиши»). Бекташи отрывали рукава своих халатов, и янычары обвязывали ими свои головы. Лохмотья бекташей считались у них священными!

Султан Селим, узнав о начавшемся бунте, испугался не на шутку. Страх, как известно плохой советчик, а потому испугавшись, Селим допустил непростительную ошибку, ставшую для него роковой. Навстречу идущим в столицу янычарам он послал начальника своей стражи чауш-баши. Тот объявил фирман султана: полное прощение за совершенные убийства! Но милость была расценена как слабость и янычары, тут же зарубив чауш-баши, двинулись дальше, еще более воинственные и решительные.

А по Константинополю уже всюду сновали вездесущие дервиши- бекташи, призывая правоверных к смуте:

– Идите и откройте для своих детей хлебные хранилища! Аллах сделал всех равными перед Небом, так почему же вы должны умирать с голода, когда в серале султанские жены бросаются лепешкам и плюются халвой!

Стражники хлебных хранилищ, подняли, было, свои пики.

– А вы, охраняющие еду от умирающих собратьев, полны ли от этого ваши желудки, не мечтаете ли и вы о прогорклой хлебной корке, сыты ли ваши жены и дети? – снова возопили дервиши и пики сразу опустились.

Спустя два дня Константинополь был уже вне власти султана. Теперь в перевернутые котлы били колотушками на главной площади Эйтмайдан, что была украшена древней вывеской: «Здесь султан кормит своих янычар.» Рядом с котлами крутились волчками босоногие бекташи в своем неистовом круговом танце. Впадая в транс, они вопили страшные пророчества, которым янычары внимали, как голосу самого Аллаха. Сейчас дервиши зывали к крови:

– Селим проклят Небом! Он давно изменил вере и стал гяуром! Нам нужен новый султан уважающий веру и порядки отцов!

– Назовите, кто он? – кричали хором взволнованные янычары. – И мы перевернем для него вселенную!

– Мы видим! Мы видим его! Это добродетельный и праведный Мустафа, которого коварный Селим бросил в темницу! – остановившись, пояснили янычарам дервиши и снова закрылись в нескончаемом танце.

Не встречая никакого сопротивления, бунтующие захватили все остававшиеся запасы продовольствия и арсеналы. Затем янычары нашли спрятавшегося от них муфтия. Его вывели на площадь и заставили выдать фетфу о низложении Селима Третьего, как нарушившего законы Магомета, введением различных европейских учреждений и не обеспечившего государство за семь лет правления наследником. Фетфа была немедленно обнародована, что вызвало еще большую смуту.

У Селима еще оставались верные батальоны «низам-и-джедид», ждавшие приказа в казармах Левенда. Обученные французскими инструкторами, они были готовы побороться за власть, но султан уже потерял последние остатки воли. Селима хватило только, чтобы выслать мятежникам на блюде головы своих министров, но это рассмешило янычар:

– Зачем нам головы министров, когда мы хотим видеть на блюде голову самого Селима!

В тот же день Селим Третий, брошенный последними сторонниками, был вынужден искать спасения в старом серале, где до этого томился в заточении его племянник Мустафа. Увидев заходящего в его покои дядю, Мустафа затрясся от страха. Он думал, что его сейчас казнят.

– Иди и властвуй! Тебя желают янычары! – сказал ему Селим. – Но обещай, что сохранишь мне жизнь, как я сохранил ее тебе!

Еще не поверивший в свое счастье, Мустафа припал губами к поле дядюшкиного халата:

– Клянусь, о благородный Селим, что сохраню тебе жизнь и почет, да будет мне свидетелем в том сам Аллах!

Мустафа, разумеется, своего слова не сдержит. Несколько месяцев спустя Селима задавят ночью подушками...

Янычары вынесли Мустафу из тюрьмы на руках, и, посадив на белого жеребца, возили по городу, крича проходящим:

– Вот наш новый султан, он даст нам хлеб и жирную похлебку! Кланяйтесь ему правоверные и молитесь Аллаху, чтоб продлил его многие лета!

В историю Турции новый султан войдет под именем Мустафы Четвертого.

Уже на следующий день в диван приехал французский посол Себастиани. Секретарь посольства барон Рюффен, сгибаясь под тяжестью, тащил следом за ним набитый золотом портфель. Себастиани имел долгую беседу с новыми министрами султана и портфель его быстро опустел. Затем была еще встреча с самим султаном, после чего Мустафа объявил свою волю:

– Война с московитами будет продолжена, потому что такова воля Аллаха!

Дворец султана французы покидали в прекрасном расположении духа.

– Запомните барон, что из всех идолов, которым во все времена поклонялись люди, есть только один воистину великий! – назидательно сказал своему секретарю Себастиани, когда оба выехали за ворота дивана.

– Кто же? – спросил тот, вскинув пухлые, усыпанные перстнями, руки.

– Золотой телец! – усмехнулся хитрый интриган. – Только он способен открыть самые крепкие засовы, начать и прекратить войны и революции! А потому, не смотря на смены декораций, здешние султаны будут, как и прежде, плясать нашу кроманьелу!

Глава седьмая

Блокада

Сенявин не ограничивался стоянием у проливов. Дозор здесь несла только одна дивизия. Вторая же под флагом младшего флагмана Грейга, крейсировала вдоль турецкого побережья. Этим Сенявин убивал сразу двух зайцев: лишал турок возможности судоходства и создавал у них уверенность, что эскадра постоянно разделена на две части, а потому весьма слаба. Турок надо было снова каким-то образом выманить из пролива!

Несмотря на кажущуюся отдаленность, с Грейгом поддерживалась постоянная связь, и контр-адмирал был готов в любой момент придти на помощь к главнокомандующему.

А вскоре на эскадру доставили новые императорские инструкции о начале мирных переговоров с Портой. Кроме этого привезли и письма. Благодаря им, Сенявин получил некоторое представление о том, как разворачивается ситуация вокруг турецкой войны в российской столице. А ситуация была там далеко не простой.

Морской министр Чичагов, несмотря на свое прохладное отношение к Сенявину, ныне настаивал, чтобы переговоры с турками вел именно он. В этом министр был прав. Но Александр Первый на это никак не соглашался:

– Вы же сами еще совсем недавно доказывали мне, что вам было трудно предпочесть Сенявина иным! Вы сами признаете его ниже своего поста даже единственно в морском отношении и говорите, что он дал нам убедительные доказательства недостатка логики! Как же теперь я могу верить Сенявину судьбу всей империи?

Чичагов прикусил губу. Что было, то было, позлословить на своих подчиненных он любил. Теперь за это приходилось расплачиваться.

Ведение переговоров поручили корсиканцу Поццо-ди-Борго. Слов нет, в интригах политических этот давний недруг Наполеона был сведущ, но, не зная и не понимая России, он никогда не был ее патриотом.

Согласно выдвинутым параграфам, Россия предлагала Турции восстановить все ранее действующие договоры. Со своей стороны, она обещала вывести войска из Молдавии и Валахии.

Поццо-ди-Борго прибыл к эскадре попутным фрегатом «Кильдюин» спустя два дня после битвы при Дарданеллах. Вместе с ним секретарь венского посольства надворный советник Булгаков. Полковник и надворный советник имели высочайшее полномочие на переговоры с турками о мире при посредничестве Сенявина. Ознакомившись с бумагами, Сенявин немедленно послал в Константинополь плененного ранее Селима-Чауша с извещением о прибытии посланника для переговоров. К Селиму в кают-компании «Твердого» даже привыкли, и офицеры расставались с ним с сожалением. Да и он, прощаясь, даже расплакался. Помимо всего прочего Селим-Чауш обещал помочь в судьбе команды «Флоры». После его отъезда турки молчали две недели. Поэтому Сенявин отправил к капудан-паше дубликат письма с советником Скандраковым, а, чтобы задобрить своего противника, отпустил с ним два десятка пленных. В ответном письме, переданном через того же Скандракова капудан-паша изысканно оповестил своего русского «визави» о том, что отныне на турецком престоле уже главный султан Мустава Четвертый и он сейчас крайне занят.

– Что удалось вызнать за время поездки? – поинтересовался Сенявин.

– Увы, весьма немного! – развел руками советник. – Капудан-паша не пустил меня к себе на корабль, а принял в крепости.

– Как настроение у турецкого адмирала? Хочет ли он еще раз попытать счастья в споре с нами?

– На словах хвалился, что готов снова на нас выйти, чтобы всех истребить, но на деле сегодня последние корабли ушли за мыс Чинак-Колеси. Кроме этого грек-переводчик сказал мне по секрету, что после сражения капудан-паша казнил половину своих капитанов!

Сенявин скосил глаза на карту пролива. Мыс Чинак-Колеси – это весьма далеко от входа в Дарданеллы. Если турки забрались даже туда, значит, о реванше они пока серьезно не помышляют.

Четыре раза Сенявин с Поццо-ди-Борго отправляли капудан-паше письма с предложениями о мире. Четыре раза турки под надуманными предлогами им отказывали.

– Зная турок, могу сказать, что нынешнее наше стремление к миру и настойчивость в этом почитается у них за проявление слабости и разжигает большую воинственность! – заключил Сенявин, видя, что все его миролюбивые стремления пользы не приносят.

– Восток уважает только силу! – согласился с ним хитромудрый корсиканец.

– Будем отныне действовать иначе! – решили вице-адмирал и дипломат.

Теперь оба стали письменными воззваниями оповещать турецкое население о своих намерениях. Кроме этого Сенявин разогнал все мелкие суда по окрестным островам и побережьям для мелких диверсий и захвата торговых судов.

В Константинополе сразу же всполошились. Воззвания, диверсии, голод, да недавний бунт могли спровоцировать новые мятежи доведенного до крайности населения. Капудан-паша письма Сенявина теперь принимал и читал, даже писал ответы, но делал все с соблюдением строжайшей тайны. Парламентеров с российской эскадры в Константинополь по-прежнему не пускали, боясь, как народных выступлений, так и гнева всесильного Себастиани.

В своих письмах Поццо-ди-Борго брал турок за живое. Кто, спрашивал он, как не Россия, помогал им во время нападения Бонапарта на Египет? Забыли ли турки все выгоды, которые они извлекли тогда от союза с Россией? Многого ли стоит обещание Парижа помочь в настоящей войне войсками и флотом? Знают ли в Константинополе, что французские силы в Долмации едва превышают восемь тысяч и находятся под постоянной угрозой истребления? В своих посланиях дипломат настойчиво прощупывал политическую ориентацию окружения нового султана.

Прознав об этой неофициальной, но весьма интенсивной переписке, заволновался Себастиани. Понимая, что турки в какой-то момент от понесенных военных неудач могут поколебаться, он поторопился встретиться с великим визирем.

– Турки ждут от меня новых обещаний и устных гарантий! – обозначил он секретарю линию своего поведения. – Пожалуйста! И того и другого я могу давать им сколько угодно. Пусть слушают и открывают рты!

Наготове у французского посла был последний веский аргумент, который он приберегал на самый черный день. Теперь этот день, как посчитал Себастиани, настал. Визирю он при встрече сказал:

– Франция никогда не заключит ни с кем никакого договора без того, чтобы не оговорить в нем независимости и целостность Османской империи и исключить все, что могло бы нанести хоть какой-то ущерб процветанию Блистательной Порты!

Одновременно по всегдашней своей рассеянности посол забыл среди ковров визиря тяжелый мешок с золотом. Последний аргумент убедил визиря больше всего.

Спустя несколько дней Себастиани вручили правительственную ноту, где значилось, что Мустафа Четвертый будет продолжать войну с русскими до полной победы и так же никогда не заключит отдельного от Франции мира. Себастиани был доволен.

– Странное дело, – говорил он между своими в посольстве. – Отправляясь сюда, я был столь много наслышан о восточной хитрости и коварстве, сколь много вижу сейчас глупости и наивности! Однако дело сделано и туркам придется продолжить свою драку с русскими!

Голод в столице, однако, так и не был прекращен. Боясь новых волнений, новый султан требовал от Сеид-Али победы над эскадрой Сенявина. Турецкий флот стал деятельно готовиться к новой битве за Дарданеллы.

На «Твердом» отказ Порты от начала переговоров восприняли спокойно.

– Вероятно, вы еще выбили султану не все зубы! – комментировал за утранным кофе создавшуюся ситуацию Поццо-ди-Борго.

– Отказ от переговоров для нас означает выход в море турецкого флота и новое генеральное сражение! – помолчав, высказал свои соображения Сенявин. – Иного выхода им теперь просто не остается! Это будет решающий, а возможно и поворотный момент настоящей войны! Скорей бы!

В раскрытое окно адмиральского салона были хорошо видны покрытые дымкой Дарданеллы, такие близкие и такие далекие...

* * *

21 мая греческие рыбаки донесли Сенявину о появившемся в Архипелаге французском корсаре. Француз действовал весьма дерзко и умело, захватывая греческие суда под российским флагом. Последнее место, где видели корсара была Смирна.

Немедленно к главнокомандующему был зван командир «Венуса».

– Найти и уничтожить! – таков был краткий приказ Сенявина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.